Богословско-историческая коллекция
Духовные школы и духовное просвещение

Ростиславов Д.И.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ ПРИ ГРАФЕ ПРОТАСОВЕ

Вестник Европы, 1883,
№7, с. 121-187; №8, с. 581-611; №9, с. 200-249

© Сканирование и создание электронного варианта:

Учебный комитет РПЦ
www.uchkom.info

Санкт-Петербургская православная духовная академия
http://spbda.ru

Духовно-просветительский центр «Иліотропіонъ»
http://andreyblag.ru

Издательство «Аксион эстин»
www.axion-estin.ru

Москва, Санкт-Петербург, 2013

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМІЯ

при

ГРАФѢ ПРАТАСОВѢ

1836 — 1855 гг. [1]).

Въ нынѣшнемъ столѣтіи въ исторіи духовно-учебныхъ заведеній встрѣчаются двѣ наиболѣе замѣчательныя эпохи. Въ одну изъ нихъ,—въ концѣ перваго десятилѣтія, во время оберъ-прокурорства въ св. синодѣ князя Голицына, при дѣятельномъ участіи М. М. Сперанскаго и архіепископа Ѳеофилакта Русанова,—

---

[1]) Настоящая статья доставлена намъ отъ близкихъ родныхъ покойнаго Дмитрія Ивановича Ростиславова. Имя автора—одного изъ лучшихъ, наиболѣе заслуженныхъ писателей нашихъ по предметамъ быта духовенства—извѣстно читателямъ „Вѣстника Европы", гдѣ помѣщено было начало настоящаго труда („Петербургская духовная академія до графа Пратасова. Воспоминанія". Вѣстн. Евр. 1872, іюль, августъ, сентябрь). Д. И. Ростиславовъ род. въ 1809, учился въ рязанской семинаріи и петербургской духовной академіи, съ 1833 былъ въ послѣдней „бакалавромъ" (адъюнктомъ), потомъ профессоромъ математики и физики. Чтенія его возбудили живой интересъ слушателей, и предметъ, предоставляемый прежде на произволъ студентовъ, сдѣланъ былъ обязательнымъ; но позднѣе, въ сороковыхъ годахъ, успѣхъ лекцій вызвалъ неудовольствіе тогдашняго митрополита Антонія, который находилъ „страннымъ", что студенты оказывали больше успѣховъ въ физикѣ, чѣмъ въ богословіи. Въ 1852, болѣзнь горла принудила Ростиславова покинуть профессуру; онъ поселился въ Рязани и впослѣдствіи получилъ разрѣшеніе читать безплатныя лекціи по физикѣ въ мѣстной семинаріи. Чтенія его и здѣсь встрѣчены были съ такимъ интересомъ, что въ аудиторію устремились и посторонніе слушатели; Ростиславовъ началъ читать (въ шестидесятыхъ годахъ) публичныя лекціи, распространивъ ихъ предметъ и на другія отрасли естествовѣдѣнія и, какъ говоритъ его біографъ,—„лекторъ,

духовно-учебныя заведенія получили совершенно новое устройство въ научномъ, хозяйственномъ и административномъ отношеніяхъ. Другая эпоха относится къ послѣднему времени. Въ 1867 и 1869 г., изданы новые уставы, которые во многихъ отношеніяхъ радикально измѣнили положеніе духовно-учебныхъ заведеній.

Между этими двумя эпохами помѣщается время, когда графъ Пратасовъ былъ оберъ-прокуроромъ въ св. синодѣ. Тогда самые уставы духовно-учебныхъ заведеній, составленные Сперанскимъ и Ѳеофилактомъ Русановымъ, казались многимъ уже не вполнѣ удовлетворительными въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, но главнымъ образомъ административная и хозяйственная части почти всѣхъ духовныхъ училищъ находились въ самомъ непривлекательномъ видѣ. Графъ Пратасовъ, особенно въ началѣ своего оберъ-прокурорства, не хотѣлъ оставаться хладнокровнымъ зрителемъ недостатковъ, безпорядковъ и злоупотребленій, господствовавшихъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ. При немъ духовно-учебные порядки, конечно, не подвергались такимъ кореннымъ измѣненіямъ, какія были при оберъ-прокурорѣ князѣ Голицынѣ и какія происходили позже; за всѣмъ тѣмъ дѣятельность гр. Пратасова по духовно-учебному вѣдомству въ свое время надѣлала много шума, и стóитъ того, чтобы ознакомиться съ нею ближе. Знакомство это покажетъ не только ту пользу, которую гр. Пратасовъ доставилъ духовно-учебнымъ заведеніямъ, но и то глубокое различіе, которое находится между его реформами съ реформами позднѣйшими по духовно-учебному вѣдомству.

со стороны полуграмотнаго большинства и фанатиковъ, навлекъ на себя подозрѣніе въ безбожіи и сочувствіи къ протестантизму".

Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, Ростиславову, какъ человѣку компетентному въ вопросѣ, сдѣлано было оффиціально, отъ директора канцеляріи синода, предложеніе изложить свои соображенія по предмету улучшенія духовныхъ училищъ. О составленной имъ запискѣ было ему отвѣчено, что „по своему направленію" она не можетъ получить дальнѣйшаго хода. Ростиславовъ передалъ ее Погодину, и затѣмъ, невѣдомо какимъ образомъ, она вышла въ Лейпцигѣ подъ заглавіемъ: „О духовныхъ училищахъ въ Россіи". Книга произвела большое впечатлѣніе, какъ правдивое слово, и затѣмъ Ростиславовъ издалъ въ Лейпцигѣ другой замѣчательный трудъ: „Черное и бѣлое духовенство въ Россіи", 1865. Главной цѣли эти сочиненія достигли, и въ 1867, при преобразованіи духовныхъ училищъ, его указанія были приняты во вниманіе. Новымъ важнымъ его трудомъ былъ „Опытъ изслѣдованія объ имуществахъ и доходахъ нашихъ монастырей" (1872, 1876). Наконецъ, остается въ рукописи обширное сочиненіе, предметъ котораго составляетъ обозрѣніе степеней вѣротерпимости въ древнихъ и новыхъ религіяхъ, и въ разныхъ областяхъ христіанскаго ученія.— При жизни, имъ было также составлено нѣсколько руководствъ по математикѣ и физикѣ.—Онъ умеръ 18 февраля 1877 года.—*Ред.*

Чтобы читатель безошибочно могъ оцѣнивать дѣятельность гр. Пратасова въ петербургской духовной академіи и вообще по духовно-учебному вѣдомству, считаемъ за нужное: 1) сдѣлать нѣсколько замѣчаній о тѣхъ отношеніяхъ, въ которыхъ находились предшественники гр. Пратасова къ высшему духовенству, къ духовно-учебному вѣдомству вообще и къ петербургской духовной академіи въ частности;—замѣчанія эти лучше всего объяснятъ какъ то изумленіе и негодованіе, которыя обнаружились въ монашествующемъ духовенствѣ отъ безцеремоннаго и начальственнаго обхожденія новаго оберъ-прокурора съ академическими и семинарскими властями, такъ и ту замѣчательную смѣлость, которую гр. Пратасовъ выказывалъ, дѣйствуя въ петербургской академіи какъ полный хозяинъ, какъ настоящій высшій начальникъ; 2) описать то положеніе, въ которомъ находилась петербургская духовная академія въ 1836 г., когда графъ Пратасовъ назначенъ былъ оберъ-прокуроромъ св. синода. Изъ этого описанія читатель увидитъ, заслуживаетъ ли гр. Пратасовъ одобреніе или порицаніе за то, что онъ, какъ тогда говорили, *вторгнулся въ чуждую* якобы ему *область*.

I.

Князь Мещерскій и Нечаевъ, предшественники гр. Пратасова.

Изъ числа 19 лицъ, занимавшихъ должность оберъ-прокурора св. синода, начиная съ установленія ея и оканчивая началомъ 1855 г., самыми замѣчательными и, какъ выражаются, *самыми сильными* были князь Голицынъ и графъ Пратасовъ. Сила и вліяніе ихъ обусловливались не только личными ихъ качествами, поддержкою со стороны Верховной Власти, но и тѣмъ, что ни одинъ изъ прочихъ оберъ-прокуроровъ не состоялъ такъ долго на своей должности, какъ они. Графъ Пратасовъ оберъ-прокурорствовалъ почти 20 лѣтъ, а князь Голицынъ 14 лѣтъ, но онъ и послѣ того продолжалъ имѣть вліяніе на духовныя дѣла въ званіи министра духовныхъ дѣлъ. Далѣе, между обоими этими лицами есть еще особое сходство. Предъ Голицынымъ были оберъ-прокурорами *графъ Хвостовъ*, почитатель іерархической власти, покорнѣйшій слуга архіереевъ—членовъ св. синода, которые и были имъ очень довольны;—и *Яковлевъ*, человѣкъ твердаго характера и честный, рѣшившійся уничтожить вкравшіяся въ синодальное управленіе злоупотребленія, въ числѣ которыхъ былъ

ежегодный секретный раздѣлъ остаточныхъ 100,000 рублей между главными членами синода и ихъ пріятелями, — епархіальными архіереями. Митрополитъ петербургскій Амвросій и архіепископъ ярославскій Павелъ встревожились и хотѣли склонить Яковлева на свою сторону обѣщаніями и угрозами. Первый говорилъ ему: «если вы станете дѣйствовать съ нами заодно, получите и чинъ тайнаго совѣтника, и ленту, и столовыя деньги... и деревню получите». Когда же обѣщанія не подѣйствовали, то Амвросій сказалъ: «такъ знайте же, что близъ Государя у каждаго изъ насъ есть пріятели»... «Насъ много, а вы одни; мы сильны и опаснѣе для васъ, нежели вы для насъ». Павелъ былъ еще откровеннѣе, говоря: «не подражайте Чебышеву и Хованскому; перваго мы проклинаемъ, а второго угнали въ Симбирскъ и едва не въ Сибирь... ничего безъ насъ не докладывайте Государю». Непреклонный и честный Яковлевъ не увлекся обѣщаніями и не побоялся угрозъ, за то не прослужилъ и года въ св. синодѣ. Отставкѣ его радовались іерархи; Платонъ, митрополитъ московскій, въ письмѣ къ Амвросію, митрополиту петербургскому, пишетъ: «обрадованъ вашимъ писаніемъ, что вы обнадежены другимъ оберъ-прокуроромъ; а здѣсь слышно, что онъ уже уволенъ. Слава Богу!» (Прав. Обозр., 1869; письма Платона къ Амвросію). Но напрасно радовались; новый оберъ-прокуроръ князь Голицынъ оказался еще вліятельнѣе и грознѣе своего предшественника. Его, сильнаго царскою дружбою, нельзя было низвергнуть такъ же легко, какъ Яковлева. Пришлось ждать чуть не 20 лѣтъ, пока соединенными усиліями фанатика Фотія, графини Орловой, генерала Аракчеева и митрополита Серафима удалось упразднить министерство духовныхъ дѣлъ.

И графу Пратасову по оберъ-прокурорству предшествовали два лица, имѣвшія нѣкоторое сходство съ графомъ Хвостовымъ и Яковлевымъ.

Князь Мещерскій былъ добрый, кроткій, миролюбивый человѣкъ,—вступать въ борьбу съ іерархическою-монашескою партіею онъ и не думалъ: этому, можетъ быть, способствовала блистательная побѣда, одержанная митрополитомъ Серафимомъ надъ Голицынымъ. Не одинъ разъ приходилось видѣть его покорность, если не уничиженіе, предъ іерархами на такъ-называемыхъ публичныхъ экзаменахъ въ петербургской духовной академіи. На нихъ онъ обыкновенно всегда почти пріѣзжалъ гораздо ранѣе митрополита Серафима; академическое начальство даже и не встрѣчало его въ парадныхъ сѣняхъ; развѣ только экономъ или какой-либо наставникъ кстати подвернется. Въ промежутокъ вре-

мени до пріѣзда митрополита князь приходилъ въ залу, гдѣ собраны были студенты, и опять почти никѣмъ изъ начальства не сопровождаемый, поздоровавшись съ студентами, скажетъ имъ нѣсколько привѣтственныхъ словъ и спѣшитъ въ сѣни, чтобы не пропустить пріѣзда митрополита. Во время экзамена онъ, сидя рядомъ съ митрополитомъ Серафимомъ, изрѣдка тихо и понемногу съ нимъ разговаривая, самъ не предлагалъ никакихъ вопросовъ студентамъ, словомъ, велъ себя самымъ скромнымъ образомъ. Кромѣ того, въ каждый экзаменъ бралъ руку митрополита и усердно начиналъ цѣловать ее. Нацѣловавшись, сколько душѣ угодно, онъ выпускалъ руку митрополита и вновь принималъ свою скромную роль. Такое поведеніе оберъ-прокурора казалось страннымъ и неожиданнымъ даже для тогдашнихъ студентовъ академіи, хотя они и сами привыкли, да и въ другихъ видѣли сильную наклонность къ раболѣпству предъ высшими духовными властями. Митрополитъ Серафимъ какъ-будто бы и не замѣчалъ благоговѣйнаго цѣлованія своей руки оберъ-прокуроромъ; даже говорилъ въ то же время съ кѣмъ-либо другимъ. Лучше такого оберъ-прокурора монашеству и желать было не зачѣмъ; оно при немъ въ св. синодѣ дѣйствовало очень самостоятельно.

Князь Мещерскій былъ уволенъ отъ должности оберъ-прокурора въ 1833 г. и замѣщенъ Нечаевымъ, который еще въ званіи чиновника за оберъ-прокурорскимъ столомъ сдѣлался извѣстнымъ своею дѣятельностью и распорядительностью. Говорили тогда, будто покойный императоръ Николай Павловичъ, замѣтивъ бо́льшую противъ прежняго основательность оберъ-прокурорскихъ докладовъ, спрашивалъ о причинѣ такой перемѣны и узналъ, что это происходитъ отъ новаго чиновника за оберъ-прокурорскимъ столомъ. Занявши мѣсто Мещерскаго, Нечаевъ началъ дѣйствовать, какъ прилично оберъ-прокурору, и не выказывалъ того благоговѣйнаго раболѣпства предъ высшими духовными сановниками, какое замѣчалось въ его предшественникѣ. Нечаевъ къ началу публичныхъ экзаменовъ въ петербургской духовной академіи никогда не пріѣзжалъ и потому никогда не встрѣчалъ митрополита. Но академическое начальство очень озабочивалось его встрѣчею. У воротъ и на крыльцѣ академическаго дома стояли караульные, которые, по поговоркѣ, смотрѣли въ оба глаза, чтобы замѣтить, когда экипажъ оберъ-прокурора появится близъ академіи. Оберъ-прокуроръ пріѣхалъ,—его уже непремѣнно встрѣчаетъ экономъ или на крыльцѣ, или въ большихъ сѣняхъ дома. Онъ еще идетъ по этимъ сѣнямъ, а изъ залы или инспекторъ, или самъ ректоръ спѣшитъ встрѣтить его на лѣстницахъ или въ корридорѣ у церкви.

Онъ еще находится въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ залы, но обѣ половинки двери въ нее растворены; дѣлается извѣстнымъ публикѣ прибытіе его превосходительства; м. Серафимъ, снимавшій иногда съ головы клобукъ, торопливо надѣваетъ его; все принимаетъ суетливый характеръ. Входитъ въ залу Нечаевъ; разумѣется, всѣ встали; одѣтый въ парадную форму, онъ медленно, важно, почти торжественно, хоть и прихрамывая на одну ногу, подходилъ къ столу, за которымъ сидятъ члены св. синода, подставляетъ свою правую руку митрополитамъ и архіереямъ для полученія благословенія, но не цѣлуетъ ничьей благословляющей руки, раскланивается съ студентами и садится въ одномъ ряду съ іерархами. Во время описанной процедуры, продолжавшейся по нѣскольку минутъ, экзаменъ пріостанавливался и возобновлялся послѣ того, какъ всѣ усаживались. Сколько бы времени потомъ онъ ни продолжался, Нечаевъ не обнаруживалъ ничего похожаго на желаніе расцѣловать руку м. Серафима, какъ дѣлывалъ князь Мещерскій, но предлагалъ вопросы студентамъ, особенно по исторіи. Вообще въ пріемахъ Нечаева проглядывалъ не покорнѣйшій слуга митрополитовъ и архіереевъ, а начальникъ академіи, считавшій себя если не выше, то и не ниже тѣхъ лицъ, съ которыми онъ сидѣлъ рядомъ за экзаменаторскимъ столомъ.

Свою важность и самостоятельную дѣятельность Нечаевъ обнаруживалъ не на однихъ публичныхъ экзаменахъ въ петербургской духовной академіи, а и во всѣхъ вообще дѣлахъ по св. синоду и коммиссіи духовныхъ училищъ. Онъ хотѣлъ быть *окомъ Государя и стрянчимъ о дѣлахъ государственныхъ* (такъ называлъ оберъ-прокурора св. синода Петръ Великій), улучшить духовно-учебныя заведенія и положеніе бѣлаго духовенства, ограничить произволъ епархіальныхъ властей и пр. и пр... Но, кажется, онъ ошибался, думая, что на той высотѣ, на которой онъ тогда стоялъ, можно поддержать себя только честною и дѣятельною службою. Если самъ онъ не могъ вести интрижки, то ему, по крайней мѣрѣ, нужно было парализировать тѣ изъ нихъ, которыя противъ него были направлены. Сверхъ того онъ будто бы во время проѣзда чрезъ епархіальныя резиденціи позволялъ себѣ слишкомъ гордое и обидное обращеніе съ архіереями,—говорю: *будто бы*, потому что эти обвиненія выходили изъ враждебнаго ему лагеря. Къ несчастію, въ началѣ 1836 г. онъ по случаю болѣзни жены своей уѣхалъ въ Крымъ. Враги его воспользовались этимъ отсутствіемъ и повели противъ него заочную атаку. Нечаевъ, услыхавши о томъ, поспѣшилъ въ Петербургъ, но

опоздалъ; пріѣхавши сюда, узналъ, что онъ уже не оберъ-прокуроръ св. синода, а сенаторъ. Тогдашній профессоръ академіи и протоіерей петропавловскаго собора, Кочетовъ, человѣкъ очень практичный, едва ли не лучше всѣхъ объяснилъ паденіе Нечаева, сказавши: «Степанъ Дмитріевичъ немножко поторопился показать свои когти: ему бы надобно было напередъ запустить лапу и тогда уже начать дѣйствовать рѣшительнымъ образомъ». И дѣйствительно жаль, что Нечаевъ не «запустилъ лапы»; онъ въ званіи оберъ-прокурора св. синода имѣлъ желаніе и могъ бы сдѣлать много полезнаго для бѣлаго духовенства, для духовно-учебныхъ заведеній, но не для монашества.

II.

Вступленіе гр. Пратасова въ должность оберъ-прокурора св. синода.

Удаленіе Нечаева отъ должности оберъ-прокурора св. синода было очень пріятно іерархамъ и всему ученому монашеству не только потому, что въ этомъ случаѣ они одержали побѣду надъ человѣкомъ, котораго считали своимъ врагомъ и которому приписывали намѣреніе разыгрывать роль князя Голицына или, пожалуй, Яковлева, но и потому, что его мѣсто занялъ полковникъ гр. Пратасовъ, который, какъ они ожидали, будетъ готовъ къ ихъ услугамъ. Причиною такого ожиданія было то обстоятельство, что гр. Пратасовъ, исправляя должность оберъ-прокурора за отсутствіемъ Нечаева, казался вовсе неопаснымъ для нихъ человѣкомъ. Въ это время онъ будто бы очень мало входилъ въ подробности дѣлъ и соглашался во всемъ съ мнѣніями членовъ св. синода. Нѣкоторые изъ монашествующихъ и ихъ поклонниковъ съ удовольствіемъ тогда разсказывали, что гр. Пратасовъ, сколько бы къ нему ни приносили протоколовъ, журналовъ и бумагъ св. синода и коммиссіи духовныхъ училищъ, очень скоро ихъ подписывалъ, и что будто бы даже любилъ хвалиться, говоря: «а что? за мною вѣдь нѣтъ остановки въ дѣлахъ; я скоро подписываю все и сдаю». Потомъ, при нерѣдкихъ оффиціальныхъ обѣдахъ въ комнатахъ петербургскаго митрополита, онъ казался простымъ, добрымъ, внимательнымъ, даже предупредительнымъ. Дѣйствовалъ ли такимъ образомъ онъ съ заднею мыслію расположить къ себѣ высшую іерархію, или полагалъ, что ему, какъ временно исправлявшему должность оберъ-прокурора, рано еще было строго исполнять одинъ изъ

пунктовъ инструкціи Петра Великаго оберъ-прокурору св. синода, именно «смотрѣть накрѣпко, дабы синодъ свою должность хранилъ и въ своемъ званіи праведно и нелицемѣрно поступалъ»,— только тогда говорили, что такой образъ дѣйствій гр. Пратасова очень нравился іерархамъ, и что они чрезъ митрополита Серафима сами просили о назначеніи его оберъ-прокуроромъ. Но слишкомъ скоро оказалось, что гр. Пратасовъ далеко не оправдывалъ тѣхъ надеждъ, которыя имѣли относительно его монашествующіе.

Смутное опасеніе объ этомъ мнѣ удалось въ первый разъ слышать отъ тогдашняго баккалавра петербургской духовной академіи іеромонаха Климента Можарова. Не отличаясь ни особеннымъ умомъ, ни ученостью, онъ имѣлъ какое-то чутье угадывать враговъ своего сословія, — чутье, которое такъ нерѣдко и сильно изощряется у людей, вѣчно стоящихъ, какъ говорится, на стражѣ. Потомъ какъ человѣкъ смѣтливый, даже, можетъ быть, немножко пронырливый и склонный къ интригамъ, онъ умѣлъ быть знакомымъ съ тѣми лицами, отъ которыхъ можно узнавать всѣ новости по духовному вѣдомству. Притомъ о. Климентъ былъ рьянымъ защитникомъ всѣхъ привилегій и притязаній монашества; самъ умеръ, не достигши архіерейскаго сана, но очень долгое время имѣлъ право надѣяться быть архіереемъ. И потому мысли, имъ высказываемыя въ извѣстныхъ случаяхъ, можно было считать за мнѣнія многихъ современныхъ ему іерарховъ и вообще всего ученаго монашества. Этотъ-то человѣкъ былъ въ восторгѣ отъ назначенія гр. Пратасова оберъ-прокуроромъ и не скрывалъ своей ненависти къ Нечаеву. Въ іюлѣ или августѣ 1836 г., послѣ какого-то оффиціальнаго обѣда у митрополита, мнѣ случилось съ нимъ разговаривать о новомъ оберъ-прокурорѣ.

— А знаете ли,—сказалъ онъ,—вѣдь *мы* ошиблись на счетъ него, сильно ошиблись.

— Какъ ошиблись?—спросилъ я.

— Да, ошиблись; едва ли онъ не будетъ хуже Нечаева; кажется, промѣняли сокола на ястреба.

— Да не сами ли вы такъ его расхваливали?

— Что дѣлать? «надулъ» онъ всѣхъ насъ.

— Да скажите, что же такое случилось?

— А вотъ видите; вчерашній обѣдъ у высокопреосвященнѣйшаго митрополита открылъ *наши* глаза. Бывало, онъ (т.-е. гр. Пратасовъ) пріѣдетъ очень рано, вѣжливо со всѣми раскла-

нается, ведетъ себя скромно. Ну а вчера заставилъ всѣхъ порядочно подождать себя; потомъ прошелъ черезъ залу, стуча своею саблею и не обращая никакого вниманія на наши поклоны, и послѣ, какъ въ гостиной у митрополита, такъ и за столомъ, оказался вовсе не тѣмъ, чѣмъ до сихъ поръ былъ. Слышно также, что и въ св. синодѣ начинаетъ всѣмъ командовать. Да, кажется, *мы* ошиблись.—Впрочемъ, для успокоенія своего о. Климентъ прибавилъ: «*намъ*, слава Богу, опасаться его (гр. Пратасова) нечего; *нашъ* старецъ (митрополитъ Серафимъ) бодрствуетъ; онъ уже двухъ оберъ-прокуроровъ низвергнулъ; достанется и третьему, если онъ зазнается».

Между тѣмъ еще поранѣе этого разговора гр. Пратасовъ началъ обнаруживать свои, по тогдашнему выраженію, притязанія на вмѣшательство въ дѣла петербургской духовной академіи. Въ ней ректорствовалъ въ то время Виталій Щепетевъ, бывшій ея воспитанникъ, но, такъ сказать, докончившій свое воспитаніе подъ вліяніемъ московскаго митрополита Филарета Дроздова, потому что съ окончанія академическаго курса до перехода въ Петербургъ онъ постоянно находился на духовно-училищной службѣ въ московской епархіи. Онъ былъ человѣкъ умный, съ твердымъ характеромъ, съ практическимъ тактомъ, довольно скромный, нѣсколько гордый съ подчиненными, но умѣвшій быть ласковымъ и вѣжливымъ, хладнокровный и спокойный. Вскорѣ послѣ утвержденія гр. Пратасова оберъ-прокуроромъ, Виталій, послѣ продолжительнаго съ нимъ разговора, о которомъ однакожъ онъ неохотно заводилъ рѣчь, близкимъ къ нему сослуживцамъ не разъ повторялъ: «новый оберъ-прокуроръ не то, что Нечаевъ. Кажется, онъ думаетъ пріѣхать въ академію, чтобы осмотрѣть ее». Но и Виталій, не смотря на свою проницательность, едва ли вполнѣ вѣрилъ въ возможность подобныхъ визитовъ, по крайней мѣрѣ не очень ихъ боялся; къ этому могло располагать его тогдашнее отношеніе академіи къ внѣшнему міру.

Въ самомъ дѣлѣ, начальство ея по части внутренней администраціи признавало почти только одного надъ собою командира, т.-е. петербургскаго митрополита Серафима, и могло себя считать счастливѣйшимъ. Самъ высокопреосвященнѣйшій бывалъ въ академіи разъ или два на экзаменахъ въ годъ. Да и въ этихъ случахъ проходилъ по сѣнямъ, по лѣстницамъ и корридорамъ мимо церкви въ залу, а изъ нея по окончаніи экзамена мимо той же церкви пробирался черезъ библіотеку или физическій кабинетъ въ комнаты ректора, чтобы тамъ закусить чего-нибудь

и затѣмъ поблагодарить о. ректора за превосходное состояніе академіи. Въ студенческія комнаты, столовую, больницу и пр. его высокопреосвященство и не заглядывалъ. Да притомъ онъ вѣрилъ, что все вездѣ прекрасно. Потомъ академическое начальство, не обезпокоиваемое своимъ ближайшимъ командиромъ, было вмѣстѣ съ тѣмъ подъ его мантіей безопасно и отъ внѣшнихъ нападеній. Если какой-нибудь вновь пріѣхавшій въ Петербургъ членъ св. синода или новопоставленный архіерей изъявляли желаніе посмотрѣть академію, то они напередъ сказывали о томъ ректору, а иногда докладывали даже митрополиту. По пріѣздѣ въ академію посѣтитель первоначально заходилъ къ ректору; его тамъ позадерживали разговоромъ, а между тѣмъ давали знать инспектору и эконому, чтобы они приготовились къ пріему посѣтителя; но и тутъ показывали только церковь, библіотеку, залу, нѣсколько студенческихъ комнатъ, да столовую; я рѣшительно не помню, чтобы хоть кому-либо позволили сдѣлать подробный осмотръ академіи. Разумѣется, все находили прекраснымъ, благодарили отца ректора и инспектора; затѣмъ, большею частію тогда же или вскорѣ послѣ, заходили къ митрополиту Серафиму, чтобы выразить свое удовольствіе, испытанное при посѣщеніи академіи. Старикъ обыкновенно въ этомъ случаѣ говаривалъ: «да, я знаю, знаю, что у меня тамъ все прекрасно». Что же касается другихъ посѣтителей, особенно изъ свѣтскихъ лицъ, то развѣ ректоръ или инспекторъ показывали своимъ знакомымъ библіотеку, церковь, залу, классы, нѣсколько комнатъ студенческихъ и столовую, напередъ распорядившись, чтобы тамъ все было хорошо, по крайней мѣрѣ, чтобы не было слишкомъ дурно.

Сами оберъ-прокуроры св. синода не слѣдили за тѣмъ, какъ студентовъ учатъ, содержатъ, одѣваютъ и пр. Было даже почти общее убѣжденіе, что на это они и не имѣютъ права. Духовно-учебныя заведенія тогда непосредственно подчинялись не св. синоду, а коммиссіи духовныхъ училищъ, гдѣ засѣдали члены св. синода и оберъ-прокуроръ, но не какъ оберъ-прокуроръ, а какъ членъ, подобный другимъ. Единственная привилегія его состояла въ томъ, что имъ подписывались всѣ исходящія бумаги изъ коммиссіи, но она считалась обязанностью, а не привилегіею. На основаніи этихъ обстоятельствъ и думали, что отношенія оберъ-прокурора къ академіи нисколько не отличаются отъ отношеній къ ней прочихъ членовъ коммиссіи. И такъ какъ члены изъ духовныхъ особъ, по уваженію къ митрополиту Серафиму, какъ ближайшему начальнику петербургской духовной академіи,

и не думали входить въ разсмотрѣніе ея управленія, то полагали, что и оберъ-прокурорамъ не зачѣмъ ѣздить въ нее. Это, повидимому, подтверждалось поведеніемъ самихъ оберъ-прокуроровъ. Князь Мещерскій только и бывалъ въ ней на публичныхъ экзаменахъ. Даже Нечаевъ ни разу не осматривалъ академіи, хотя, по слухамъ, и поговаривалъ о томъ, что онъ когда-нибудь для этого пріѣдетъ въ нее. Но новый оберъ-прокуроръ не обращалъ вниманія на предшествовавшіе примѣры, и вскорѣ послѣ каникулъ потребовалъ себѣ свѣдѣніе о томъ, въ какіе дни и часы преподаетъ тотъ или другой наставникъ свой предметъ. По этому требованію, ужъ, кажется, можно бы догадаться о намѣреніи гр. Пратасова пріѣхать въ академію въ качествѣ начальника. Но людямъ, привыкшимъ къ извѣстнымъ порядкамъ, къ безмятежному спокойствію, не желательно, чтобы кто-либо нарушалъ ихъ, а чего хочется, тому и вѣрится. Намѣреніе гр. Пратасова посѣтить академію одни объясняли простымъ любопытствомъ, даже свѣтскою любезностью, которую его сіятельство хотѣлъ оказать ей; другіе же, особенно монашествующіе, видѣли въ томъ что-то странное, ненормальное. Впрочемъ, такія мысли главнымъ образомъ поддерживались тѣмъ, что визиты оберъ-прокурора не были желательны по многимъ причинамъ, о которыхъ сейчасъ будетъ сказано.

III.

О состояніи петербургской духовной академіи при вступленіи графа Пратасова въ должность оберъ-прокурора св. синода.

Наши іерархи, а вмѣстѣ съ ними и монашествующее начальство академіи хорошо понимали, что императорскій флигель-адъютантъ, свѣтскій и придворный человѣкъ, урожденный графъ, будетъ судить объ академіи по тому *идеалу*, который тогда въ свѣтскомъ оффиціальномъ обществѣ считался необходимымъ для всякаго, особенно средняго и высшаго учебнаго заведенія.

Хотя въ описываемое мною время петербургская духовная академія, по внѣшнему своему устройству, была, вѣроятно, лучшимъ изъ всѣхъ духовно-учебныхъ заведеній, но за всѣмъ тѣмъ едва ли не хуже нынѣшнихъ такъ-называемыхъ преобразованныхъ семинарій и рѣшительно уже не подходила подъ тотъ идеалъ, который мною сейчасъ обрисованъ. У дверей съ парадного крыльца пріѣхавшій въ академію посѣтитель не увидалъ бы ни швейцарской булавы, ни треугольной шляпы, ни швей-

царской ленты черезъ плечо и пр., потому что и самого швейцара не было. Пріѣзжій входилъ въ огромнѣйшія, не очень свѣтлыя сѣни, носившія на себѣ характеръ тѣхъ подземелій, которыхъ описаніе въ былыя времена встрѣчалось чуть не въ каждомъ романѣ блаженной памяти госпожи Радклифъ. Изъ этихъ сѣней было нѣсколько ходовъ въ разныя части зданія; два, наиболѣе красивые, вели къ церкви и смежнымъ съ нею корридорамъ, другіе два вели на студенческую и на начальническую половины, а въ концѣ сѣней находились еще два хода *въ катакомбы*, т.-е., въ подвальный этажъ откуда, пожалуй, какъ изъ какого-либо радклифовскаго подземелья, нелегко было найти выходъ. Счастливъ пріѣзжій, если онъ въ сѣняхъ встрѣчалъ кого-либо изъ академическихъ жителей, который бы указалъ ему надлежащую дорогу, а то случалось, что иной долженъ былъ долгоньво похаживать по сѣнямъ въ ожиданіи встрѣчи съ кѣмъ-нибудь. Рѣшившіеся же сами себѣ пролагать дорогу и *добывать языка* не всегда дѣлали удачный выборъ; смѣлѣйшіе, замѣтивъ наиболѣе парадный ходъ къ церкви, туда и отправлялись, но тамъ только въ часы богослуженія и во время классовъ можно было кого-либо встрѣтить. Другіе же менѣе смѣлые попадали даже въ катакомбы.

Пища студентовъ, особенно въ скоромные дни, была довольно порядочная, но сценическая, такъ сказать, обстановка ея не могла назваться хорошею, даже еслибы обсуживать ее не по идеалу свѣтскихъ заведеній. Столовое бѣлье перемѣнялось однажды въ недѣлю и къ концу ея уже никакъ не могло назваться чистымъ, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые студенты, не ознакомившись въ семинарскихъ бурсахъ съ назначеніемъ салфетокъ, употребляли ихъ вмѣсто носовыхъ платковъ. Столовая посуда была мѣдная, луженая, ложки деревянныя въ видѣ лодочекъ. Но въ свѣтскомъ посѣтителѣ не могло не произвести дурного впечатлѣнія при самомъ починѣ обѣда слѣдующее обстоятельство. Для сидѣнья студентамъ находилось здѣсь до 40 небольшихъ скамеекъ, которыя не въ обѣденное время задвигались подъ столы. Вотъ бьетъ звонокъ къ обѣду; отворяются обѣ половинки двери въ столовую; студенты спѣшатъ взойти въ нее и размѣститься на назначенныхъ имъ мѣстахъ. Такъ какъ входили всѣ, не соблюдая никакого порядка, то также безпорядочно размѣщались. Придвинутыя 40 скамеекъ надобно было отодвинуть для того, чтобы на нихъ сѣсть; и вотъ начиналась разыгрываться музыка отъ 40 этихъ вовсе не гармоническихъ инструментовъ. Наконецъ, молитвы не пѣли, а чередной старшій прочитывалъ ее; но это дѣлалось въ

то время, когда въ столовой былъ кто-либо изъ начальниковъ; въ другихъ же случаяхъ эта формальность не исполнялась, или исполнялась кое-какъ.

Стѣны, потолки и полы въ комнатахъ, занимаемыхъ студентами, окрашивались черезъ 3—4 года. Уже по этому одному они не могли отличаться *красивостью*, но было еще нѣсколько обстоятельствъ, отъ которыхъ они дѣлались безобразными. По какимъ-то бурсацкимъ преданіямъ, въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ отдѣльныя спальни для воспитанниковъ считались если не грѣхомъ, то вещью ненужною и даже вредною. Отъ этого и въ петербургской духовной академіи въ одной и той же комнатѣ стояли кровати для спанья, столы и табуреты для учебныхъ занятій, шкафы для платья, комоды и сундуки для книгъ и бѣлья, —всѣмъ можно было полюбоваться вдругъ. Кровати располагались по длинѣ стѣнъ и плотно къ нимъ придвигались, отъ чего краска на стѣнахъ студентами или стиралась, или засаливалась; такъ что, вынесши всѣ кровати изъ комнаты, можно было по этимъ засаленнымъ мѣстамъ узнать, гдѣ онѣ стояли. Далѣе, многіе студенты особенно въ ночное время плевали и харкали на стѣны. Наконецъ, ученый народъ не могъ же не дѣлать чернильныхъ пятенъ на столахъ, полахъ и даже стѣнахъ.

Краска на полахъ, подновляемая чрезъ 3—4 года, не могла не стираться ногами студентовъ, особенно близъ дверей и столовъ, за которыми они занимались. Комнаты такимъ образомъ раздѣлялись на отдѣльныя какъ бы области; въ однихъ краска болѣе или менѣе держалась, въ другихъ же доски показывали свой натуральный цвѣтъ. Къ этому еще слѣдуетъ прибавить новое обстоятельство. Подъ каждою кроватью, стоялъ сундукъ, который по нѣскольку разъ въ день выдвигался и задвигался; отъ этого дно каждаго сундука, стирая мало-по-малу краску, производило разнообразные рисунки на полу. Какъ будто для того, чтобы увеличить безобразіе и неопрятность въ комнатѣ, студентамъ дозволено было на свой счетъ пить чай; для этого они имѣли не только свои чайныя чашки, чайники, но и самовары. И опрятной хозяйкѣ нужно не мало хлопотъ и заботъ, чтобы не оставалось никакихъ слѣдовъ чаепитія, но студенты не принадлежали къ числу опрятныхъ хозяекъ, да имъ нечѣмъ было и вытирать столы. Понятно, какіе были результаты всего этого. Подоконники и столы, на которые, за неимѣніемъ поддонковъ, прямо ставили самовары, по мѣстамъ обугливались, покрывались пятнами отъ горячихъ блюдечекъ и чашекъ; остатки чая, за неимѣніемъ полоскательныхъ чашекъ, выливались въ плевальницы,

а то и просто на полъ или на столъ. Въ добавокъ тамъ выглядывалъ самоваръ, иногда нечищенный, Богъ знаетъ, сколько времени; тутъ красовались чайникъ съ отбитымъ носкомъ или чашка безъ ручки и пр. Заглянувши подъ кровать, можно было увидать даже и бутылки, только не съ квасомъ или водою. Прибавьте сюда разбросанныя книги, не прибранное въ шкафъ платье, лишніе сапоги, болѣе или менѣе годные и негодные и пр., и пр. Непривлекательная картина! О томъ, чтобы кровати были аккуратно убраны, нельзя было и думать. Бумазейныя одѣяла, выдававшіяся студентамъ, сами собою не отличались ни видомъ, ни добротою, ни даже прочностью, еще менѣе бѣлизною, потому что студенты, ложась на нихъ днемъ въ сапогахъ, зачернивали ихъ очень скоро. Если же опрятный студентъ отдавалъ ихъ въ мытье, то постель оставалась безъ одѣяла до 20 дней и закрывалась простынею, которую можно было перемѣнять не ранѣе, какъ черезъ 10 дней. Уборкою кроватей занимались сами студенты; но еслибы прислуга съ утра натянула, какъ слѣдуетъ, одѣяла и взбила перья въ подушкахъ, то студентами все это въ теченіи дня было бы принято.

Мебель вполнѣ соотвѣтствовала комнатамъ; единственнымъ матеріаломъ для устройства ея служила сосна; не только красного, ясеневаго или дубоваго, даже, кажется, березоваго дерева не было на нее употребляемо. Конечно, при постройкѣ ея плотникъ или столяръ дѣйствовалъ не однимъ топоромъ или пилою; приходилось ему прибѣгать и къ скобели, и даже къ рубанку, но за всѣмъ тѣмъ вся она имѣла характеръ топорной работы; такъ мало было въ ней притязаній на изящество или вкусъ. При устройствѣ ея главная забота, кажется, состояла въ томъ, чтобы ее трудно было изломать, даже еслибы кто и рѣшился сдѣлать это. Въ самыхъ классахъ столы, за которыми засѣдали гг. профессоры и баккалавры (каѳедръ не было), по грубой своей отдѣлкѣ и некрасивой формѣ, приличнѣе были бы для деревенской избы небогатаго крестьянина, нежели для высшаго учебнаго заведенія. Немного получше этой мебели были классные столы или парты, шкафы, комоды, а табуреты едва ли даже и не хуже ея.

Трудно было разсчитывать, чтобы и студенты своимъ внѣшнимъ видомъ могли произвести пріятное впечатлѣніе на то лицо, которое привыкло судить о воспитанникахъ училищъ по идеалу свѣтскихъ заведеній. Тогда въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ господствовала во всей силѣ теорія смиренія и уничиженія. Въ глазахъ монашествующаго начальства для пріобрѣтенія титула бла-

гонравнаго воспитанника, между прочимъ, нужно было имѣть опущенные долу очи, немножко постноватый видъ, нѣсколько угрюмую физіономію, смотрѣть не всѣми, такъ сказать, глазами, а изъ подлобья, кланяться въ поясъ на манеръ монастырскихъ послушниковъ. О томъ, чтобы семинаристы были ловки, развязны, имѣли хорошую выправку и свѣтскіе пріемы, чтобы умѣли сдѣлать приличный поклонъ, заботились о своей прическѣ, смотрѣли прямо въ глаза, говорили бойко, безъ застѣнчивости,—о всемъ этомъ и тому подобномъ почти никто изъ начальствующихъ не заботился; это-де относится къ внѣшности. Конечно, въ духовныя академіи поступали лучшіе семинаристы; многіе изъ нихъ, впрочемъ, не отъ вліянія своего монашескаго начальства, понимали нелѣпость бурсацко-семинарскихъ пріемовъ и старались отъ нихъ освободиться; встрѣчалось между ними немало такихъ, которые умѣли усвоить себѣ свѣтскую ловкость и развязность; сюда особенно принадлежали студенты, поступавшіе изъ семинарій петербургской и западныхъ губерній. Но за тѣмъ еще очень много оставалось студентовъ, которые не освободились отъ семинарщины. Достаточно сказать, что въ это время или очень близко къ нему учились въ петербургской духовной академіи студенты Дм. М., С. В. и И. Л., всѣ они принадлежали къ первому разряду; между тѣмъ инспекторъ находилъ нужнымъ предъ экзаменами, особенно публичными, посмотрѣть, причесалъ ли одинъ изъ нихъ свои волосы и нѣтъ ли въ нихъ и на платьѣ пуха, а другихъ двухъ поучить, какъ они должны стоять предъ экзаменаторами и какъ имъ кланяться. Какъ же послѣ этого не желать, чтобы никто изъ свѣтскихъ вліятельныхъ лицъ не заглядывалъ не только въ семинаріи, но и въ академіи? Вѣдь ясно, что угрюмые, съ опущенными внизъ глазами, или изъ подлобья посматривающіе, неразвязные, неловкіе, мѣшковатые, не умѣющіе прилично поклониться студенты не понравятся свѣтскому носѣтителю.

Къ большей бѣдѣ одежда и бѣлье студентовъ были въ то время слишкомъ въ неудовлетворительномъ состояніи. Почти навѣрное можно сказать, что въ настоящее время въ такъ-называемыхъ преобразованныхъ низшихъ духовныхъ училищахъ казенные воспитанники одѣты и снабжены бѣльемъ лучше, нежели тогдашніе студенты академіи. Не говорю уже о томъ, что послѣдніе не получали отъ казны ни носовыхъ платковъ, ни утиральниковъ, ни теплыхъ носковъ, ни калошъ, ни шинели, ни фуражки; для прикрытія головы выдавалась на два года шляпа, едва ли стоившая пяти рублей ассигнаціями. Суконный сюр-

тукъ назначался на два года; въ немъ ходили въ церковь, въ городъ, одѣвались вообще въ парадныхъ случаяхъ, или когда уже нечего было надѣть. Обыкновенною повседневною одеждою служили нанковые сюртуки, почему-то называвшіеся шлафроками; ихъ выдавали по одному на цѣлый годъ. Только на черезъ-чуръ скромныхъ студентовъ, избѣгавшихъ всякаго порывистаго и живого движенія, такой шлафрокъ могъ къ концу года имѣть *нѣкую доброту*, но и то очень и очень позасаливался; у большинства же къ тому времени, а у многихъ и чрезъ полгода совсѣмъ изнашивался и, какъ говорится, валился съ плечъ. Притомъ для починки платья не нанимали портного; студенты должны были или сами зачинивать свою одежду, или поручать это служителямъ, разумѣется, за деньги. Но у одного не доставало искусства шить, у другого не было ни гроша; отъ этого прорѣхи и на швахъ и въ цѣльныхъ мѣстахъ, оставаясь долго незашитыми, болѣе и болѣе увеличивались. Не шутя говорю, что иногда можно было встрѣчать господина, на которомъ нанковый сюртукъ былъ не только засаленъ, зачерненъ, даже съ грязноватымъ глянцемъ, но и безъ порядочной части рукава или полы. Брюки шили для зимы изъ очень посредственнаго сукна, а для лѣта изъ китайки бланжеваго цвѣта. Впрочемъ, студенты относительно этого платья вели себя по патріаркальному; очень многіе и очень часто не только въ жилыхъ комнатахъ сидѣли, но и на лекціи въ классъ ходили безъ брюкъ;—повѣрьте, именно безъ брюкъ. И теперь смѣшно вспомнить, какъ иной дѣтина лѣтъ въ 25, ростомъ 2 аршина и 10 даже вершковъ, который черезъ годъ и менѣе будетъ гдѣ-либо профессоромъ, идетъ бывало по классу при наставникѣ и лѣвою рукою придерживаетъ правую полу своего нанковаго сюртучка, чтобы она, распахнувшись, не показала *міроѳу* нижняго бѣлья. При столь явно-недостаточной одеждѣ многіе имѣли свою собственную; не говорю уже о шинеляхъ, можно было въ шкафахъ и на самихъ студентахъ увидать тулупы, халаты или сюртуки не изъ казенныхъ матеріаловъ. Какъ же было не желать, чтобы свѣтскія вліятельныя лица никогда не заглядывали въ духовную академію? Хорошо еще, если напередъ узнаютъ о ихъ прибытіи; тогда велятъ пріодѣться въ сюртуки и надѣть на себя брюки. Ну, а если налетитъ кто-нибудь орломъ или ястребомъ неожиданно, непрошенный? вѣдь онъ сразу застанетъ кого въ засаленномъ и разодранномъ рубищѣ, кого въ халатѣ, а то, пожалуй, и въ тулупѣ.

Прислуга же показалась бы всякому еще безобразнѣе одѣ-

тою, нежели студенты. Ее кормили, но не обмундировывали на казенный счетъ, а выдавали ей рублей по осьми ассигнаціями жалованья въ мѣсяцъ. Такое жалованье и въ то время не очень было привлекательно; приходилось нанимать отставныхъ солдатъ —стариковъ, которые не могли найти себѣ болѣе выгодныхъ мѣстъ по своимъ слабостямъ и недостаткамъ. Небольшое свое жалованье употребляя на разныя свои потребности, а частенько и на подкрѣпленіе себя жизненною водою, они немного оставляли на свою экипировку. Отъ этого, конечно, кое-кто изъ прислуги одѣтъ былъ порядочно, но большинство получало отъ студентовъ изношенное ими платье, и оно-то со многими заплатами, еще болѣе прежняго засаленное и зачервленное, красовалось на служителяхъ. Нѣкоторые изъ нихъ казались иногда похожими по своей одеждѣ на нищихъ.

Нельзя не сказать и того, что начальство, привыкши съ давнихъ поръ жить подъ сѣнію митрополита, вело себя, какъ говорится, спустя рукава, не умѣло продать товаръ лицомъ и не владѣло искусствомъ выставить на видъ даже то, что у него было дѣйствительно хорошо, отличаться своею изворотливостью, усердіемъ и услужливостью предъ важными посѣтителями.

Наконецъ внѣшняя даже сторона учебной части (о внутренней я ничего пока не говорю) страдала порядочными недостатками. На каждую лекцію назначалось тогда по два часа. Конечно, нелегко было непрерывно говорить столь продолжительныя лекціи; но многіе наставники уже очень заботились о сокращеніи ихъ, являясь въ классъ послѣ звонка спустя не только полчаса, но и цѣлый часъ. Затѣмъ и студенты, конечно, не всѣ, приходили на лекціи послѣ наставниковъ; а очень часто и вовсе не жаловали, такъ что у нѣкоторыхъ баккалавровъ и даже профессоровъ, не пользовавшихся репутаціей, сидѣло иногда менѣе половины студентовъ. Инспекторъ принималъ мѣры противъ такого самовольства, но и студенты умѣли укрываться отъ него въ разныхъ тайныхъ мѣстахъ, которыхъ было не мало въ академическомъ домѣ и садѣ и куда не проникалъ инспекторскій глазъ.

По всей вѣроятности читатели будутъ бранять тогдашнее академическое начальство, почему оно или не хотѣло замѣтить описанные здѣсь недостатки или, замѣчая ихъ, не принимало мѣръ въ ихъ исправленію. Не обвиняйте его, по крайней мѣрѣ, произнося свой приговоръ, примите во вниманіе смягчающія обстоятельства. Начальники тогдашніе и прежніе видѣли недостатки и нѣкоторые изъ нихъ искренно желали исправить ихъ,

но что же станешь дѣлать съ силой, которая солому ломитъ. По господствовавшей тогда въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ теоріи смиренія и уничиженія, хорошо одѣвать и прилично содержать студентовъ не слѣдовало. Одѣнь ихъ хорошо, тогда они ознакомятся съ свѣтскими людьми, позаимствуются отъ нихъ мірскими идеями и потеряютъ характеръ духовныхъ воспитанниковъ; пусть останутся тѣмъ, чѣмъ были («sint, ut sunt»). Пусть, и сидя дома, въ своихъ разодранныхъ и засаленныхъ казенныхъ шлафрокахъ, не слишкомъ высоко думаютъ о себѣ, видя, что они по одеждѣ своей очень похожи на бурсаковъ-семинаристовъ. Зачѣмъ также заботиться о чистотѣ въ комнатахъ? вѣдь не только отцы студентовъ, но и всѣ тогдашніе владыки въ своей молодости жили еще грязнѣе; да и студентамъ по окончаніи академическаго курса, Богъ знаетъ еще, гдѣ и какъ придется жить. Пріучи ихъ въ академіи къ полному довольству и нѣкоторой хоть пышности, тогда имъ тяжелѣе будетъ переносить предстоящія лишенія на службѣ. Еще была болѣе странная теорія—беречь казенныя деньги, но съ заднею мыслью: тогда вмѣнялось въ особую заслугу начальникамъ духовно-учебныхъ заведеній то, что они изъ небогатыхъ окладовъ умѣли экономливать остатки и составлять при своихъ заведеніяхъ такъ-называемыя остаточныя суммы; за это собственно давались награды; въ петербургской духовной академіи остаточныхъ суммъ съ накопившимися процентами было до ста тысячъ серебромъ. При господствѣ такого рода теоріи начальникъ академіи, рѣшившійся хлопотать о какихъ-либо улучшеніяхъ относительно студентовъ, получалъ обыкновенно отъ митрополита одинъ отвѣтъ. «Къ чему это? мы еще хуже жили, да вотъ вышли въ люди; берегите лучше деньги, когда-нибудь онѣ пригодятся». Однажды академическое начальство какъ-то уговорило митрополита дозволить сдѣлать представленіе въ коммиссію духовныхъ училищъ объ улучшеніи студенческой одежды, но оттуда получило отвѣтъ, что представленіе академическаго правленія будетъ принято во вниманіе при составленіи новаго положенія объ одеждѣ студентовъ. Послѣ этого за что же сурово обвинять академическое начальство во многихъ тогдашнихъ недостаткахъ?

Впрочемъ, предъ самымъ *нашествіемъ* (такъ называли потомъ первые визиты, которые сдѣлалъ гр. Пратасовъ петербургской духовной академіи) академическое начальство предприняло нѣкоторыя улучшенія отчасти съ разрѣшенія митрополита, отчасти же и не спрашиваясь его. Оно настойчиво потребовало,

чтобы наставники поранѣе ходили въ классъ, а студенты не оставались во время лекцій въ жилыхъ комнатахъ и въ тайныхъ мѣстахъ, а сидѣли непремѣнно въ классахъ. Приказано было также студентамъ не ходить въ классъ, такъ сказать, *дезабилье*, надѣвать казенное платье для соблюденія хоть какого-либо однообразія въ одеждѣ, прибирать въ жилыхъ комнатахъ въ комоды, шкафы и сундуки,—платье, книги, бѣлье, чайники, чашки и пр. Потомъ, начальство деревянныя ложки въ столовой замѣнило ложками изъ начинавшаго тогда входить въ моду нейзильбера или польскаго серебра, купило для кроватей новыя байковыя, очень хорошія одѣяла, дѣйствуя въ этомъ случаѣ даже противъ устава, который назначалъ для каждаго студента только одно бумазейное одѣяло. Наконецъ, наняло для приготовленія студенческой пищи настоящаго повара, а до того времени главнымъ поваромъ состоялъ солдатъ, учившійся кулинарному искусству на академической же кухнѣ. Замѣчательно, что это нововведеніе едва ли не болѣе всего было порицаемо не только въ академіи, но и въ бѣломъ петербургскомъ духовенствѣ. «Вотъ еще,—говорили ревнители старины,—придумали завести ученаго повара! Какъ будто для студентовъ нужно готовить разныя фрикасе и бламанже! Къ чему эта излишняя роскошь?» И только по истеченіи цѣлаго года перестали мало-по-малу повторять свои аскетическіе возгласы, когда цифрами имъ доказали, что студенческая пища, очень улучшившись при настоящемъ поварѣ, между тѣмъ обошлась дешевле прежняго едва ли не двумя тысячами рублей ассигнаціями.

Разумѣется, подобного рода улучшенія не могли измѣнить общую, такъ сказать, физіономію академіи, тѣмъ болѣе, что гр. Пратасовъ былъ, какъ тогда не безъ основанія говорили, предубѣжденъ противъ академическаго начальства. На чемъ основывалось такое предубѣжденіе, ничего положительно сказать не могу. Выше я уже описалъ характеръ тогдашняго ректора; кажется, считать его дурнымъ, неспособнымъ начальникомъ не было достаточныхъ причинъ; страдалъ онъ одною слабостью, которая низвела его послѣ и въ могилу; но въ описываемое время эта слабость обнаруживалась рѣдко, притомъ только въ пріятельскихъ кружкахъ его, и не всѣмъ даже академическимъ наставникамъ была извѣстна. Говорили также, что ректору не мало повредило благоволеніе къ нему московскаго митрополита Филарета Дроздова; у послѣдняго съ гр. Пратасовымъ начались уже тѣ отношенія, которыя можно выразить вошедшимъ нынѣ въ моду словомъ: *пикироваться*. Инспекторъ же тогдашній былъ

вполнѣ достоинъ своего мѣста, принадлежалъ къ очень хорошимъ наставникамъ академіи, имѣлъ на студентовъ моральное вліяніе и считался однимъ изъ лучшихъ тогдашнихъ проповѣдниковъ въ Петербургѣ. Такимъ образомъ не было причинъ быть предубѣжденнымъ противъ академическаго начальства; по всей вѣроятности, или самъ графъ имѣлъ слабость составить невѣрное сужденіе о нихъ по какому-либо мимолетному впечатлѣнію, или ловкая интрига умѣла очернить предъ нимъ людей, заслуживавшихъ уваженіе.

IV.

О первыхъ визитахъ, которые гр. Пратасовъ сдѣлалъ петербургской духовной академіи.

При описанныхъ сейчасъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ начались самыя *нашествія* его сіятельства. Два изъ нихъ можно было назвать еще не нашествіями, а чѣмъ-то похожимъ на рекогносцировку. Въ самый же первый свой пріѣздъ гр. Пратасовъ, кажется, хотѣлъ не столько посмотрѣть академію, сколько себя показать. Онъ считалъ возможнымъ въ продолженіе какого-либо часа узнать посредствомъ личнаго экзамена, каковы успѣхи студентовъ по части богословія и близкихъ къ нему наукъ, и даже доказать, что эти успѣхи очень недостаточны. Пришедши прямо въ классъ высшаго отдѣленія, онъ не сталъ слушать лекціи наставника, а началъ предлагать вопросъ за вопросомъ исключительно изъ катехизиса Петра Могилы, и изъ церковной исторіи, преимущественно объ уніи. Исторія тогда преподавалась по очень дурному учебнику, да и профессоръ еще не дошелъ до временъ уніи, а катехизисъ Петра Могилы, можно сказать, почти вовсе былъ неизвѣстенъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ. Не удивительно послѣ этого, что многіе отвѣты студентовъ оказались неудовлетворительными. Особенно графъ не могъ надивиться тому, что студенты не знали такъ-называемыхъ церковныхъ заповѣдей, о которыхъ кромѣ катехизиса Петра Могилы нигдѣ тогда и не было писано.

При второмъ визитѣ графъ не занимался уже экзаменомъ студентовъ, а слушалъ лекціи наставниковъ и, надобно сказать, не выказалъ особенной вѣжливости, по крайней мѣрѣ, къ одному изъ нихъ, именно къ тому о. Клименту, о которомъ я выше говорилъ. Не задолго до того времени о. Климентъ, получивъ званіе архимандрита, счелъ за нужное поблагодарить за такую

милость членовъ св. синода, а встати уже и оберъ-прокурора. Новый архимандритъ слишкомъ не любилъ вліянія мірянъ на духовныя дѣла, хотя бы эти міряне были и оберъ-прокуроры св. синода; и потому онъ вовсе не считалъ себя обязаннымъ Пратасову за свой новый санъ; но ему хотѣлось поближе взглянуть на оберъ-прокурора, да, кажется, и себя показать ему. Графъ долго говорилъ съ новымъ архимандритомъ о разныхъ ученыхъ предметахъ и объ академіи. Отецъ Климентъ, если только вѣрить его словамъ, «не уронилъ себя» и одержалъ побѣду надъ полковникомъ, даже «задалъ ему форсу». При разставаніи гр. Пратасовъ обѣщалъ пріѣхать на лекцію къ о. архимандриту, который будто бы отвѣчалъ: «благодарю васъ покорно; пожалуйте; мнѣ ваше посѣщеніе будетъ очень пріятно; я буду ожидать васъ». Не смотря на улыбку, которая появилась на лицѣ гр. Пратасова при этомъ фамильярномъ приглашеніи, о. Климентъ все-таки восхищался своимъ отвѣтомъ, впрочемъ, захотѣлъ угостить любознательнаго полковника возможно-лучшимъ образомъ.

Полагая, что графъ пріѣдетъ къ нему на слѣдующій же классъ, о. Климентъ съ особеннымъ усердіемъ приготовилъ лекцію о первомъ вселенскомъ соборѣ, но при этомъ сдѣлалъ большой промахъ. Хотя онъ по своему образу мыслей былъ православнѣйшій человѣкъ, не любилъ ничего похожаго на либерализмъ, даже не вѣрилъ въ Коперникову систему; но, какъ надобно думать, лукавый ввелъ его во искушеніе. Разсчитывая на то, что графъ, какъ міранинъ, имѣетъ свѣтскій взглядъ на историческихъ дѣятелей, и желая угодить такому взгляду, о. Климентъ вздумалъ немножко полиберальничать и, описывая первый вселенскій соборъ, разсказалъ о бурныхъ сценахъ, происходившихъ на немъ, не умолчалъ даже и о *репримандѣ*, который сдѣлалъ отцамъ собора императоръ Константинъ Великій. Лекція была сказана, а гр. Пратасовъ, какъ нарочно, не пріѣхалъ выслушать ее. Во второй свой визитъ гр. Пратасовъ явился неожиданно на лекцію о. Климента; въ ней предполагалось говорить о нашей Кормчей Книгѣ или, лучше, прочитать важнѣйшія каноническія правила, въ ней помѣщенныя, и сопроводить ихъ своими замѣчаніями; для чего принесена была и самая Кормчая. О. Климентъ въ гр. Пратасовѣ уже не замѣтилъ той вѣжливости, которую онъ встрѣтилъ, благодаря его за свою архимандрію; сдѣлавъ ему приличный поклонъ, онъ услышалъ только: *продолжайте*. Сталъ продолжать и сдѣлалъ промахъ. Сначала дѣло шло о Кормчей Книгѣ вообще; полагая по прежнему, что гр. Пратасову, какъ міранину, можно понравиться мыслями,

рилъ, когда на другой или на третій день ректоръ пріѣхалъ благодарить его за визитъ. Не знаю почему, только всѣ улучшенія послѣ этого ограничились тѣмъ, что на парадномъ входѣ въ академію поставленъ былъ швейцаръ, впрочемъ, безъ булавы, треугольной шляпы и ленты черезъ плечо; эти принадлежности сочтены были неприличными для духовнаго учебнаго заведенія; тутъ стоялъ просто отставной солдатъ въ военной шинели и фуражкѣ. Послѣ второго пріѣзда графъ былъ недовольнѣе прежняго, замѣтивъ, что все остается по прежнему. Видя безполезность своихъ совѣтовъ и замѣчаній, онъ послѣ этого, кажется, вмѣсто рекогносцировокъ рѣшился сдѣлать настоящее нашествіе и поразить противящихся или, по крайней мѣрѣ, не слушающихся его власти.

Въ третій разъ случайно, или намѣренно, гр. Пратасовъ пріѣхалъ въ то время, когда студенты не сидѣли въ классѣ, а обѣдали въ столовой. Насидѣвшись въ казенномъ платьѣ въ теченіе четырехъ часовъ, многіе изъ нихъ сбросили его и надѣли свое, даже халаты, а другіе хоть и казенное, но ужъ слишкомъ поношенное и засаленное, даже переношенное, пересаленное и близкое къ рубищамъ. И въ жилыхъ комнатахъ распорядились по своему. Иному не захотѣлось прибрать свинутое платье въ шкафъ; онъ бросилъ его на кровать; другой нашелъ нужнымъ полежать немного на своей постелѣ, и чрезъ то примялъ подушки и понадѣлалъ складокъ на одѣялѣ; тотъ, растворивши шкафъ, послѣ не успѣлъ затворить его, и такимъ образомъ сдѣлалъ видимымъ безпорядокъ, тамъ господствовавшій; этотъ не позаботился задвинуть свой сундукъ подъ кровать, въ который ему нужно было зачѣмъ-то заглянуть; многіе же не прибрали своихъ книгъ и тетрадей, а разбросали ихъ по столамъ и кроватямъ, и пр., и пр.

Графъ, вошедши въ столовую, былъ сильно пораженъ разнообразіемъ и, пожалуй, безобразіемъ одежды на студентахъ. Не говорю уже о засаленныхъ, разорванныхъ нанковыхъ сюртучишкахъ, ему пришлось тутъ увидѣть халаты изъ термаламы, даже шинели и два-три тулупа. Послѣднее покажется страннымъ; неужели въ столовой было холодно? Нѣтъ, тутъ былъ особый разсчетъ. Нѣкоторые студенты имѣли обыкновеніе прогуливаться тотчасъ послѣ обѣда и потому, не желая вновь возвращаться въ комнаты за теплымъ платьемъ, ходили въ столовую, накидывая на себя шинели и тулупы. Для графа такой маскарадъ до такой степени былъ неожиданнымъ, что онъ ничего не могъ сказать въ столовой и поспѣшилъ пойти въ жилыя комнаты и чрезъ

о попрепятствовалъ посланной было туда прислугѣ привести все въ надлежащій порядокъ. Такимъ образомъ, предъ нимъ явились отворенные шкафы, не задвинутые подъ кровати сундуки, разбросанныя всюду книги и платье, измятыя постели, даже нѣсколько выглядывавшихъ чайниковъ и чашекъ. «Трактиръ что-ль здѣсь или казарма»?—сказалъ онъ въ негодованіи и быстро пошелъ въ классы, въ залу. Съ нимъ до того времени былъ одинъ экономъ, которому онъ съ досадою сказалъ: «вамъ надобно поучиться». Скоро потомъ явились ректоръ и инспекторъ, и графъ пошелъ въ большіе сѣни и предъ самымъ выходомъ изъ нихъ остановился. Тутъ произошла такого рода сцена.

Представьте себѣ не совсѣмъ правильный четыреугольникъ; на одномъ углу его стоитъ раздраженный графъ, на трехъ другихъ ректоръ, инспекторъ и экономъ академіи—свѣтскій наставникъ; каждый изъ этихъ лицъ отъ своихъ двухъ сосѣдей находился въ $1^1/_2$—2 аршинахъ. Затѣмъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ этой группы, вытянулись въ струнку швейцаръ и унтеръ-офицеръ. Кромѣ того, такъ сказать, въ глубинѣ сцены, изъ-за столбовъ сѣней и изъ сосѣднихъ корридоровъ выглядывали плутовскія головки любопытныхъ студентовъ, которые, не смотря на опасность попасть на глаза своему начальству, съ жадностью прислушивались и приглядывались къ тому, что происходило въ главной группѣ. Графъ, по крайней мѣрѣ, повидимому, былъ раздраженъ до самаго нельзя, бранилъ, или, какъ обыкновенно говорятъ, *распекалъ* предстоявшихъ предъ нимъ членовъ [illegible]мическаго правленія, на чемъ свѣтъ стоитъ. Смотря на [illegible] мундиръ и осанку графа можно было бы подумать, что [illegible]ковникъ *распекаетъ* своихъ офицеровъ за то, что ихъ [illegible] одѣтыми не въ военную форму; такъ мало казалось [illegible] чтобы полковникъ могъ бранить, именно бранить, [illegible] предъ нимъ двухъ архимандритовъ, въ полномъ [illegible]ныхъ; на шеѣ одного изъ нихъ висѣли орденъ Анны и [illegible]міра. Ректоръ принялъ позу человѣка, который [illegible] съ нимъ такъ поступать не должно, но вмѣстѣ съ [illegible]маетъ, что тутъ ничего не сдѣлаешь съ раздраженным [illegible]ковникомъ. Инспекторъ гордо и съ достоинствомъ, [illegible] кинувъ назадъ голову, выражалъ въ своемъ лицѣ и [illegible] и досаду, и вмѣстѣ съ тѣмъ готовность [illegible] какъ послѣдняя спица въ этой колесницѣ, не [illegible] какой роли. Ректоръ [illegible] инспекторъ и даже [illegible] кое-что высл[illegible]совъ болѣе и [illegible] слова [illegible]овательной рѣчи, а [illegible]

ходили на воду въ порогахъ, гдѣ она прыгаетъ клубами съ камня на камень, шумитъ, разбивается, пѣнится и куда-то исчезаетъ. Наконецъ, онъ высказалъ самую сильную угрозу. «Знаете ли, что́ я съ вами сдѣлаю? Я васъ зашлю... зашлю туда... туда зашлю»... Но эта недосказанная, или, можетъ быть, неудобовысказываемая угроза, кажется, напомнила графу, что онъ немножко поразгорячился и далеконько поувлекся. Успокоиваясь мало-по-малу, онъ еще побранился нѣсколько времени, но уже не съ прежнимъ азартомъ, пошелъ къ ожидавшимъ его санямъ и уѣхалъ. Обруганные члены правленія, поклонившись его сіятельству за его наставительную бесѣду, молча отправились въ свои квартиры; только ректоръ, обратившись къ инспектору и эконому, сказалъ: «что́ вамъ за охота была говорить? Слова графа относились ко всѣмъ намъ вообще; поэтому мнѣ, какъ начальнику академіи, и слѣдовало отвѣчать ему; безъ меня вы могли бы говорить, ну а при мнѣ вамъ не къ чему было это дѣлать».

Едва ли не прямо изъ академіи гр. Пратасовъ заѣхалъ къ м. Серафиму и описалъ ее самыми черными красками. Вскорѣ затѣмъ пришелъ ректоръ и началъ искать защиты у старика противъ нападеній и притязаній графа, не промолчалъ также и о томъ, что унижать академическое начальство бранью, притомъ при солдатахъ, не слѣдуетъ. Старикъ, что называется, былъ между двухъ огней. Какъ монаху, ему, разумѣется, было непріятно, что полковникъ такъ безцеремонно обращается съ двумя архимандритами; какъ начальнику академіи, ему не могло также нравиться почти-что насильственное вторженіе другой власти въ его собственную область. Но съ другой стороны побѣдитель Голицына и Нечаева; кажется, уже не чувствовалъ въ себѣ достаточной энергіи, чтобы вступить въ открытую борьбу съ новымъ оберъ-прокуроромъ, который слылъ любимцемъ императора, но не Александра I, а Николая I. Онъ избралъ среднюю, такъ сказать, примирительную методу, такъ нравящуюся безхарактернымъ людямъ, особенно старикамъ. «Ну что же,—говорилъ онъ,—исправьте все, чего желаетъ его сіятельство, не жалѣйте денегъ». Но старикъ не очень разщедрился на это исправленіе; отъ скупости ли, или отъ непониманія дѣла, онъ полагалъ, что все исправить можно ничтожною суммою. «Ну что же тамъ,—прибавилъ онъ,—чего стоятъ какихъ-нибудь 200—300 руб.» По штату полагалось тогда 120 человѣкъ студентовъ и болѣе 30 человѣкъ служителей; прежде всего для удовлетворенія требованій графа нужно было хорошенько одѣть этихъ 150 чел. И вотъ отецъ

начальникъ совѣтуетъ не скупиться и находитъ возможнымъ исправить все, если среднимъ числомъ на каждаго студента и служителя будетъ истрачено по 1 р. 34 к. или по 2 руб. не серебромъ, а ассигнаціями! На такія деньги нельзя даже было сшить всѣмъ студентамъ и служителямъ по порядочной фуражкѣ!

Не обошлось, какъ слышно было, безъ сцены и въ св. синодѣ; но тутъ встрѣтился человѣкъ, которому, по русской пословицѣ, не нужно было за словомъ лазить въ карманъ. Съ военною откровенностью и, такъ сказать, неудержимостью гр. Пратасовъ разсказалъ о своихъ визитахъ въ академію, представилъ ее въ отвратительномъ видѣ, обвинялъ ректора во всѣхъ найденныхъ имъ безпорядкахъ и недостаткахъ, и предлагалъ смѣнить его. За ректора вступились, сваливая все на существовавшій еще давно до него порядокъ, впрочемъ замѣтили, что при первой открывшейся архіерейской вакансіи его можно будетъ сдѣлать епископомъ. Но гр. Пратасовъ предлагалъ просто смѣнить и послать его въ какой-либо монастырь, какъ человѣка ненадежнаго и вполнѣ неспособнаго къ занятію епископской каѳедры. Послѣ этого приговора, какъ тогда разсказывали, московскій митрополитъ Филаретъ Дроздовъ всталъ съ своего мѣста и, обратившись къ образу, сказалъ: «только во времена гоненій на церковь, людей, подобныхъ теперешнему отцу ректору здѣшней академіи, считаютъ не способными къ занятію епископскихъ каѳедръ». Слова эти были такъ неожиданны и рѣзки, произнесены съ тѣмъ умѣньемъ придавать вѣсъ каждому слову, которымъ отличался Филаретъ Дроздовъ, что гр. Пратасовъ не рѣшился пока продолжать битву съ этимъ грознымъ противникомъ.

Ректоръ академіи, справедливо оскорбленный грубымъ, можно сказать, солдатскимъ обращеніемъ оберъ-прокурора съ нимъ, находился въ большомъ затрудненіи. Его уже не очень ласково принялъ графъ послѣ перваго своего *нашествія* на академію. Не смотря на то, что оно отличалось начальническимъ характеромъ, тогда еще все думали, что это такъ — ничего, не болѣе, какъ фантазія молодого полковника, и потому ректоръ на другой день послѣ перваго визита гр. Пратасова счелъ обязанностью поѣхать къ нему и только *поблагодарить* его за посѣщеніе. Но услыхалъ очень суровый отвѣтъ: «за что же вы благодарите? это моя обязанность; я былъ у васъ, какъ начальникъ». Какихъ привѣтствій можно было ожидать теперь отъ раздраженнаго полковника? И потому ректоръ не только не торопился, но даже не хотѣлъ было ѣхать къ нему для объясненій. Но ему посовѣтовали измѣнить свое намѣреніе, и въ числѣ совѣтниковъ

былъ самъ митрополитъ Филаретъ Дроздовъ. Ректоръ, скрѣпя сердце, отправился къ грозному новому командиру академіи, но предварительно запасся всѣми свѣдѣніями, которыми можно было смягчить гнѣвъ его и защитить себя. Одинъ пріѣхалъ, — доложили; другой вышелъ, и начался разговоръ.

— Ну что?—сказалъ оберъ-прокуроръ,—что скажете?

— Ваше сіятельство,—отвѣчалъ ректоръ,—въ послѣдній разъ бывши въ академіи, вы очень остались недовольны ею.

— А то развѣ можно быть ею довольнымъ, когда тамъ такое множество безпорядковъ.

— Я пріѣхалъ къ вашему сіятельству за наставленіями, какъ и что́ исправить; мы вполнѣ готовы; Бога ради скажите, что́ вамъ не понравилось?

— Все, все, все.

— Конечно, и сами мы знаемъ, что у насъ многое нужно исправить, но едва ли все у насъ дурно; вотъ, напр., пища студентовъ неужели дурна?

— Ну нѣтъ, она хороша.

— Такъ позвольте узнать, что́ именно нужно намъ исправить?

— Ну да вотъ у васъ одежда студентовъ очень дурна.

— Это совершенно справедливо, ваше сіятельство; мы и сами это знаемъ.

— Знаете, знаете, а почему же не исправляете?

— Не имѣемъ права; что̀ положено по уставу, мы все выдаемъ студентамъ, а сверхъ устава мы ничего не имѣемъ права дѣлать.

И тутъ ректоръ перечислилъ все, что́ уставъ приказывалъ выдавать студентамъ по части одежды и бѣлья и пр., описалъ, какъ это недостаточно, и указалъ на нѣкоторые предметы, которые особенно нужны.

— Да почему вы, зная всѣ эти недостатки, до сихъ поръ не представляли о нихъ въ коммиссію духовныхъ училищъ?

— Извините, ваше сіятельство, академическое начальство не одинъ разъ уже пыталось исправить и пополнить студенческую одежду, но ему не дозволяли дѣлать это, или даже въ самомъ началѣ останавливали его представленія.

И тутъ же ректоръ разсказалъ о томъ, что́ было извѣстно ему объ этихъ попыткахъ. Потомъ графъ сталъ указывать на разные другіе безпорядки и недостатки и къ своему удивленію получалъ отъ ректора отвѣты ясные, отчетливые. Тогда онъ перемѣнилъ нападеніе.

— Да вы, чтобы все устроить, вѣроятно, потребуете много новой суммы? Вѣрно этого добиваетесь?

— Нисколько не думаемъ объ этомъ, ваше сіятельство; напр., одежду студентовъ мы улучшимъ на положенный уставомъ окладъ, не испрашивая у васъ ни одной копѣйки.

— Такъ у васъ, значитъ, теперь отъ содержанія студентовъ остается много денегъ?

— Дѣйствительно такъ.

— А позвольте узнать, — съ сарказмомъ спросилъ графъ Пратасовъ: — куда же дѣвается эта сумма? Развѣ расходится по карманамъ?

Тутъ ректоръ, тономъ несправедливо оскорбленнаго человѣка, сказалъ: — извините, ваше сіятельство, вы напрасно насъ такъ обижаете; у насъ остаточная сумма не расходится по карманамъ, а вносится въ опекунскій совѣтъ; всей такой суммы въ академіи набралось до 350,000 р.; извините, ваше сіятельство, по карманамъ она не расходится. Вы насъ напрасно обижаете.

Оберъ-прокуроръ, не смотря на свою горячность и негодованіе, какъ человѣкъ умный, добрый, честный и справедливый, увидалъ, что академическое начальство вовсе не такъ виновно, какъ ему съ перваго раза представлялось. Но не желая еще вполнѣ отказаться отъ начальническаго тона, онъ сказалъ: — если у васъ есть деньги на исправленіе одежды, такъ скорѣе, завтра же дѣлайте представленіе; мы тотчасъ же разрѣшимъ вамъ.

— Завтра этого нельзя сдѣлать, — отвѣчалъ ректоръ.

— А почему бы такъ?

— Потому что при составленіи новаго росписанія студенческой одежды, надобно многое сообразить, обдумать, освѣдомиться о цѣнахъ и пр., ваше сіятельство, какъ вамъ угодно, въ день этого никто не сдѣлаетъ.

— Ну, такъ вотъ вамъ даю срокъ три дня; въ этотъ срокъ непремѣнно все приготовьте. — На этомъ разговоръ и покончился.

V.

Первыя реформы, произведенныя въ петербургской духовной академіи по распоряженію графа Пратасова.

Въ академіи началась поспѣшная работа; считали, разсчитывали, писали, расписывали, переписывали, справлялись о цѣнахъ и количествѣ матеріаловъ, нужныхъ на одежду, спрашивали

студентовъ, въ чемъ они нуждаются, и дѣйствительно успѣли въ три дня покончить заданную работу. Бумаги были написаны не по формѣ, безъ всякаго заглавія; онѣ, сколько мнѣ помнится, начинались чуть ли не слѣдующими словами: «по уставу духовныхъ академій положено выдавать каждому студенту ежегодно то-то; на два года то-то» и пр. Ректоръ повезъ ее къ гр. Пратасову.

— Ну что?—сказалъ графъ, увидѣвши ректора,—все приготовили?

— Все приготовили, ваше сіятельство, вотъ и самый проектъ я привезъ къ вамъ.

Графъ Пратасовъ, взявши бумагу, отчасти прочитавъ ее, а болѣе выслушавши содержаніе ея отъ ректора, во всемъ согласился и сказалъ: «ну, такъ скорѣе же дѣлайте представленіе,—нынѣ же».

— Ваше сіятельство,—отвѣчалъ ректоръ, — позвольте намъ не дѣлать представленія.

— Это что такое значитъ?—съ изумленіемъ и негодованіемъ спросилъ оберъ-прокуроръ.

— Извините, ваше сіятельство; вамъ желательно, чтобы дѣло какъ можно скорѣе было покончено, а формальное представленіе съ нашей стороны только замедлитъ его, даже можетъ встрѣтить препятствія.

— Какъ такъ? Отчего?

— Мы сначала должны представить преосвященнѣйшему митрополиту, дожидаться его резолюціи, потомъ писать новое представленіе въ коммиссію духовныхъ училищъ. Кромѣ того, осмѣливаюсь доложить вашему сіятельству, что, по всей вѣроятности, высокопреосвященный митрополитъ едва ли одобритъ наше представленіе.—И тутъ ректоръ повторилъ то, что онъ уже говорилъ о прежнихъ неудавшихся попыткахъ академическаго правленія улучшить студенческую одежду, и потомъ разсказалъ еще о недавнемъ замѣчаніи м. Серафима, что можно все поправить на 200—300 руб. асс.

— Такъ что же дѣлать?—спросилъ оберъ-прокуроръ.

— Пусть коммиссія духовныхъ училищъ, примѣнительно къ представленному мною вамъ проекту, сама сдѣлаетъ распоряженіе, на которое она имѣетъ право, и предпишетъ намъ ввести новое положеніе о студенческой одеждѣ. А насъ, сдѣлайте милость, увольте отъ представленія; увѣряю васъ, что оно надѣлаетъ намъ много хлопотъ и непріятностей и замедлитъ дѣло.

Графъ нашелъ сужденіе ректора основательнымъ и взялъ

себѣ проектъ. Черезъ нѣсколько дней академическое правленіе получило предписаніе привести его въ исполненіе. Впрочемъ, коммиссіи немного было хлопотъ. Вся дѣятельность ея обнаружилась въ томъ, что проектъ буквально былъ переписанъ рукою писца ея, съ прибавленіемъ заглавія въ началѣ предписанія: *Въ правленіе С.-Петербургской духовной академіи*, и потомъ еще словъ: *коммиссія духовныхъ училищъ, усмотрѣвъ, что*, и пр. Кромѣ того въ концѣ, разумѣется, были подписи члена коммиссіи духовныхъ училищъ графа Пратасова, правителя дѣлъ Карасевскаго и, кажется, экспедитора Розанова.

Впрочемъ, нѣтъ, была прибавка; только не помню, была ли она помѣщена въ самомъ предписаніи, или высказана оберъ-прокуроромъ на словахъ. Прибавка состояла въ томъ, чтобы не болѣе, какъ въ двѣ недѣли приготовить всѣ тѣ вещи, которыми найдено нужнымъ на первый разъ снабдить студентовъ. Для оцѣнки этого распоряженія нужно замѣтить, что предписано было на первый разъ сшить каждому изъ студентовъ (число ихъ было около 120) по праздничному сюртуку съ брюками и жилетомъ, по домашнему сюртуку, тоже съ брюками и жилетомъ, по шинели и теплой фуражкѣ, и кромѣ того, снабдить каждаго парою утиральниковъ, тремя парами носковъ, тремя носовыми платками; все это сдѣлать на основаніи существовавшихъ тогда постановленій, т.-е. произвести торги съ переторжкою послѣ предварительнаго объявленія о томъ въ газетахъ и все это непремѣнно кончить въ двѣ недѣли. Одного сукна требовалось до двухъ тысячъ аршинъ. Ректоръ поѣхалъ къ оберъ-прокурору просить о болѣе длинномъ срокѣ, но его и слушать не хотѣли. «Что вы мнѣ говорите, — говорилъ графъ, — будто нельзя обмундировать вашихъ какихъ-нибудь 120 студентовъ въ двѣ недѣли? Да знаете ли, что въ такой срокъ можно обмундировать цѣлый гвардейскій полкъ. Непремѣнно, чтобы въ двѣ недѣли все было готово; я самъ пріѣду и посмотрю, какъ будетъ исполнено это приказаніе». Единственное отступленіе позволено было сдѣлать: не объявлять въ газетахъ о торгахъ и переторжкѣ, а пригласить къ нимъ разныхъ торговцевъ и портныхъ. Зѣвать не стали; на третій или на четвертый день по полученіи предписанія уже было готово представленіе къ митрополиту; причемъ произошла сцена, которая, какъ нельзя лучше, доказала, чего можно было ожидать, еслибы все предоставить на волю м. Серафима.

Является къ нему ректоръ съ представленіемъ, съ кучею торговыхъ листовъ, съ образцами сукна и другихъ вещей.

— Съ чѣмъ это ты пришелъ?—спросилъ м. Серафимъ ректора.

— Съ представленіемъ къ вашему высокопреосвященству, о томъ, чтобы устроить разную одежду и купить разныя вещи для студентовъ, вслѣдствіе предписанія коммиссіи духовныхъ училищъ.

— Да, да, знаю, мы тамъ въ коммиссіи опредѣлили; надобно сдѣлать; графъ непремѣнно требуетъ этого; все ли, смотрите, сдѣлали?—И получивъ отвѣтъ: *все*, разсмотрѣлъ образцы; нѣкоторые изъ нихъ, особенно сукно на праздничные сюртуки показалось владыкѣ слишкомъ уже хорошимъ, но серьезнаго возраженія онъ не сдѣлалъ.

— Ну, давайте представленіе, я подпишу его,—сказалъ онъ ректору.

Старецъ не сталъ читать все представленіе, но бѣгло заглянулъ въ него и, увидѣвши множество цифръ, имѣя уже перо въ рукахъ, спросилъ: «ну а что все это будетъ стоить?»—Сумма превышала 15,000 р., даже, сколько мнѣ помнится, едва ли не было болѣе 17 тысячъ руб. асс. Когда ректоръ сказалъ, что все будетъ стоить 17,000 р., то Серафимъ выпустилъ перо изъ руки и съ смѣсью изумленія и недоумѣнія спросилъ:

— Какъ?.. Что ты говоришь?.. Сколько?..

— 17,000 р.,—отвѣчалъ ректоръ.

— С-е-м-н-а-д-ц-а-т-ь т-ы-с-я-ч-ъ?.. семнадцать тысячъ? Ты думаешь, что я подпишу? Ну ужъ нѣтъ, — и въ негодованіи, своею старческою рукою сильно отодвинулъ бумаги, которыя и упали на полъ. Ректоръ собралъ, поднялъ и взялъ ихъ въ свои руки. Затѣмъ спросилъ: — если вамъ, ваше в-ство, не угодно утвердить наше представленіе, то мы должны донести о томъ коммиссіи духовныхъ училищъ и словесно доложить графу.

— Это зачѣмъ?—возразилъ старецъ.

— Намъ предписано одѣть студентовъ непремѣнно въ двѣ недѣли; у насъ и безъ того ушло нѣсколько дней на торги и переторжку. Если мы не исполнимъ предписанія, то подвергнемся отвѣтственности. Такъ позвольте уже сдѣлать донесеніе.

— Да правду ли ты говоришь?

— Помилуйте, ваше в-ство, развѣ намъ можно обманывать васъ въ представленіи? Да вотъ не угодно ли посмотрѣть и самое предписаніе коммиссіи духовныхъ училищъ?

Старецъ заглянулъ въ предписаніе, дѣло было ясное. Но все-таки ему не хотѣлось уступать безъ борьбы.

— Да ты подумай самъ,—онъ опять заговорилъ,—сколько вѣдь денегъ за одинъ разъ истратится? Вѣдь с-е-м-н-а-д-ц-а-т-ь т-ы-с-я-ч-ъ!

— Что же дѣлать, ваше в-ство? Вѣдь намъ предписано; такъ угодно его сіятельству; намъ ослушаться его нельзя.

Переговоры еще нѣсколько времени продолжались въ томъ же тонѣ; но старецъ видѣлъ, что надобно покориться злой необходимости, и потребовалъ представленіе для утвержденія. Когда онъ уже опять взялъ перо и хотѣлъ написать свою резолюцію, то пришла ему странная мысль спросить ректора: «ну, а что говорятъ студенты?» Старецъ, кажется, полагалъ, что и студенты, подобно ему, тоже пришли въ ужасъ и негодованіе, узнавши, что на нихъ заразъ тратили 17,000 р. Ректоръ отвѣчалъ: «студенты очень рады этому». Услыхавши такой безотрадный отвѣтъ, старецъ медленно проговорилъ: «мошенники», и утвердилъ представленіе академическаго правленія.

Послѣ этого въ академіи началась хлопотня, принимали и осматривали матеріалы и вещи, снимали съ студентовъ мѣрки; вскорѣ портной, принявшій на себя шитье сюртучныхъ паръ и шинелей, чуть не цѣлыми возами сталъ доставлять приготовляемое платье и примѣривать его. Работа кипѣла. Двѣ недѣли со дня полученія предписанія объ одеждѣ студентовъ кончились; графъ сдержалъ свое слово, пріѣхалъ въ академію; первымъ вопросомъ его было: «ну, все ли готово?» На самомъ дѣлѣ еще много вещей не было сшито, но домашнія, обыденныя сюртучныя пары студенты уже получили, равнымъ образомъ болѣе половины праздничныхъ сюртуковъ и шинелей были изготовлены. При этомъ академическое начальство обнаружило уже опытность въ умѣньи показывать казовый конецъ. Разсчитывая, что графъ Пратасовъ, если пріѣдетъ не во-время лекцій, начнетъ осмотръ студентовъ съ перваго этажа, перейдетъ потомъ во второй, и развѣ уже послѣ того заглянетъ въ третій, оно позаботилось вполнѣ одѣть студентовъ, жившихъ въ первомъ и второмъ этажѣ. И потому на слова графа: «все ли готово?» отвѣчали: *все*. «Ну-на, пойдемте, посмотримъ», сказалъ графъ. Во всѣхъ комнатахъ нижняго этажа видя студентовъ одѣтыхъ въ новые, *съ иголочки*, домашніе сюртуки, онъ видимо былъ доволенъ, приказывалъ разстегивать сюртуки, чтобы видѣть жилеты, повертывалъ студентовъ, какъ малыхъ дѣтей, чтобы посмотрѣть, какъ сидятъ сюртуки на спинѣ, заставлялъ надѣвать не только новые праздничные сюртуки и шинели, но и фуражки и, видя все законченнымъ, остался очень доволенъ, и, какъ разсчитывали, на верхній этажъ и не заглянулъ. Но уходя изъ академіи, онъ не утерпѣлъ, сказавши: «ну, вѣдь вотъ говорили, что въ двѣ недѣли нельзя было приготовить! Вѣдь приготовили же!»

VI.

О преобразованіи петербургской духовной академіи преимущественно по образцамъ, заимствованнымъ изъ ватальона военныхъ кантонистовъ.

Нашествіе оберъ-прокурора на академію произвело чрезвычайно сильный говоръ въ петербургскомъ духовенствѣ. Большинство бѣлаго духовенства, давно недовольное своимъ уничижительнымъ положеніемъ, даже радовалось академическимъ событіямъ, разсказывало о нихъ въ увеличенныхъ и каррикатурныхъ формахъ, торжествовало какъ будто побѣду надъ своими врагами. Но монашествующіе иначе смотрѣли на это. Конечно, тогда было вовсе не рѣдкостью, что нѣкоторые архіереи обращались съ подчиненными имъ ректорами не хуже гр. Пратасова. Въ этомъ отношеніи особенно выдавался московскій митрополитъ Филаретъ Дроздовъ, который на рѣдкомъ изъ экзаменовъ въ своихъ академіи и семинаріяхъ не *ублажалъ* ректоровъ и инспекторовъ такъ, что у нихъ колѣнки дрожали, голосъ пропадалъ и даже слезы показывались. Онъ же, съ небольшимъ за годъ до этихъ событій въ академіи, присутствуя на публичномъ экзаменѣ въ петербургской семинаріи, въ присутствіи митрополита Серафима назвалъ ректора ея дуракомъ при всѣхъ ученикахъ и наставникахъ, вслухъ всей публики; слово: *дуракъ* произнесено было самымъ рѣзкимъ, звонкимъ образомъ. Эта неприличная выходка поразила всѣхъ; ректоръ молчалъ, посѣтители съ изумленіемъ посматривали другъ на друга, самъ Серафимъ минуты двѣ не собрался съ духомъ, искоса поглядывалъ на Филарета и уже потомъ велѣлъ ректору вызвать къ экзаменаторскому столу другого ученика. Но брань, высказываемую архіереями, монашествующіе считали сносною, необидною, даже признакомъ благоволенія. Послѣднія слова я говорю вовсе не шутя. Бывшій въ давнія времена инспекторомъ московской духовной академіи Евлампій, если замѣчалъ, что митрополитъ Филаретъ, присутствуя на экзаменѣ, никого не бранилъ и сидѣлъ смирно, то обыкновенно говаривалъ съ безпокойствомъ: «ахъ! ахъ! владыка что-то сердитъ на насъ». И если потомъ владыка уже дѣйствительно сердился и *распекалъ* даже хотя бы самого Евлампія, то этотъ съ удовольствіемъ говаривалъ: «ну, вотъ, слава Богу, владыка сталъ милостивъ». Но брань гр. Пратасова показалась монашествующимъ слишкомъ обидною, чѣмъ-то похожимъ на оскорбленіе если не святыни, то людей, которые привыкли считать себя святыми и неприкосновенными. Она тѣмъ

болѣе казалась невыносимою, что въ то время многіе, а можетъ быть, и всѣ, особенно ученые монахи, мечтали о томъ, какъ бы возобновить мысль двухъ старинныхъ архіереевъ: петербургскаго Амвросія Юшкевича и ростовскаго Арсенія Мацѣевича.

Оба эти архипастыря при императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ хлопотали о томъ, чтобы св. синодъ освободить отъ оберъ-прокурора и управленіе духовными дѣлами сдѣлать сколько возможно независимымъ отъ мірской власти. Мысль Юшкевича и Мацѣевича не чужда была монашествующему духовенству и въ описываемое мною время. Однажды о. архимандритъ Климентъ Можаровъ, разговаривая со мною о гр. Пратасовѣ, сказалъ: «Господи! Господи! Къ чему это должность оберъ-прокурора св. синода поручаютъ мірянамъ? Почему бы не поручать ее какому-либо епископу, или архимандриту? Потомъ, не гораздо ли лучше было бы, еслибы должности оберъ-секретарей въ св. синодѣ занимали архимандриты и игумены, а должности секретарей —игумены и іеромонахи? Вѣдь вѣдомство наше называется духовнымъ. А между тѣмъ, вошедши въ канцелярію св. синода, между служащими въ ней не увидишь ни одного духовнаго лица; за всѣми столами сидятъ только міряне. Даже въ присутственной залѣ св. синода сколько сидитъ мірянъ?» и пр. Мысли, высказанныя о. Климентомъ, принадлежали не ему одному, а цѣлому его сословію, и потому тогда можно было слышать: «помилуйте! какъ это можно бранить, притомъ при подчиненныхъ,—бранить архимандритовъ? И кто же бранитъ? міряпинъ, полковникъ; это ни на что не похоже». Далѣе м. Серафимъ если прямо и не выражалъ своего неудовольствія на то, что гр. Пратасовъ безъ церемоніи распоряжается въ его академіи, то, по крайней мѣрѣ, косвеннымъ образомъ намекалъ, что онъ сдѣлалъ большую ошибку, выразивъ желаніе видѣть въ св. синодѣ оберъ-прокуроромъ гр. Пратасова. Объ этомъ мнѣ говорилъ тоже о. Климентъ Можаровъ. Онъ состоялъ не только баккалавромъ академіи, но и членомъ петербургскаго комитета духовной цензуры. Сдѣлавши какой-то промахъ по цензурѣ, о. Климентъ счелъ за необходимое объясниться объ этомъ съ митрополитомъ, попросить у него не только прощенія, но и защиты. М. Серафимъ, выслушавъ іереміаду о. Климента, сказалъ ему: «не безпокойся, о. архимандритъ; бѣда еще не велика; ошибку твою легко поправить; ну, а вотъ мы сдѣлали такую ошибку, которой уже нельзя поправить». Старецъ прямо не высказалъ, въ чемъ состояла его ошибка, но тогда думали, что онъ своими словами намекалъ на оберъ-прокурорство гр. Пра-

тасова. Тверской архіепископъ Григорій Постниковъ, засѣдавшій въ то время въ синодѣ въ званіи члена, выразился о томъ же предметѣ прямѣе Серафима. Когда ему разсказали о всѣхъ подробностяхъ визитовъ гр. Пратасова въ академію, то со свойственною ему откровенностью, можетъ быть, нѣсколько грубоватой, но искреннею онъ сказалъ: «зачѣмъ же ректоръ академіи пустилъ его (т.-е. Пратасова) въ академію? Я бы не пустилъ его, не дозволилъ бы ему осматривать ее». Но оба эти, равно какъ и другіе протесты высказывались только за глаза гр. Пратасова, въ разговорѣ съ близкими людьми; настоящей же откровенной, прямой оппозиціи вовсе тогда не видно было; никто не осмѣлился, даже изъ митрополитовъ, сказать гр. Пратасову, что онъ не имѣетъ права *распекать* архимандритовъ такъ же, какъ полковые командиры распекаютъ подчиненныхъ имъ офицеровъ.

Извѣстно ли было гр. Пратасову о затаенномъ неудовольствіи ученаго монашества на его дѣйствія въ петербургской духовной академіи, я не знаю. Но если онъ и слышалъ о томъ что-либо, то не обращалъ никакого вниманія, потому что шелъ твердою ногою по предначертанному имъ плану. Оставляя пока всѣ духовно-учебныя заведенія въ прежнемъ положеніи, онъ принялся за петербургскую академію, сдѣлавъ своимъ помощникомъ, своимъ «alter ego» по этой части тогдашняго правителя дѣлъ коммиссіи духовныхъ училищъ и бывшаго потомъ директоромъ духовно-учебнаго управленія Карасевскаго, человѣка добраго, деликатнаго, не заносчиваго, не вспыльчиваго, обращавшагося вѣжливо не только съ ректоромъ и инспекторомъ, но даже съ экономомъ; нуженъ былъ какой-либо особый безпорядокъ, чтобы пробудить въ немъ негодованіе.

Можетъ быть, у гр. Пратасова было много побужденій къ тому, чтобы такъ горячо заниматься внѣшнимъ улучшеніемъ академіи. Но между ними едва ли не на первомъ планѣ стояло желаніе убѣдить Государя Императора пріѣхать въ нее, — и доказать, что онъ, графъ, въ столь короткое время улучшилъ учебное заведеніе, которое при первыхъ его визитахъ найдено было въ самомъ дурномъ положеніи. Въ концѣ-концовъ, разумѣется, имѣлось въ виду получить благодарность Государя и еще какую-либо награду. Поэтому и самъ графъ, и Карасевскій слишкомъ часто напоминали академическому начальству, что Государь Императоръ думаетъ посѣтить академію. Мысль эта была извѣстна и въ городѣ и считалась очень правдоподобною; по крайней мѣрѣ, мнѣ самому ректоръ Щепетевъ показывалъ полученное

имъ безъимянное письмо, въ которомъ человѣкъ, выставлявшій себя его доброжелателемъ, убѣждалъ его всячески стараться о томъ, чтобы въ академіи все было въ возможно лучшемъ видѣ, потому что въ нее намѣревался пріѣхать одинъ *высшій посѣтитель* и пр.

Но ни графъ, ни Карасевскій не считали себя компетентными знатоками тѣхъ порядковъ, которые нужно было ввести въ духовную академію, чтобы поставить ее въ уровень съ свѣтскими учебными заведеніями, разумѣется, преимущественно по внѣшней части. Для пріобрѣтенія нужныхъ свѣдѣній въ этомъ отношеніи они сочли за лучшее послать какое-либо лицо изъ академіи въ различныя учебныя заведенія, чтобы тамъ поучиться уму-разуму перенять и пересадить тамошніе порядки на духовную почву. Посылать ректора и инспектора, какъ лицъ монашествующихъ, найдено не удобнымъ; вся бѣда обрушилась на эконома, какъ единственнаго свѣтскаго члена академическаго правленія. И гдѣ-то ему не пришлось побывать и въ это время, и послѣ въ теченіи двухъ-трехъ лѣтъ! Конечно, изъ университета, педагогическаго института, пожалуй даже изъ гимназій, можно было кое-чѣмъ позаимствоваться для духовной академіи. Но что можетъ быть сроднаго между духовною академіей и морскимъ и бывшимъ первымъ кадетскимъ корпусомъ? Особенно же, что можно было перенять для той же академіи изъ Маріинскаго и Екатерининскаго женскихъ институтовъ? А между тѣмъ несчастный академическій экономъ долженъ былъ разъѣзжать во всѣ эти и другія учебныя заведенія. Узнаютъ, бывало, отъ кого-нибудь, что тамъ-то очень хорошъ рукомойникъ для воспитанниковъ, въ другомъ мѣстѣ классные столы слишкомъ удобны и по какому-то чуду никогда не пятнаются чернилами, хотя на нихъ воспитанники пишутъ всѣ свои тетради,—въ третьемъ вентиляція устроена особеннымъ какимъ-то образомъ и пр., и пр., экономъ поѣзжай, посмотри и представь отчетъ, слава Богу, только словесный. Но особенное, даже особеннѣйшее вниманіе ему велѣно было обратить на всѣ порядки, господствовавшіе — *въ баталіонѣ военныхъ кантонистовъ*! Вотъ тутъ-то скрывался настоящій идеалъ училищныхъ порядковъ! Сюда-то академическій экономъ долженъ былъ съѣздить три раза!

Почему же баталіонъ военныхъ кантонистовъ пріобрѣлъ такую громкую извѣстность, что устройство его брали за образецъ даже для духовной академіи? Мнѣ удалось въ немъ быть нѣсколько разъ и многое узнать по личному наблюденію; да и *земля*, по пословицѣ, слухомъ полнится.

Начальствовалъ надъ баталіономъ полковникъ, но выше него и надъ нимъ самимъ стоялъ генералъ-маіоръ Анджиковъ, а еще выше, даже надъ самимъ Анджиковымъ—тогдашній дежурный генералъ Клейнмихель. Впрочемъ, послѣдній рѣдко пріѣзжалъ въ баталіонъ; надзоръ и дисциплина были въ рукахъ Анджикова. Этотъ генералъ, давно уже покоющійся на кладбищѣ, былъ, такъ сказать, энтузіастъ, фанатикъ чистоты и опрятности; замѣченныя имъ паутинки, пылинки, пятнышки на стѣнахъ или полу, даже щепочки на дворѣ баталіона приводили его въ негодованіе. Вотъ одно изъ событій, о которомъ я слышалъ отъ тогдашняго баталіоннаго священника. Однажды Анджиковъ, шедши по двору баталіона, прежде, нежели успѣли къ нему приблизиться разные дежурные начальники, вдругъ остановился и началъ кричать: «Сюда, сюда, помогите, не могу идти, не перелѣзу, перенесите, перетащите меня». Пособіе, разумѣется, скоро явилось. Тогда и открылось, что̀ за ужасное, непреоборимое препятствіе помѣшало его превосходительству продолжать свое шествіе! Предъ его превосходительствомъ лежала щепка, отломившаяся отъ дровъ, которыя незадолго передъ тѣмъ пронесъ инвалидъ. Указывая на щепку, генералъ кричалъ: «не перешагну, перенесите меня!» и пр. Судя по этому, можете уже себѣ представить, какая чистота и опрятность соблюдалась въ комнатахъ, особенно въ спальняхъ баталіона. Смотря здѣсь на лоснящійся крашеный полъ, вымытый, вытертый, чуть-чуть не вышлифованный, никакъ нельзя было подумать, чтобы чья-либо нога тутъ ступала; да можетъ быть, и дѣйствительно не ступала, потому что для проходящихъ по комнатамъ положены были коверные половики. Не знаю, какъ кантонисты пробирались къ тѣмъ кроватямъ, которыя стояли не около коверныхъ половиковъ, но посѣтителямъ не высокаго ранга намекали не сходить съ нихъ. Разумѣется, и одѣяла и подушки вполнѣ подходили подъ тотъ идеалъ, о которомъ я выше говорилъ.

Дисциплина въ баталіонѣ была самая строгая. Анджиковъ, кромѣ особыхъ исключеній, приходилъ въ него ежедневно и рѣдко уходилъ безъ того, чтобы не высѣчь нѣсколькихъ кантонистовъ. Замѣчали даже, что онъ бывалъ суровъ до тѣхъ поръ, пока кого-нибудь, по его приказанію, при немъ же не высѣкутъ. Это зрѣлище успокоивало его кровь и онъ уже дѣлался ласковѣе. Разумѣется, потачки не было, если замѣчалась какая-либо неисправность, но въ случаѣ недостатка виновныхъ генералъ умѣлъ и придраться. Въ баталіонѣ было нѣсколько учителей изъ бывшихъ кантонистовъ же, имѣвшихъ унтеръ-офицер-

скій чинъ; одинъ изъ нихъ очень недурно преподавалъ при мнѣ геометрію; число ихъ простиралось, кажется, до 20, если не болѣе, но они, кромѣ науки, обязывались имѣть надзоръ и за нравственностью, выправкою и вытяжкою кантонистовъ. Однажды Анджиковъ приказалъ высѣчь всѣхъ ихъ до одного за то, что, какъ ему показалось, кантонисты не хорошо смотрятъ. А сѣкли въ баталіонѣ съ знаніемъ дѣла, со всѣми церемоніями, особенно берегли всякій клочекъ бѣлья или платья; за то отъ каждаго удара наказываемый непремѣнно бы вспрыгнулъ, еслибы только его не держали такъ, что вырваться не было никакой возможности. Много лѣтъ спустя послѣ того я занимался гимнастикою у г. Дерона и приласкалъ къ себѣ нѣсколько обучавшихся тамъ кантонистовъ. Видя, что какой-нибудь кантонистъ слишкомъ не веселъ, спросишь у кого-либо изъ своихъ пріятелей: «Что онъ такой угрюмый?»—Его вчера высѣкли.—«Ну такъ что же? теперь ужъ зажило».—Нѣтъ, у насъ такъ скоро не заживаетъ; у насъ даромъ не положатъ, а такъ отдерутъ, что долго не забудешь». А въ это время Анджиковъ, кажется, уже умеръ.

Фрунтологія и шагистика въ баталіонѣ стояли на первомъ планѣ и могли служить образцомъ даже для гвардейскихъ полковъ.

Лучше той стойки, выправки, вытяжки, какая замѣчалась въ кантонистахъ, нельзя было и желать. Смотря на стоящихъ во фрунтѣ кантонистовъ, можно было подумать, что это человѣческія статуи; ни однимъ мускуломъ не обнаруживали они движенія; кажется, даже глазами не моргали. И это замѣчалось не только въ взрослыхъ, уже вышколенныхъ и прошколенныхъ ребятахъ, но и въ малыхъ, почти дѣтяхъ. Ходя по спальнямъ, мы встрѣтили выстроенныхъ во фрунтъ нѣсколькихъ малютокъ лѣтъ осьми и ихъ уже научили изображать собою безжизненныя статуи. Если же кантонистъ повертывался направо кругомъ, то онъ дѣлалъ только это движеніе; другого движенія ни въ рукахъ, ни въ ногахъ, ни въ прочихъ членахъ тѣла не замѣчалось; онъ почти какъ-будто на какой-то оси вертится. Когда мы входили въ классы, кантонисты по обыкновенію вставали, но и это движеніе они дѣлали особеннымъ образомъ, хоть команды тутъ не было и мы входили даже неожиданно, но всѣ вставали рѣшительно въ одно мгновеніе, въ тактъ, такъ что всѣ звуки отъ топнувшихъ каблуковъ составляли какъ-будто одинъ мгновенный стукъ.

Но ничѣмъ въ баталіонѣ такъ не любили хвалиться, какъ столовою и порядками, въ ней заведенными. Это была громад-

нѣйшая зала, въ которой устанавливались, кажется, до семи рядовъ обѣденныхъ столовъ съ скамейками по обѣ стороны и съ просторными промежутками между рядами; длина залы была еще болѣе ширины ея. Срединою своею столовая примыкала къ церкви, состоявшей только изъ алтаря и клиросовъ и служила для кантонистовъ, такъ сказать, притворомъ, въ которомъ они молились во время богослуженія. Чтобы удовлетворить двойному назначенію столовой, столы и скамьи послѣ каждаго обѣда разбирались и всѣ части ихъ устанавливались въ опредѣленномъ порядкѣ и на указанныхъ мѣстахъ. Потомъ предъ каждымъ обѣдомъ и ужиномъ ихъ опять устанавливали. Разборкою и установкою столовъ занимались по очереди сами кантонисты; они производили эту операцію съ такою правильностью и точностью, что можно было задать себѣ вопросъ: живыя ли это существа, а не части ли какой-либо машины, которая приводитъ ихъ въ движеніе посредствомъ незамѣтныхъ пружинъ, веревокъ и ремней? Установивши столы, дежурные накрывали ихъ скатертями, клали на нихъ хлѣбъ, ложки и пр. Полковникъ, указывая на бѣлыя и совершенно чистыя скатерти, спросилъ меня: «какъ вы думаете, сколько дней онѣ лежатъ уже на столахъ?» И когда услышалъ мой отвѣтъ: «вѣроятно, ихъ постлали только вчера», то сказалъ съ нѣкоторымъ торжествомъ: «нѣтъ, извините, не вчера; нынче уже четвертый день, какъ онѣ въ употребленіи».—Какъ же это онѣ у васъ такъ бѣлы и ничѣмъ не запятнаны?—спросилъ я его.—Ну, извините, у насъ не посмѣютъ ихъ марать и пятнать; попробуй-ка кто-нибудь. У насъ скатерти кладутся на столы въ извѣстномъ порядкѣ и послѣ обѣда или ужина внимательно каждая осматривается, не запачкана ли она чѣмъ-нибудь? Если запачкана, то виновный сейчасъ отыщется; вѣдь мѣсто каждаго извѣстно. Тогда зададутъ ему нѣсколько десятковъ розогъ, такъ впередъ будетъ осторожнѣе.

Когда все было готово, въ столовой растворялись на двухъ концахъ залы настежъ двери, предъ которыми сѣни и лѣстницы устилались къ ряду мохнатыми матами изъ корабельныхъ канатовъ. Вскорѣ показались и кантонисты въ сѣняхъ, стараясь вытирать свои сапоги, какъ можно чище; имъ пришлось проходить передъ тѣмъ по двору. Но въ столовую, какъ нѣкое святилище, еще нельзя было входить; слѣдовало ожидать команды. Команда раздалась и кантонисты двинулись двумя рядами за столы перваго ряда, парадно, на вытяжку, маршируя какъ на ученьи, только скорымъ шагомъ. Чтобы такое движеніе совершалось безпрепятственно, верхнія доски скамеекъ у столовъ раздѣлялись

на двѣ части: неподвижную и подвижную; послѣдняя петлями прикрѣплена была къ первой и предъ обѣдомъ и ужиномъ откладывалась на нее; такимъ образомъ между столомъ и скамейками оставалось свободное пространство, въ которомъ и маршировали кантонисты. Когда передовые въ рядахъ кантонистовъ, вошедшихъ съ двухъ противоположныхъ концовъ залы, встрѣтились посреди столовъ, раздалось на обѣихъ половинахъ: *стой*. Затѣмъ повторялись у дверей командныя слова для кантонистовъ, долженствовавшихъ сидѣть за столами второго ряда и т. д. Во все это время вошедшіе стояли на вытяжку, какъ во фронтѣ. Когда всѣ вошли, то раздалась новая команда, чтобы кантонисты, стоявшіе спиною къ образу, повернулись къ нему лицомъ. По исполненіи этого обряда раздался барабанный бой на молитву, которую пропѣли общимъ хоромъ очень хорошо. Потомъ еще новая команда: садиться, и приподнятыя половинки скамеекъ поднялись, опустились и стукнули, какъ будто по командѣ, въ тактъ. Тутъ уже, наконецъ, можно было приниматься за обѣдъ. Нельзя не сказать, что пища была приготовлена хорошо; лучшаго чернаго хлѣба во всемъ Петербургѣ трудно было сыскать; щи и гречневая каша были приготовлены вкусно изъ свѣжихъ матеріаловъ. Въ этомъ отношеніи тогдашніе семинаристы содержались гораздо хуже кантонистовъ; тѣхъ часто начальство, прикрываясь заботою о спасеніи ихъ душъ, пріучало къ умерщвленію плоти при помощи тухлой говядины, прогорклаго масла, сляглой муки и крупы и пр. Неудивительно, что, не смотря на суровую дисциплину, лица у кантонистовъ были свѣжѣе, здоровѣе, румянѣе, нежели у семинаристовъ.—По окончаніи обѣда вновь раздавались новыя команды, чтобы кантонистамъ выйти изъ столовой. Надобно правду сказать, что на разныя командныя церемоніи употреблялось гораздо больше времени, нежели на обѣдъ.

И при богослуженіи въ такомъ дисциплинированномъ учебномъ заведеніи, какъ баталіонъ кантонистовъ, нельзя было обойтись безъ военнаго артикула. Кантонисты собирались задолго до начала обѣдни; ихъ выстраивали въ ряды, выравнивали, вытягивали; вѣдь самъ Анджиковъ почти всегда приходилъ къ обѣднѣ и своимъ ястребинымъ взглядомъ смотрѣлъ, не видно ли гдѣ-нибудь какого-либо отступленія отъ дисциплины. Въ урочный часъ и почти минуту двери, отдѣлявшія церковь отъ залы, отворялись и начиналась божественная служба. Она, разумѣется, совершалась по требнику, но въ пріемахъ священнослужителей, особенно же дьякона, замѣтно было вліяніе порядковъ, господствовавшихъ въ баталіонѣ. Онъ изъ алтаря на амвонъ и обратно,

не шелъ, а почти-что маршировалъ, только парадным шагомъ; конечно, онъ не вытягивался въ струнку, но и не показывалъ той размашистости и покачиванія съ стороны на сторону, которыя такъ свойственны нашимъ отцамъ дьяконамъ. Кантонистамъ дозволялось молиться, но при этомъ измѣнялось только положеніе туловища и рукъ; подошвы же сапоговъ должны были оставаться на одномъ и томъ же мѣстѣ; такъ что когда въ ряду никто не молился, то онъ былъ выравненъ и вытянутъ, какъ на парадномъ ученьи. При томъ отъ времени до времени по рядамъ похаживали офицеры, разумѣется, съ наставленіями не о молитвѣ, а о дисциплинѣ. Случайно мнѣ удалось наблюдать надъ однимъ кантонистомъ, которому хотѣлось чихнуть. Какія онъ дѣлалъ усилія, выражавшіяся болѣзненными гримасами на лицѣ, чтобы удержаться отъ этого; ему удалось удовлетворить требованію природы во время громкаго пѣнія, когда звукъ отъ чиханья не очень былъ замѣтенъ. Но нельзя было безъ удовольствія слушать общее пѣніе; всѣ кантонисты обыкновенно пѣли: символъ вѣры, «Тебѣ поемъ», молитву господню и «Благочестивѣйшаго, самодержавнѣйшаго» и пр. Не смотря на огромное число поющихъ, чуть ли не въ тысячу голосовъ, если не болѣе, пѣніе было стройно, выразительно, даже со вкусомъ.

Но въ это, такъ сказать, святилище военной выправки и вытяжки профанамъ мудрено было проникнуть. Чтобы допустить эконома академіи до осмотра баталіона кантонистовъ, гр. Пратасову нужно было особымъ отношеніемъ просить о томъ Клейнмихеля. Здѣсь эконому было сказано, чтобы онъ явился къ Анджикову и потомъ уже (все это дѣлалось не въ одинъ день) къ полковнику, начальнику баталіона. Впрочемъ, и въ другія учебныя заведенія проникнуть было не безъ затрудненій; почти вездѣ требовались протекціи, рекомендаціи, даже ходатайства, напр., въ Екатерининскій институтъ.

VII.

О тѣхъ реформахъ или порядкахъ, которые введены были въ Петербургской духовной академіи въ первые годы обиръ-прокуроровства гр. Пратасова.

Побывавши въ какомъ-либо учебномъ заведеніи, академическій экономъ долженъ былъ являться къ Карасевскому съ донесеніемъ о томъ, что имъ замѣчено. Карасевскій въ свою очередь докладывалъ гр. Пратасову, пріѣзжалъ къ ректору академіи, чтобы съобща рѣшить, въ какомъ видѣ сдѣлать то или другое

нововведеніе; дѣло было серьёзное, чуть не государственное!.. Само собою разумѣется, что нововведенія появились не всѣ вдругъ, а постепенно, иныя даже черезъ годъ, два и болѣе послѣ первыхъ *нашествій* гр. Пратасова.

Усилили требованіе, чтобы студенты непремѣнно ходили на лекціи, и избрали для этого болѣе вѣрную мѣру. Прежде приказывалось комнатному старшему, выпроводивъ изъ комнаты всѣхъ своихъ подчиненныхъ, запирать ее и уносить съ собою ключъ и когда инспекторъ желалъ убѣдиться, всѣ ли студенты ушли въ классъ, то онъ почти всегда находилъ комнаты запертыми и могъ утѣшать себя тѣмъ, что его приказанія строго исполняются. Между тѣмъ, въ то время, какъ онъ пробовалъ, заперты ли замки въ дверяхъ, нѣсколько молодцовъ, оставшихся въ комнатѣ, догадавшись о личности стучавшаго, выставляли ему въ насмѣшку языки. Теперь начальство запретило запирать комнаты и такимъ образомъ могло, обойдя ихъ, увидать своими глазами, не сидитъ ли тутъ кто-нибудь во время класса.

Далѣе, студентамъ приказано было поболѣе обращать вниманія на свою внѣшность. Сочли за нужное остричь ихъ волосы на головѣ *подъ гребенку*, какъ это дѣлалось въ баталіонѣ кантонистовъ и въ кадетскихъ корпусахъ. Надобно правду сказать, что остриженные такимъ образомъ молодцы въ 20—25 лѣтъ, особенно рослые, здоровые, широколицые, казались очень смѣшными даже не съ перваго раза. Запрещено было носить и имѣть свое собственное платье, особенно же халаты. Относительно этого въ петербургской академіи дѣло обошлось безъ смѣшныхъ исторій; и начальство дѣйствовало благоразумно, да и студенты не слишкомъ горячо стояли за свою одежду. Но спустя нѣсколько лѣтъ въ казанской духовной академіи одинъ анти-халатникъ ректоръ прибѣгъ къ радикальному средству. Одинъ изъ студентовъ, грузинъ, получилъ въ подарокъ красивый въ восточномъ вкусѣ халатъ отъ какого-то грузинскаго князя. Ректоръ, завладѣвши въ отсутствіе студента халатомъ, отправился на кухню и тамъ своими руками изрубилъ эту контрабандную, анти-академическую одежду. Такая безцеремонная расправа чуть не повела къ болѣе печальному событію. Студентъ-грузинъ, узнавши о казни, которая постигла его халатъ, пришелъ въ крайнее негодованіе; онъ очень дорожилъ княжескимъ подаркомъ и въ пылу восточнаго азарта хотѣлъ идти къ ректору, чтобы отмстить по-восточному за казнь любимой своей одежды. Насилу товарищи кое-какъ уговорили и удержали его; иначе за комедіей могла-бы разыграться трагедія.

Требовалось, чтобы сюртуки были застегнуты пуговицы на три, а при появленіи начальства на всѣ шесть. Конечно, это не исполнялось студентами на просторѣ, даже въ классѣ при наставникахъ не-начальникахъ. Но смѣшно было смотрѣть, какъ при входѣ начальства, или при вѣсти о приближеніи его, всѣ студенты торопливо принимались застегивать свои сюртуки на всѣ пуговицы, вытягивать ихъ, охорашиваться, приглаживать свои остриженные волосы, осматривать, нѣтъ ли гдѣ пуху на платьѣ, не запятнано ли оно назади отъ прикосновенія къ стѣнѣ и пр. Если это случалось во время лекціи, то ее уже не слушали, да и наставнику лучше было прервать ее на время; тутъ дѣло шло уже о болѣе важныхъ и высокихъ интересахъ!

Но не остались безъ приложенія фрунтологія и шагистика... Прежде всего, опишу нововведенія по церкви. Здѣсь для студентовъ отведены были впереди непосредственно за клиросами недоступныя для прочихъ предстоящихъ и молящихся мѣста, покрытыя сшитыми коверными половинками. Студентамъ же за четверть часа до благовѣста звонкомъ давалось знать, чтобы они собирались каждое отдѣленіе въ особомъ классѣ. Послѣ благовѣста, предъ самымъ началомъ богослуженія (въ обѣдню послѣ прочтенія часовъ) служитель растворялъ обѣ половинки дверей въ церкви и въ классахъ; это было знакомъ, чтобы студенты выступали въ церковь. При церемоніальномъ шествіи студентовъ въ церковь, шли они по два въ рядъ, только не младшіе, а малорослые впереди, затѣмъ все повыше и въ каждомъ классѣ заканчивалось шествіе парою какихъ-либо гвардейцевъ. Въ церкви на одной сторонѣ позади праваго клироса устанавливались студенты высшаго, а на другой—позади лѣваго, студенты низшаго отдѣленія, рядами по десяти человѣкъ въ каждомъ и опять маленькіе впереди, а потомъ все выше и выше, наконецъ, въ послѣднемъ ряду помѣщались гвардейцы. Ряды, конечно, не были такъ выравниваемы, какъ въ баталіонѣ кантонистовъ, но другъ отъ друга слишкомъ ясно различались и раздѣлялись порядочными промежутками. А когда студентамъ нужно было *себя показать*, то они выстраивались очень и очень ровно. Конечно, здѣсь не разгуливали по рядамъ офицеры, но послѣ появились сзади студентовъ помощники инспектора.

Во время всенощной, кажется, впрочемъ, не вдругъ, а нѣсколько попозже, введенъ былъ особый церемоніалъ подхожденія къ евангелію или къ образу празднуемаго святого,—церемоніалъ монашескій, но вмѣстѣ съ тѣмъ на военный манеръ. Непосредственно за священникомъ и діакономъ обыкновенно къ еванге-

лію или образу прежде всѣхъ прикладывались студенты; прочихъ предстоящихъ и молящихся служители удерживали пока. Сначала шли студенты высшаго отдѣленія попарно, начиная съ перваго ряда, съ самыхъ маленькихъ и т. д. Каждая пара передъ налоемъ выравнивалась, дѣлала два поклона въ тактъ, затѣмъ подходилъ къ евангелію или образу студентъ съ правой; поцѣловавши ихъ, отходилъ назадъ; потомъ исполнялъ тоже самое другой студентъ; послѣ они оба выравнивались, дѣлали въ тактъ одинъ уже поклонъ и отправлялись на свои мѣста. За этою парою выходила слѣдующая, дѣлала то же самое и пр. За студентами высшаго отдѣленія шли подобнымъ образомъ студенты низшаго отдѣленія.

Въ петербургской академіи этотъ церемоніалъ никогда не подавалъ повода къ соблазнамъ; благоразумное начальство умѣло не обращать вниманія на мелочныя отступленія. Но въ казанской академіи и тутъ умѣлъ отличиться ректоръ, который такъ храбро собственноручно изрубилъ шлафрокъ. У него былъ введенъ такой законъ, чтобы къ евангелію подходили сначала пѣвчіе праваго, потомъ лѣваго клироса, а за ними студенты обоихъ отдѣленій. Однажды пѣвчіе лѣваго клироса не могли идти къ евангелію тотчасъ за правымъ клиросомъ, потому что заняты были пѣніемъ. Студенты не стали ихъ дожидаться и начали прикладываться по установленному порядку. Ректоръ это замѣтилъ, помолчалъ до тѣхъ поръ, пока приложились всѣ студенты и начали прикладываться стороннія лица. Тогда-то онъ выступаетъ изъ алтаря и грубымъ, громкимъ голосомъ говоритъ пѣвчимъ лѣваго клироса:—Что же это вы? Въ Бога не вѣруете? Евангелія не уважаете? Ступайте!—При этомъ неожиданномъ возгласѣ богослуженіе пріостановилось на нѣсколько минутъ. Пѣвчіе, разумѣется, пошли и приложились; тогда-то уже ректоръ возвратился въ алтарь, довольный тѣмъ, что онъ поддержалъ поколебавшуюся было вѣру въ Бога и уваженіе къ евангелію.

По примѣру баталіона кантонистовъ и въ духовной академіи ввели общее пѣніе нѣкоторыхъ частей богослуженія. Обыкновенно общимъ хоромъ всѣ студенты пѣли въ обѣдню: символъ вѣры; «Тебе поемъ»; молитву Господню и «благочестивѣйшаго, самодержавнѣйшаго», а во всенощную: «хвалите имя Господне», «слава въ вышнихъ Богу», «благочестивѣйшаго, самодержавнѣйшаго» и «взбранной воеводѣ».

По совершенномъ окончаніи службы, когда не только произнесено или пропѣто было послѣднее слово, но и замеръ послѣдній звукъ, начиналось обратное шествіе студентовъ изъ церкви

въ комнаты. Если еще оставался сторонній народъ, то служители раздвигали его на двѣ стороны, оставляя свободное мѣсто для студентовъ. Выступали сначала студенты высшаго, потомъ низшаго отдѣленія попарно, маленькіе впереди и т. д. Очень часто начальство, стоявшее обыкновенно въ алтарѣ, выйдя оттуда особою дверью, останавливалось предъ главнымъ входомъ и любовалось, какъ выдисциплинированные студенты, будущіе пастыри и архипастыри, попарно, иногда *нога въ ногу*, выступали изъ церкви, поворачивали налѣво и отправлялись въ свои комнаты. Былъ одинъ ректоръ, который часто послѣ обѣдни отправлялся за студентами въ комнаты, осматривалъ ихъ спальни и пр., но не одинъ; ему непремѣнно сопутствовали въ видѣ свиты, инспекторъ, экономъ, ихъ помощники; приглашались присоединиться къ свитѣ и другіе наставники, особенно же чередные архимандриты. Измѣняя нѣсколько придворный языкъ, студенты такія шествія называли не *выходами*, а *обходами*; притомъ *малымъ*, если свита ректора состояла изъ двухъ-трехъ человѣкъ, и *большимъ*, если свита была многолюднѣе. И большой, и малый обходы доходили, наконецъ, до столовой.

И въ ней точно такъ же, какъ и въ церкви, были введены многіе порядки изъ баталіона кантонистовъ съ нѣкоторыми измѣненіями. Вмѣсто того, чтобы верхнія доски скамеекъ раздѣлять на двѣ части—подвижную и неподвижную, академія нашла лучшимъ всѣ скамьи оставить подвижными; предъ обѣдомъ и ужиномъ ихъ отодвигали отъ столовъ настолько, чтобы въ свободномъ промежуткѣ студенты могли проходить. Ударялъ звонокъ, обѣ половинки одной двери въ столовую растворялись и въ нее вступали студенты, но не по отдѣленіямъ, какъ въ церковь, а по комнатамъ и тутъ по возможности маленькіе впереди, но сзади всѣхъ старшій, хотя бы онъ былъ самаго малаго росту. Пары предъ столами раздѣлялись; одинъ шелъ между столомъ и скамейкой по правую, а другой по лѣвую сторону. Каждый студентъ, дошедши до своего мѣста, останавливался. Когда всѣ, наконецъ, вошли, то начинали пѣть общимъ хоромъ молитву, по окончаніи которой, подвинувъ скамейки поближе къ столамъ, садились и начинали кушать. Впрочемъ, и здѣсь иногда случалась прибавка, свойственная духовно-учебному заведенію. Если въ столовой былъ кто-либо изъ архіереевъ, то, пропѣвши молитву, студенты прибавляли: «Слава Отцу и Сыну и Святому Духу и нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ; Господи помилуй, Господи помилуй, Господи помилуй; владыко, благослови». Архіерей благословлялъ и студенты принимались за свое дѣло. По

окончаніи обѣда студенты снова пѣли молитву и затѣмъ опять попарно выходили изъ столовой. Разумѣется, здѣсь не раздавались командныя слова офицеровъ и барабанный бой, но небольшой колокольчикъ былъ въ употребленіи; имъ давалось знать, когда начинать пѣть молитву.

Не всѣ нововведенія нравились тогда студентамъ; на большую часть тѣхъ, которыя относились къ дисциплинѣ, они положительно досадовали. Конечно, они прежде жили грязновато, немножко по-бурсацки, снабжались отъ казны недостаточною одеждою, но за то жили болѣе свободнымъ образомъ, по крайней мѣрѣ такъ, какъ привыкли. А тутъ вдругъ стали вводить строгую, почти военную дисциплину. Сиди шесть часовъ въ классѣ, хотя, можетъ быть, иногда и нечего было слушать; ходи чуть не маршемъ въ церковь и столовую, выстраивайся почти по военному, стриги свои волосы подъ гребенку, застегивайся на всѣ пуговицы и пр., взрослому человѣку подобныя нововведенія не могли быть пріятными. А тутъ еще потребовали, чтобы, по крайней мѣрѣ, до трехъ часовъ на кровати не ложились, не мяли вытянутаго одѣяла и взбитыхъ подушекъ, чтобы на сюртукѣ не было ни оторванныхъ пуговицъ, ни какихъ-либо прорѣхъ; въ противномъ случаѣ замѣчанія, да выговоры и пр., все это могло прискучить. Но съ другой стороны студенты видѣли, что къ нововведеніямъ начальство было принуждено давленіемъ свыше, что и его житье было нерадостнымъ. А между тѣмъ, кормили хорошо, одѣвали хотя и не по-франтовски, но и вовсе уже не по-нищенски. Смѣялись и досадовали на то, что сюртуки шили длинноваты (разстояніе между поломъ и подоломъ было не болѣе 8—10 вершковъ), что эту длину опредѣляли даже аршиномъ; но все-таки видѣли, что матеріалы на одежду покупались хорошіе, что теперь снабжали ихъ всѣми нужными вещами; имъ уже не нужно было сморкаться въ кулакъ, утираться рукавомъ, идти и въ дождь, и въ холодъ въ одномъ сюртукѣ; у нихъ уже были носовые платки и утиральники, и шинели, и даже теплые носки, и фуражки. Надоѣдало, конечно, слѣдить за каждою прорѣхою или отрывавшеюся пуговицею, но за то не нужно было тратить свои деньги на починку платья; въ академіи уже жилъ постоянно портной, который готовъ былъ къ услугамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не отдать чести ректору и особенно инспектору, которые гдѣ ласкою и привѣтливостью, гдѣ серьёзнымъ замѣчаніемъ, иногда разъясненіемъ причинъ нововведеній умѣли предупредить вспышки со стороны

студентовъ. Все обошлось безъ волненія и безъ такъ-называемыхъ бунтовъ.

VIII.

О назначеніи новаго ректора въ академію.

Начальство академическое, не смотря на свою готовность дѣйствовать по приказаніямъ его сіятельства, не могло съ нимъ поладить. Оставалось ли въ графѣ прежнее предубѣжденіе, о которомъ я говорилъ, или не изгладилось дурное впечатлѣніе, которое на него произвели первые визиты въ академію, только онъ желалъ смѣнить, по крайней мѣрѣ, ректора. Страннымъ теперь покажется, что кандидатами на его мѣсто были два человѣка, нисколько другъ на друга не похожіе, чуть не два противоположныхъ полюса; одинъ изъ нихъ въ то время считался самымъ ученымъ изъ ректоровъ, а другой—вовсе не былъ извѣстенъ своими богословскими свѣдѣніями, даже не могъ ихъ имѣть хотя настолько, чтобы быть учителемъ семинаріи. Начнемъ съ послѣдняго; это бывшій въ то время настоятелемъ Сергіевской пустыни близъ Стрѣльны—архимандритъ Игнатій Брянчаниновъ. Онъ происходилъ изъ дворянъ, воспитывался въ горномъ корпусѣ, и зналъ богословіе немного глубже того, какъ оно тогда преподавалось въ военныхъ училищахъ. Послѣ, какъ слышно, онъ домашнимъ образомъ достаточно ознакомился съ богословскими науками, чтобы сдѣлаться даже епископомъ; но тогда совсѣмъ иначе о немъ говорили; и вотъ его-то имѣлъ будто бы гр. Пратасовъ въ виду, какъ кандидата на ректорскую должность въ петербургскую духовную академію; объ этомъ, какъ о предметѣ вполнѣ достовѣрномъ, говорили и въ академіи, и въ петербургскомъ духовенствѣ. Такое намѣреніе, по понятіямъ, господствовавшимъ въ то время въ свѣтской администраціи, не могло казаться страннымъ. Вѣдь тогда даже лучшихъ учителей гимназій не считали способными къ занятію должностей директора и инспектора; на эти должности опредѣлялись полковники, маіоры, даже капитаны или чиновники, почти не знавшіе, по пословицѣ, ни аза въ глаза, но знакомые съ дисциплиною и способные ввести или поддержать ее въ гимназіяхъ. Почему же и въ духовную академію не назначить ректоромъ не полковника или капитана, а архимандрита, притомъ все-таки обучавшагося въ знаменитомъ военномъ училищѣ? Не былъ онъ спеціалистомъ въ наукахъ, преподававшихся въ академіи? Не велика еще бѣда;

ему вѣдь не хотѣли поручить профессорской каѳедры; онъ былъ бы только ректоромъ,—администраторомъ академіи; а по ученой части ему дали бы въ помощники инспектора классовъ, уже спеціалиста. А между тѣмъ онъ, какъ воспитанникъ военнаго училища, очень хорошо знакомъ былъ съ тѣми порядками, которые тогда вводились въ академію. Къ счастью, этотъ проектъ не осуществился, потому ли, что самъ виновникъ его добровольно отказался отъ него, или потому, что встрѣтилъ очень серьёзное сопротивленіе со стороны членовъ св. синода.

Другимъ кандидатомъ на должность ректора петербургской духовной академіи гр. Пратасовъ имѣлъ ректора кіевской академіи Иннокентія Борисова, и тогда уже считавшагося знаменитымъ ученымъ русскимъ богословомъ, а послѣ сдѣлавшагося извѣстнымъ у его почитателей подъ именемъ русскаго Златоуста. Въ началѣ сентябрьской трети 1836 года его назначили епископомъ чигиринскимъ, викаріемъ кіевскаго митрополита, оставляя вмѣстѣ и ректоромъ академіи. Многимъ показалось тогда страннымъ, почему его вызвали въ Петербургъ, чтобы хиротонизовать въ епископа, такъ какъ это можно было сдѣлать съ меньшими хлопотами въ Кіевѣ. По пріѣздѣ въ Петербургъ, Иннокентій получилъ квартиру въ духовной академіи и скоро былъ хиротонизованъ. Кажется, не зачѣмъ бы долѣе оставаться въ Петербургѣ, а слѣдовало бы поскорѣе спѣшить въ Кіевъ, гдѣ престарѣлый митрополитъ Евгеній Болховитиновъ имѣлъ нужду въ помощникѣ. Между тѣмъ Иннокентій Борисовъ жилъ въ Петербургѣ даже до 1837 года. Видимою причиною этого замедленія выставляли то, что будто бы ему поручено было какое-то ученое или духовное дѣло; но придерживаясь словъ дѣдушки Крылова, скажемъ, что «умыселъ другой тутъ былъ».

Нѣкоторые оберъ-прокуроры находили нужнымъ сближаться съ какимъ-либо умнымъ архимандритомъ или архіереемъ, чтобы чрезъ нихъ ознакомиться съ каноническимъ правомъ и съ особенностями духовной учености и администраціи и чтобы чрезъ то крѣпче удержаться на своемъ мѣстѣ. Архимандритъ или епископъ оберегалъ оберъ-прокурора отъ промаховъ по духовному управленію, о которыхъ иногда міряниву трудно догадаться, а оберъ-прокуроръ поднималъ архимандрита или епископа все выше и выше въ церковной іерархіи. Такого рода отношенія были между княземъ Голицынымъ и московскимъ митрополитомъ Филаретомъ Дроздовымъ, пока еще этотъ состоялъ ректоромъ академіи, викаріемъ петербургскимъ и т. д., до уничтоженія министерства духовныхъ дѣлъ. Въ концѣ 1836 года и въ духов-

ной академіи, и въ петербургскомъ бѣломъ и черномъ духовенствѣ носились слухи, что между Иннокентіемъ Борисовымъ и гр. Пратасовымъ устанавливаются такія же отношенія, какія такъ еще недавно существовали между Филаретомъ и Голицынымъ. Графу хотѣлось Иннокентія Борисова сдѣлать викаріемъ петербургской митрополіи и ректоромъ академіи и затѣмъ уже имѣть его всегда вблизи себя и для себя, тогдашняго же викарія петербургскаго Венедикта Григоровича и ректора академіи Виталія Щепетева послать въ Кіевъ для занятія должностей Иннокентія, или распредѣлить ихъ какъ-нибудь иначе. Разумѣется, это былъ только слухъ, но слухъ очень достовѣрный и подтверждавшійся нѣкоторыми событіями. Изъ всѣхъ не только архимандритовъ или молодыхъ епископовъ, но и заслуженныхъ и почетныхъ архипастырей, кажется, никому гр. Пратасовъ не оказывалъ столько вниманія и предупредительности, какъ Иннокентію Борисову въ то время; сколько разъ и Борисовъ бывалъ у гр. Пратасова. Завязывалась-было и укрѣплялась связь самая тѣсная. Самъ Борисовъ въ академіи велъ себя, конечно, не какъ начальникъ, но и не какъ простой, временный квартирантъ. Онъ, такъ сказать, напросился на экзаменъ студентовъ, происходившій въ концѣ трети, сидѣлъ не простымъ зрителемъ, а старался мучить, конфузить вопросами и такъ-называемыми возраженіями и студентовъ, и наставниковъ. Но лучшимъ подтвержденіемъ указаннаго слуха служатъ слѣдующія обстоятельства.

Иннокентій Борисовъ уже 30-го декабря на вопросъ: долго ли онъ еще пробудетъ въ Петербургѣ, отвѣчалъ: «долго, вѣроятно, очень долго; у меня еще есть много здѣсь дѣла». И вдругъ въ новый годъ или на другой день его началъ торопливо собираться въ Кіевъ и дѣйствительно очень скоро уѣхалъ. Архимандритъ Климентъ Можаровъ въ поясненіе такого поспѣшнаго почти бѣгства передавалъ слѣдующій разсказъ ректора Щепетева. Петербургскіе митрополиты въ послѣдній день святокъ, т.-е. 31-го декабря, имѣли тогда обыкновеніе ѣздить вмѣстѣ съ почетными монахами лавры въ Зимній дворецъ, чтобы, по ихъ выраженію, «славить тамъ Христа». Въ этотъ день покойный императоръ принималъ митрополита, какъ всякій православный и набожный домохозяинъ принимаетъ своего уважаемаго приходского священника. Серафимъ давно уже слышалъ о планахъ гр. Пратасова и Иннокентія Борисова; послѣдній ему очень не нравился. Открыто вступить въ борьбу съ составителями плана онъ не хотѣлъ. Но будто бы, во время своего славленья въ Зим-

немъ дворцѣ 31-го декабря, онъ просилъ Государя Императора оставить на своихъ мѣстахъ прежняго викарія его и ректора академіи. Вслѣдствіе этой-то будто бы просьбы Иннокентій Борисовъ получилъ приказъ поскорѣе убираться въ Кіевъ. По крайней мѣрѣ, дѣла, которыхъ, по его словамъ, 30-го декабря еще такъ много ему предстояло, вдругъ куда-то пропали и для нихъ уже никто не удерживалъ его въ Петербургѣ.

Потерпѣвши неудачу относительно новаго ректора академіи, гр. Пратасовъ долженъ былъ довольствоваться прежнимъ, даже сдѣлался къ нему ласковымъ; о сценахъ подобныхъ той, которая происходила въ третій визитъ, и помину не было: съ другой стороны ректоръ уклонялся, конечно, самымъ учтивымъ и, такъ сказать, доказательнымъ образомъ отъ нѣкоторыхъ реформъ, на которыхъ гр. Пратасовъ настаивалъ. Къ нимъ главнымъ образомъ принадлежали устройство новой, лучшей, даже блестящей мебели и устройство спальныхъ комнатъ, отдѣльныхъ отъ комнатъ для занятій. Смѣшно кажется, а между тѣмъ справедливо, что оба эти улучшенія считались тогда въ монашествѣ и даже въ духовенствѣ неприличными для духовно-учебнаго заведенія. Хорошею мебелью опасались развить въ студентахъ наклонность къ роскоши, но тутъ все-таки готовы были сдѣлать какую-либо уступку. Относительно же спаленъ и слышать не хотѣли, выставляя главнымъ образомъ то, что здоровье студентовъ чрезъ это совсѣмъ разстроится. Сердобольные люди говорили: «Теперь студентъ, утомившись, приляжетъ на свою кровать, не заснетъ, но все-таки поотдохнетъ; да почему же послѣ обѣда и не соснуть? А при отдѣльныхъ спальняхъ, въ которыя дозволено будетъ входить только ночью, гдѣ бѣдненькому студенту, утомленному умственною работою, будетъ отдохнуть? Останется только расположиться на полу, положивши подъ голову какой-либо фоліантъ изъ библіотеки». Страннѣе всего, что въ этой борьбѣ не прямо, а стороною участвовалъ митрополитъ Дроздовъ. Мнѣ отъ ректора Щепетева удалось слышать, что московскій (такъ тогда называли Филарета) ни за что не велитъ заводить спальни. Графъ Пратасовъ, при всемъ своемъ желаніи поставить академію по внѣшности въ такое блестящее положеніе, въ какомъ находились тогда свѣтскія училища, долженъ былъ на время отказаться отъ него, надѣясь этого достигнуть при новомъ ректорѣ. Прежняго же не преслѣдовалъ болѣе и не препятствовалъ св. синоду назначить его куда-либо въ архіереи. Не задолго до каникулъ 1837 года сдѣлалось свободнымъ мѣсто ви-

нарія московскаго митрополита, на которое, по желанію Филарета Дроздова, и былъ опредѣленъ Виталій Щепетевъ.

Наиболѣе достойнымъ преемникомъ его, за исключеніемъ едва ли не одного только Иннокентія Борисова, могъ бы и долженъ бы быть инспекторъ академіи. Внушительная и даже величественная внѣшность его, умѣнье придавать словамъ своимъ оживленіе при помощи жестовъ и измѣненій въ интонаціи голоса, обширныя свѣдѣнія въ преподаваемыхъ имъ предметахъ,— все это, при хорошемъ дарѣ слова, давали ему возможность быть однимъ изъ лучшихъ тогдашнихъ академическихъ наставниковъ. Особенно же онъ заслуживалъ благодарность за то, что первый началъ читать лекціи о русскомъ расколѣ,—первый изъ разнообразныхъ, но почти нисколько необдѣланныхъ матеріаловъ составилъ свои записки по этому предмету. Потомъ, воспитавшись въ петербургской же академіи, занимая въ ней должность баккалавра болѣе семи и должность инспектора около шести лѣтъ, онъ вполнѣ понималъ духъ, недостатки и потребности академіи и искренно желалъ быть ей полезнымъ. На студентовъ имѣлъ сильное моральное вліяніе; наставники, кромѣ двухъ-трехъ человѣкъ, уважали его; тѣ и другіе были увѣрены, что онъ будетъ ректоромъ, даже почти всѣ желали этого. Кромѣ того, какъ выше сказано, въ городѣ между людьми, которыхъ интересовали духовныя дѣла, онъ былъ извѣстенъ, какъ лучшій изъ тогдашнихъ проповѣдниковъ. Но гр. Пратасову онъ все еще не нравился; изъ митрополитовъ же ни одинъ не вступился за вполнѣ достойнаго человѣка; старикъ Серафимъ, довольный тѣмъ, что одержалъ побѣду надъ Иннокентіемъ Борисовымъ, не хотѣлъ начинать новую, открытую борьбу съ оберъ-прокуроромъ изъ-за инспектора; Филаретъ Дроздовъ не долюбливалъ инспектора за неумѣнье и нежеланье низкопоклонничать предъ нимъ, а у кіевскаго митрополита Филарета Амфитеатрова былъ на-готовѣ свой кандидатъ, свой протежè, землякъ, даже, какъ поговаривали, едва ли не родственникъ, ярославской семинаріи инспекторъ Николай Доброхотовъ.

Онъ принадлежалъ къ самымъ обыкновеннымъ магистрамъ академіи, не отличался ни природнымъ особеннымъ умомъ, ни начитанностью, ни стремленіемъ къ пріобрѣтенію всесторонних знаній, былъ, какъ выражаются, дюжиннымъ человѣкомъ. Въ умѣ его замѣчалась даже иногда какая-то странная медлительность, неповоротливость, вслѣдствіе которыхъ онъ не вдругъ освоивался съ тѣмъ, что̀ ему говорили, не вдругъ отыскивалъ въ головѣ своей нужный и дѣльный отвѣтъ. «Не понимаю», гова-

ривалъ онъ бывало являвшимся къ нему подчиненнымъ, какъ они ни ясно излагали свои мысли, думали даже, но едва ли справедливо, что онъ это нарочно дѣлалъ изъ желанія или помедлить отвѣтомъ, или подшутить надъ нетерпѣливостью подчиненнаго. А дѣйствительно, пошутить, поострить онъ любилъ, но остроты его не отличались изобрѣтательностью; притомъ близкимъ къ нему людямъ часто приходилось слушать повтореніе однихъ и тѣхъ же остротъ; — такъ напр. пересчитывая въ академическомъ казначействѣ 25-ти-рублевыя ассигнаціи, которыхъ въ тысячѣ было сорокъ, онъ говорилъ: «38, 39, тридцать десять, а гдѣ же сороковая? Ха, ха, ха! гдѣ же она?» спрашиваетъ онъ эконома.

Относительно научныхъ свѣдѣній надобно сказать, что онъ даже не могъ ихъ пріобрѣсть настолько, чтобы быть хорошимъ профессоромъ высшаго учебнаго заведенія, потому что не былъ силенъ въ нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ и не имѣлъ привычки слѣдить за ученою литературою на этихъ языкахъ. Изъ свѣтскихъ наукъ, необходимыхъ для всякаго образованнаго человѣка, едва ли онъ зналъ основательно хоть одну. Но за то самъ считалъ себя большимъ знатокомъ схоластической философіи, которая тогда преподавалась въ семинаріяхъ и отчасти даже въ академіяхъ. Поводомъ къ тому послужило то обстоятельство, что онъ по окончаніи курса въ кіевской академіи посланъ былъ инспекторомъ въ петербургскую семинарію и былъ тамъ нѣсколько лѣтъ профессоромъ философіи. Какъ же не вообразить себя философомъ, когда семинарская тогдашняя философія заключала въ себѣ не только логику и психологію, но и метафизику, этику, естественное право и даже исторію философскихъ системъ, начиная отъ Ѳалеса до Лейбница, а иногда брала клочки и изъ Канта, произносила даже фамиліи Фихте, Шеллинга и пр.?

На основаніи такого соображенія Доброхотовъ, сдѣлавшись ректоромъ академіи, любилъ на экзаменахъ пофилософствовать, предлагалъ студентамъ такъ-называемыя возраженія, вступалъ въ ученыя пренія съ наставниками философіи, особенно съ Карповымъ, и очень часто въ своихъ диспутахъ употреблялъ свои любимыя: «ха, ха, ха! Да что же это такое? ха, ха, ха!» Едва ли также не профессорство же по семинарской философіи было причиною того, что Доброхотовъ любилъ хоть изрѣдка блеснуть своимъ либерализмомъ на профессорской каѳедрѣ, впрочемъ въ очень скромныхъ размѣрахъ. Напр., на лекціи коснувшись словъ 19-го стиха 20-й главы Евангелиста Іоанна, гдѣ говорится о явленіи воскресшаго Спасителя ученикамъ, которые сидѣли въ

комнатѣ, *дверемъ затворенныхъ*, Доброхотовъ, сказавши, что на основаніи этого текста доказываютъ, будто бы Іисусъ Христосъ взошелъ въ комнату не чрезъ двери, которыя были заперты, а проникъ уже своимъ преобразованнымъ тѣломъ сквозь стѣну,— сказавши это потомъ прибавлялъ: «ха, ха, ха! гдѣ же тутъ говорится объ этомъ? сказано только, что двери комнаты были затворены, а вовсе не то, что Іисусъ Христосъ прошелъ сквозь стѣну, не отворяя дверей; ха, ха, ха!»

Относительно академическаго хозяйства Доброхотовъ страдалъ слабостью, которая была свойственна едва ли не всѣмъ тогдашнимъ ректорамъ семинарій. Они любили не только получать назначенное имъ жалованье, но и пользоваться отъ семинаріи даровыми прислугою, освѣщеніемъ, съѣстными припасами, любили также на казенныя деньги, разумѣется, не гласнымъ образомъ устроивать экзаменскіе обѣды и пр. Такіе поступки тѣмъ болѣе заслуживали нареканіе, что бѣднаго ректора не было ни одного, что они, развѣ за ничтожными исключеніями, кромѣ жалованья отъ семинарій, имѣли хорошіе доходы отъ монастырей, въ которыхъ настоятельствовали. Но они, вѣроятно, смотрѣли на семинаріи съ монастырской точки зрѣнія. Вѣдь настоятель монастыря пользуется всѣмъ отъ него, даже третью часть братскихъ доходовъ беретъ себѣ. Почему же не вообразить, что и семинарія есть монастырь и что, за отсутствіемъ братскихъ въ ней доходовъ, ректору слѣдуетъ пользоваться даровыми прислугою, съѣстными припасами и пр.? Конечно, отъ этого страдали ученическіе желудки; конечно, казенное жалованье и законные доходы ректора были болѣе, нежели достаточны на содержаніе его, но не стоило обращать вниманіе на это. Ученики могли поучиться воздержанію и отъучиться отъ чревоугодія; а остающіеся въ излишкѣ доходы и жалованье могли сберегаться *про черный день*, который, впрочемъ, слишкомъ рѣдко выпадалъ на долю лицъ ученаго монашества.

Въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія ректоры петербургской духовной академіи получали жалованья, доходовъ отъ монастырей, ими управляемыхъ, и отъ редакціи «Христіанскаго Чтенія» гораздо болѣе 10,000 рублей ассигнаціями. При казенной вполнѣ омеблированной квартирѣ, при казенномъ экипажѣ, безсемейному человѣку, кажется, можно было бы довольствоваться этою суммою. Но отцы ректоры не хотѣли разстаться съ описанною сейчасъ слабостью ректоровъ семинарій. Каждый изъ нихъ имѣлъ двухъ-трехъ казенныхъ служителей, пользовался многими съѣстными припасами изъ студенческой кладовой.

Объ экзаменскихъ обѣдахъ и закускахъ нечего и говорить; добывай на нихъ денегъ экономъ, какъ знаетъ. Ректоръ Доброзраковъ позволялъ себѣ требовать отъ него шампанское на угощеніе своихъ пріятелей, притомъ не одною какою-либо бутылкою, а полдюжинами и дюжинами ихъ. Пользуясь незаконно казенными деньгами на свои частные расходы въ болѣе или менѣе широкихъ размѣрахъ, ректоры не могли же не оказывать снисхожденія и къ прочимъ членамъ правленія и даже къ наставникамъ. У инспектора было два казенныхъ служителя, у эконома и секретаря по одному. Затѣмъ въ двадцатыхъ годахъ, особенно при Доброзраковѣ, вошло въ обычай, что даже наставники, помѣщавшіеся въ академіи, пользовались многими казенными съѣстными припасами, особенно хлѣбомъ, масломъ и пр., не платя за нихъ денегъ. Этотъ, можно сказать, грабежъ значительно сократилъ іеромонахъ Геннадій, сдѣланный экономомъ въ 1828 г. Увидавши, какое громадное количество съѣстныхъ припасовъ ежедневно расходуется на начальство и наставниковъ академіи, онъ явился къ Доброзракову и, какъ горячій малороссъ, отдавая ему ключи отъ кладовыхъ, сказалъ: «возьмите ихъ, ищите новаго эконома, а я не могу имъ быть». Доброзраковъ, выслушавъ все, что́ Геннадій ему сказалъ о множествѣ забираемыхъ припасовъ, понялъ, что кое отъ чего и самому надобно отказаться, и другимъ отказать. Всѣмъ живущимъ въ академіи начальникамъ и наставникамъ съ разрѣшенія митрополита дозволено было забирать для себя въ студенческой кладовой припасы, но съ тѣмъ, чтобы въ концѣ года за нихъ выплачивать сумму, которой они стоютъ; самъ Доброзраковъ подчинился ради примѣра этому распоряженію; но прислуга у членовъ и секретаря правленія оставалась казенною. Она бралась изъ числа той, которая назначалась для студентовъ вообще. Пока академія оставалась внѣ надзора оберъ-прокурорскаго и не требовалось въ ней особенной чистоты и опрятности, дѣло кое-какъ сходило съ рукъ. Но со времени *нашествія* гр. Пратасова все должно было измѣниться; прислуги оказалось недостаточно въ студенческихъ комнатахъ, столовой, больницѣ и пр.; секретарь и экономъ завели свою прислугу, но ректоръ и инспекторъ не хотѣли такъ скоро разстаться съ давнишнимъ обычаемъ. Какъ ни страннымъ покажется, а между тѣмъ говорю совершенную правду, что экономъ, съ одной стороны понуждаемый имѣть лишнюю прислугу для содержанія академіи въ требуемой чистотѣ, а съ другой стороны не имѣя смѣлости сказать начальникамъ, чтобы они отказались отъ казенной прислуги, болѣе года платилъ изъ своего кармана деньги

служителю, находившемуся при одномъ изъ нихъ, и только мало-по-малу, съ большими непріятностями для себя, ему удалось настоять на томъ, чтобы отцы командиры сами на свой счетъ нанимали для себя служителей.

Въ этомъ отношеніи особенно былъ упрямъ Доброхотовъ. Когда экономъ ему докладывалъ, чтобы онъ на свои деньги нанималъ прислугу для себя, то онъ обыкновенно говаривалъ: «вотъ еще что затѣваете! Развѣ я не ректоръ? Развѣ мнѣ на свой счетъ нанимать служителей? Гдѣ это видано, чтобы у ректора была не казенная, а своя прислуга?» Только къ концу своего ректорства, онъ сталъ самъ на свои деньги нанимать одного изъ служителей; но и это не обошлось безъ маленькаго скандальчика. Въ одномъ изъ засѣданій академическаго правленія Доброхотовъ, обратившись къ эконому, сказалъ:

— Я на васъ гнѣваюсь.

— За что это, ваше высокопреподобіе?—спросилъ подчиненный.

— Да вотъ я нынѣ былъ въ больницѣ; больные жалуются, что у нихъ иногда не бываетъ вовсе прислуги, поваръ готовитъ кушанье, а служитель уходитъ въ аптеку за лекарствами.

— Это совершенная правда.

— А сколько положено имѣть служителей при больницѣ?

— Двоихъ кромѣ повара.

— А сколько ихъ нанимается?

— Двое, но на больницу достается одинъ только.

— Какъ же это? нанимается двое, а въ больницѣ одинъ?

— Да именно такъ.

— А гдѣ же другой служитель?

— Вы очень хорошо сами знаете, гдѣ онъ.

— Ну нѣтъ, не знаю.

— Нѣтъ, знаете.

— Да я говорю, что не знаю, и вновь спрашиваю: гдѣ же другой нанимаемый для больницы служитель?

— Этотъ вопросъ вы легко разрѣшите, когда, пришедши въ свои комнаты, увидите Григорія (казеннаго при немъ служителя). Вѣдь вы знаете, что при вашихъ комнатахъ не положено отъ казны служителя, а...

— Ну вотъ еще, запѣли опять старую пѣсню.

Между тѣмъ эта пѣсня не осталась безъ послѣдствій; ее слышали многіе купцы, пришедшіе торговаться на разные предметы, нужные для академіи. И потому ректоръ, возвратившись домой, написалъ эконому записку, состоявшую изъ словъ: «съ нынѣш-

няго дня я своему Григорью плачу жалованье изъ своихъ денегъ, а для больницы наймите другого служителя».

И въ другихъ случаяхъ Доброхотовъ былъ настоящій тогдашній ректоръ семинаріи. Чуть не съ первыхъ дней своего ректорства онъ сталъ говорить эконому: «я люблю, чтобы у меня въ комнатахъ было все хорошо и прилично; ихъ нужно освѣщать лампами; купите все, что нужно для этого; вѣдь не на свой же счетъ мнѣ ихъ покупать». Или: «я люблю бесѣдовать съ наставниками, такого-то числа я позову ихъ на вечеръ, а вы приготовьте то-то и то-то». И когда вечеръ кончался, а экономъ представлялъ ректору счетъ издержкамъ, то получалъ въ въ отвѣтъ: «ха, ха, ха! Вотъ еще что выдумалъ! Да развѣ я не ректоръ?» И если бы въ то время секретарь и экономъ не были извѣстны съ хорошей стороны Карасевскому и гр. Пратасову и, разсчитывая на это, не ограничивали мало-по-малу расходолюбиваго ректора, то академическимъ финансамъ пришлось бы истощаться на многія вовсе ненужныя, незаконныя издержки. Особенно же Доброхотовъ былъ несговорчивъ относительно обѣдовъ на публичныхъ экзаменахъ... «Ну ужъ нѣтъ, извините; я люблю, чтобы у меня экзаменскія закуски (или обѣды) были отличныя». Особенно же тяжелъ могъ быть публичный экзаменъ 1839 г. Онъ продолжался два дня съ обѣдами каждый день человѣкъ на 50—60. Но они были послѣдними обѣдами на казенный счетъ. Когда экономъ вскорѣ послѣ нихъ пришелъ къ ректору съ жалованьемъ за два мѣсяца, то по обычаю первоначально предложилъ своему начальнику расписаться въ полученіи денегъ. Потомъ представилъ длинный счетъ расходамъ... «Это что такое»? —спросилъ ректоръ.—«Счетъ деньгамъ, которыя употреблены на два обѣда и которыхъ мнѣ не откуда взять». И за тѣмъ, взявши счеты, положивши на нихъ сумму, которую слѣдовало получить ректору и скинувши съ нее экзаменскіе расходы, онъ вручилъ очень небольшой остатокъ денегъ и, поклонившись, ушелъ. Ректоръ, совсѣмъ не ожидавшій такой развязки, не нашелся, но съ тѣхъ, кажется, поръ на экзаменскіе обѣды стали заимствовать деньги изъ редакціи «Христіанскаго Чтенія».

Нисколько не скрывая капитальнаго недостатка въ Доброхотовѣ, я считаю нужнымъ сказать, что онъ вовсе не былъ дурнымъ человѣкомъ; онъ былъ рутинеръ, привыкъ думать, какъ и всѣ тогда думали, что ректоръ чуть не все долженъ получать отъ управляемой имъ академіи или семинаріи, вѣрилъ въ это, какъ въ непреложную истину. Внѣ же этихъ привычекъ онъ вовсе не былъ корыстолюбивъ; мнѣ вполнѣ извѣстно, что онъ

не жалѣлъ значительныхъ суммъ на вспомоществованіе не только роднымъ своимъ, но и стороннимъ. Къ этому прибавлю, что онъ былъ по душѣ своей добрый, незлопамятный человѣкъ. Подчиненный могъ не только съ нимъ поспорить, даже крупно поговорить, и послѣ чрезъ какой-нибудь часъ услышать отъ него: «эка вы разгорячились, да и я тоже, ну, пусть будетъ по вашему», или: «послушайтесь меня; я правду говорю; не спорьте». Тѣмъ дѣло и оканчивалось. Съ наставниками онъ обращался весьма хорошо. Если любилъ на экзаменахъ поспорить, пофилософствовать, даже погорячиться, то все это и заканчивалось словами. Никогда и никого онъ не преслѣдовалъ; почти ни къ кому не относился съ холодностью, съ надменностью, съ презрѣніемъ. Его за многое нельзя было похвалить, но какъ-то не хотѣлось и бранить; еще труднѣе было его ненавидѣть. Академическіе наставники при немъ отдохнули отъ того гнета, который тяготѣлъ надъ многими изъ нихъ при Щепетевѣ. Каждый изъ нихъ былъ полнымъ хозяиномъ въ своемъ классѣ, могъ говорить то, что находилъ истиннымъ, не опасаясь, что его заподозрятъ въ ереси, вольнодумствѣ и т. п. И потому неудивительно, что когда Доброхотовъ отъѣзжалъ на епископскую каѳедру въ Тамбовъ, то наставники устроили въ честь его великолѣпный прощальный обѣдъ.

Можно еще замѣтить, что, сдѣлавшись епископомъ, онъ нѣсколько сталъ измѣняться, особенно относительно мнѣній о бѣломъ духовенствѣ. Во время его ректорства отецъ его, священникъ, подвергся опалѣ по донесенію чиновниковъ палаты государственныхъ имуществъ о томъ, что онъ дѣлаетъ обременительные поборы съ прихожанъ, за что на нѣсколько времени удаленъ былъ отъ должности. Въ это время Доброхотовъ посылалъ старику отцу большія деньги на содержаніе его и съ своими подчиненными любилъ говорить о томъ, что бѣлому духовенству непремѣнно нужно положить жалованье. Но вотъ его сдѣлали епископомъ, и взглядъ его на жалованье духовенству измѣнился. Однажды, бывши въ академическомъ казно-хранилищѣ, онъ обратился къ одному изъ присутствовавшихъ тутъ наставниковъ съ словами: «вотъ мы съ вами нерѣдко разсуждали, что слѣдуетъ положить духовенству жалованье, а вѣдь мы жестоко ошибались». Наставникъ, изумленный этими словами, сказалъ: «помилуйте, ваше преосвященство, не вы ли сами находили жалованье это необходимымъ, а теперь совсѣмъ другое говорите».

— Да, правда,—сказалъ Доброхотовъ,—я говорилъ это, но теперь вижу, что ошибался. Вчера я былъ у московскаго митро-

полита, вотъ онъ-то мнѣ все дѣло и разъяснилъ. Теперь, говоритъ онъ, когда священники живутъ платою за требы, они не отказываются отъ требъ, а спѣшатъ ихъ исполнить поскорѣе; чрезъ это поддерживается въ народѣ благочестіе. Но когда священники станутъ получать жалованье, тогда что за охота имъ будетъ спѣшать для исполненія какой-либо требы ѣхать за 5 или 10 верстъ? они не только не поторопятся, но, пожалуй, станутъ внушать, что не зачѣмъ иную требу и исполнять; чрезъ это благочестіе въ народѣ упадетъ и вѣра ослабѣетъ. Не правда ли,— продолжалъ Доброхотовъ,—вѣдь московскій митрополитъ хорошо разсуждаетъ? Нѣтъ, потрудись, и за этотъ трудъ получи плату. Что скажете на это?

Наставникъ отвѣчалъ: «Согласенъ съ вашимъ преосвященствомъ, только удивляюсь, почему такой мѣры не распространяютъ и на другихъ лицъ. Вотъ, напр., архіереи получаютъ теперь жалованье; зачѣмъ это? Не лучше ли положить, что бы имъ давали извѣстную плату за рѣшеніе каждаго дѣла? Тогда бы въ консисторіяхъ не залеживались дѣла не только по мѣсяцамъ, но и по годамъ». Доброхотовъ не счелъ за нужное отвѣчать на это саркастическое замѣчаніе, и обратившись къ секретарю, сказалъ: «а сколько нужно денегъ?»

Окончивъ характеристику Доброхотова, займемся теперь тѣми наиболѣе замѣчательными событіями, которыя случились во время его ректорства въ академіи.

IX.

О посѣщеніи академіи государемъ императоромъ Николаемъ Павловичемъ.

Новый ректоръ почти цѣлый годъ подъ разными предлогами отговаривался предъ Карасевскимъ и гр. Пратасовымъ отъ новыхъ реформъ по академіи; въ этомъ пассивномъ только сопротивленіи оберъ-прокурору онъ былъ поддерживаемъ своимъ патрономъ и землякомъ, кіевскимъ митрополитомъ Амфитеатровымъ. Поэтому гр. Пратасовъ, который давно уже желалъ показать академію императору, рѣшился не ждать окончательнаго введенія въ нее всѣхъ предположенныхъ имъ реформъ, надѣясь, что она и въ томъ видѣ, въ какомъ тогда находилась, понравится высокому посѣтителю. Цѣлую зиму 1837—38 года академическому начальству внушалось быть готовымъ къ встрѣчѣ государя. Онъ большею частью по учебнымъ заведеніямъ ѣздилъ въ 3—4 ч. по-полудни. Это время для академіи было очень благо-

пріятно; студенты тогда сидѣли на послѣ-обѣдномъ классѣ; а въ комнатахъ, едва только пробивалъ звонокъ въ два часа, какъ прислуга быстро приводила все въ порядокъ; и рѣдкій разъ день проходилъ безъ того, чтобы кто-либо изъ членовъ правленія въ это время не осмотрѣлъ комнатъ. Кромѣ того, и самъ гр. Пратасовъ, особенно же Карасевскій *благовременно* и *безвременно*, многое множество разъ, пріѣзжали въ академію, чтобы видѣть, все ли тамъ содержится въ чистотѣ и надлежащемъ порядкѣ. При помощи такихъ визитацій они вполнѣ убѣдились, что посѣщеніе академіи государемъ теперь не страшно. Гр. Пратасовъ, который все еще оставался полковникомъ, хотя по власти и вліянію на дѣла почти равнялся министрамъ, — въ теченіе зимы, какъ онъ самъ говорилъ, неоднократно приглашалъ государя удостоить академію своего высочайшаго посѣщенія, увѣряя, что она нынѣ приведена его, разумѣется, стараніями въ надлежащій видъ. И не смотря на все это, графъ чуть было не ошибся въ своихъ разсчетахъ. Пропусти какихъ-нибудь 10—20 минутъ и государь императоръ, по всей вѣроятности, остался бы крайне недоволенъ положеніемъ академіи.

Зима уже проходила; въ теченіе ея въ 3—4 часу академія всегда была готова встрѣтить государя; наступилъ великій четвергъ (31-го марта). Въ этотъ день студенты, пріобщаясь святыхъ таинъ, должны были встать очень рано, простоять въ церкви за утреней и правиломъ, потомъ послѣ небольшого промежутка, за обѣдней, всего около 6—7 часовъ, и, разумѣется, чрезвычайно утомились. Сытный обѣдъ еще болѣе расположилъ ихъ ко сну. Да и негуманно было бы требовать отъ нихъ, чтобы они послѣ столькихъ трудовъ не отдохнули; притомъ само начальство, наскучивши продолжительнымъ ожиданіемъ императорскаго посѣщенія, перестало уже вѣрить въ него. И вотъ студенты, помолившись Богу въ церкви, покушавши въ столовой, да побалагуривъ между собою, большею частью легли на свои кровати, примяли подушки и одѣяла, а многіе даже, скинувши сюртуки, брюки, жилеты и сапоги, рѣшились съ полнымъ наслажденіемъ предаться въ объятія Морфея; почти все въ студенческихъ комнатахъ засопѣло и захрапѣло. Въ это-то время къ концу уже третьяго часа поспѣшно пріѣзжаетъ въ академію Карасевскій, почти бѣжитъ къ ректору, велитъ разбудить его и говоритъ, что сейчасъ пріѣдетъ графъ съ какимъ-то генераломъ, требуетъ къ себѣ эконома и съ нимъ отправляется въ студенческія комнаты.

Тревога эта поднялась по слѣдующему обстоятельству. Графъ

въ тотъ день пріобщился св. таинъ, съ чѣмъ поздравить его и пріѣзжалъ Карасевскій. Во время ихъ разговора является курьеръ изъ Зимняго дворца съ приказаніемъ графу немедленно явиться къ государю императору. Естественно родился вопросъ: зачѣмъ это требуютъ графа въ дворецъ? Подумали, погадали и дошли до мысли: ужъ не хочетъ ли государь посѣтить духовную академію, куда его такъ давно приглашали? Размышлять долго было некогда, а на всякій случай слѣдовало принять надлежащія мѣры. Графъ и велѣлъ Карасевскому, какъ можно скорѣе, поспѣшить въ академію и сказать, что онъ сейчасъ туда пріѣдетъ съ однимъ генераломъ. Если самъ государь поѣдетъ, то эта маленькая ложь не испортитъ дѣла; а если не поѣдетъ, то графъ хотѣлъ дѣйствительно съ кѣмъ-либо изъ своихъ знакомыхъ посѣтить академію, чтобы этимъ поприкрыть поднятую тамъ тревогу.

Хотя о пріѣздѣ Карасевскаго уже успѣли узнать студенты, но онъ, пришедши въ комнаты, нашелъ все въ страшномъ безпорядкѣ; иные еще лежали на кровати подъ одѣяломъ или на немъ; другіе одѣвались, даже только обувались; кое-кто убиралъ свою кровать; только очень немногіе студенты были вполнѣ готовы, но и у нихъ еще можно было замѣтить заспанные глаза. Карасевскій, увидавши такой безпорядокъ, пришелъ въ ужасъ. «Что это такое у васъ? — воскликнулъ онъ съ негодованіемъ и въ ужасномъ безпокойствѣ.—На что это похоже?» И когда экономъ сталъ-было объяснять, что студенты нынѣ очень утомлены и пр., то его превосходительство не хотѣло и слышать объ извиненіяхъ, а приказывало, какъ можно скорѣе, спѣшить привести все въ надлежащій порядокъ, даже само своими превосходительными руками раза два-три принималось поправлять одѣяла или подушки. Замѣтивъ, что экономъ не очень суетливо распоряжается, онъ тихонько сказалъ ему: «что вы такъ медлите? Знаете ли, что вѣдь ѣдетъ самъ государь? Скорѣй, живѣй! только пока никому не говорите о государѣ». Впрочемъ, дѣло могло обойтись безъ особенныхъ тревогъ. И студенты, и прислуга академіи уже пріобрѣли привычку приводить быстро все въ порядокъ. Минутъ чрезъ 15-ть нечего было бояться, что императоръ встрѣтитъ безпорядокъ въ академіи. Карасевскій, убѣдившись въ этомъ, ушелъ въ комнаты ректора, приказавши тотчасъ же поднимать тревогу, какъ скоро замѣтятъ, что въ академію ѣдетъ графъ одинъ, или съ кѣмъ-нибудь. Вмѣстѣ съ тѣмъ эконому сказано было, чтобы онъ не вдругъ являлся на глаза посѣтителямъ, когда они войдутъ въ сѣни; пусть-де не думаютъ, что ихъ ждали въ академію. Карасевскій такъ заботился объ этомъ своего рода

инкогнито, что своему кучеру велѣлъ отъѣхать отъ параднаго крыльца и укрыться гдѣ-нибудь въ невидномъ мѣстечкѣ.

Швейцаръ и привратникъ наконецъ увидѣли, что съ шлиссельбургскаго шоссе поворотили въ академію двое саней, на однихъ сидѣли два генерала, а другія, запряженныя лошадью гр. Пратасова, ѣхали сзади первыхъ порожними. Ясно было, что ѣдутъ государь и графъ вмѣстѣ. Начались новыя тревоги по всему дому. Государь, вошедши въ большія сѣни, немедленно снялъ съ себя шляпу и шинель, отдавши послѣднюю швейцару. Радклифовскій характеръ сѣней, кажется, заинтересовалъ его; онъ съ минуту или болѣе осматривалъ ихъ и сдѣлалъ какое-то графу замѣчаніе; тотъ и другой улыбнулись. Этотъ небольшой промежутокъ времени далъ эконому возможность разыграть предписанную ему Карасевскимъ комедію. Стоя за неплотно притворенною дверью своей квартиры, онъ вышелъ изъ нея тогда уже, когда посѣтители, осмотрѣвши сѣни, пошли вдоль нихъ къ лѣстницамъ въ церковь; такимъ образомъ государь не имѣлъ повода думать, что его здѣсь уже давно ждутъ. Прежде всего онъ вошелъ въ церковь. Въ ней не было никакихъ особенныхъ украшеній, даже ни одной иконы на боковыхъ и задней стѣнахъ, но она имѣла нѣчто величественное и торжественное. Государь спросилъ графа, почему въ нее пустили такъ мало свѣта? и получилъ въ отвѣтъ: «она устроивалась въ то время, когда въ Россіи преобладалъ мистицизмъ; тогда полумракъ былъ въ модѣ». Государь улыбнулся этому замѣчанію и пошелъ далѣе. Тутъ слѣдовали два класса; въ нихъ въ это время стояли только одни классные столы для студентовъ, притомъ очень обыкновенной работы; но за то солнце ярко свѣтило въ окна и тѣмъ поприкрыло незавидное ихъ убранство. Государь, остановившись и осмотрѣвши все, замѣтилъ, что столы поставлены неудобно, такъ какъ при слушаніи лекцій свѣтъ падалъ изъ оконъ прямо въ глаза студентовъ: «чрезъ это глаза портятся», прибавилъ онъ и указалъ, какъ слѣдуетъ поставить столы. Теперь очередь дошла до жилыхъ студенческихъ комнатъ, расположенныхъ въ бельэтажѣ. Двери уже были вездѣ растворены; студенты знали, что сейчасъ къ нимъ явятся посѣтители; поприбрались, попригладились, построились большею частью въ каждой комнатѣ небольшими группами въ одинъ рядъ. Они, конечно, не отличались военною выправкою, но одѣлись въ хорошіе сюртуки, стояли бодро, глядѣли въ глаза смѣло, безъ семинарской застѣнчивости, безъ бурсацкихъ гримасъ. Вошедши въ каждую комнату, государь говорилъ: «здравствуйте, господа». Ему не отвѣчали общимъ

крикомъ: «здравія желаю», но кланялись прилично, благопристойно, по крайней мѣрѣ, не безобразно; оригинальность этого привѣтствія, котораго государь нигдѣ въ другихъ училищахъ не встрѣчалъ, не произвела, какъ было замѣтно, на него никакого непріятнаго впечатлѣнія. Во второй угловой комнатѣ графъ какъ-то умѣлъ обратить вниманіе его на длинный рядъ комнатъ, которыя при растворенныхъ дверяхъ представляли нѣчто въ родѣ перспективы на протяженіи саженей 20—25. Государь остановился на нѣсколько мгновеній и, посмотрѣвъ, сказалъ: «хорошо». Видъ дѣйствительно былъ довольно красивъ. Можно было замѣтить, что высокій посѣтитель, посмотрѣвши въ каждой комнатѣ на студентовъ, послѣ дѣлалъ быстрый, но проницательный взглядъ на стѣны и на всю обстановку комнаты. Такимъ образомъ прошли по всѣмъ жилымъ комнатамъ бель-этажа. Въ которой-то изъ комнатъ государь сказалъ: «мнѣ желательно бы, чтобы всѣ воспитывающіеся въ академіи студенты поступали въ духовное званіе». Вышедши въ корридоръ, онъ увидалъ трехъ человѣкъ прислуги изъ бравыхъ солдатъ, одѣтыхъ въ мундирные сюртуки, и выстроившихся по военному. На его привѣтствіе они отвѣчали громкимъ солдатскимъ: «здравія желаемъ, ваше императорское величество!» То же самое сдѣлали четыре служителя, мимо которыхъ государь прошелъ, поднявшись въ верхній этажъ. Здѣсь комнаты были нѣсколько пониже, нежели въ бель-этажѣ; но за то студенты низшаго отдѣленія, въ нихъ жившіе, на которыхъ еще не успѣлъ подѣйствовать петербургскій климатъ, имѣли лица свѣжѣе и поплнѣе, нежели студенты высшаго отдѣленія, которыхъ государь видѣлъ въ бель-этажѣ. Такимъ образомъ и здѣсь все сошло съ рукъ хорошо.

Теперь обратимся къ ректору, у котораго, какъ я уже сказалъ, расположился и Карасевскій. Разговоръ у нихъ какъ-то не клеился; одному помѣшали соснуть, другой сидѣлъ, по пословицѣ, какъ на иголкахъ, постоянно посматривая на часы. Ректоръ послѣ сознавался, что ему уже становилось скучно. Вдругъ прибѣгаетъ, запыхавшись, солдатъ съ докладомъ, что ѣдутъ два генерала на однихъ саняхъ, а въ саняхъ графа никто не сидитъ. Тутъ только Карасевскій, полагая, что одинъ изъ генераловъ есть государь, сказалъ о томъ ректору и совѣтовалъ, какъ можно скорѣе, спѣшить на встрѣчу ему. У ректора отъ этого извѣстія, по собственному его сознанію, «задрожали подколѣнки и по тѣлу пробѣжали муравьи». По добродушію своему онъ послѣ говорилъ: «кажется, я спѣшилъ-было и очень, а между тѣмъ ноги какъ будто не слушались». Отъ этого и про-

изошло, что онъ встрѣтилъ государя, когда тотъ выходилъ изъ комнатъ верхняго этажа. Такое замедленіе, впрочемъ, не имѣло неблагопріятныхъ послѣдствій; оно даже послужило въ пользу; изъ него, какъ послѣ говорилъ гр. Пратасовъ, государь заключилъ, что его вовсе не ждали въ академіи, и что, значитъ, въ ней всегда такой же порядокъ, который имъ найденъ. Когда ректоръ съ «дрожавшими подколѣнками и мурашками по тѣлу» приблизился съ монашескимъ поклономъ и гр. Пратасовъ отрекомендовалъ его, какъ ректора, то государь сказалъ: «я ужъ много осмотрѣлъ въ академіи и нашелъ все въ хорошемъ видѣ; если то же самое увижу въ прочихъ комнатахъ, то мнѣ останется только поблагодарить васъ за найденный мною порядокъ». Послѣ этого, зашедши въ умывальню, спустились въ нижній этажъ. И здѣсь двери въ студенческія комнаты вездѣ были отворены и въ нихъ видны были студенты, ихъ кровати и проч. «Тутъ также живутъ студенты?» спросилъ государь и, получивши въ отвѣтъ: «точно такъ, В. И. В.», сказалъ: «я увѣренъ, что и здѣсь такъ же хорошо, какъ тамъ», указывая на верхніе этажи. Потомъ вошли въ столовую, въ которой, разумѣется, столы были накрыты лучшими бѣлыми скатертями и разставлены тарелки съ салфетками. Государь прошелъ почти вдоль всей столовой, бѣгло взглянулъ на росписаніе пищи въ ту недѣлю. На особомъ столикѣ стояли пробныя отъ обѣда кушанья. Великій четвергъ, какъ день, въ который студенты пріобщаются св. Таинъ, считался въ академіи праздничнымъ, а въ праздники всегда къ обѣду приготовлялось четыре блюда. Государь не пробовалъ ни одного кушанья, но посмотрѣвши на нихъ, сказалъ: «обѣдъ хорошъ», и пошелъ изъ столовой. При самомъ выходѣ изъ нея явился исправлявшій въ то время должность инспектора, архимандритъ Климентъ. Онъ въ тотъ день служилъ обѣдню въ какомъ-то соборѣ, послѣ нея у кого-то пообѣдалъ и, прибывши въ академію, услыхалъ, что въ ней давно уже государь. Отецъ Климентъ и безъ того былъ не храбраго десятка, а тутъ и совсѣмъ растерялся. Увидѣвъ государя, онъ очень, очень низко поклонился ему. Государь, услышавъ отъ гр. Пратасова: «это исправляющій должность инспектора академіи архимандритъ Климентъ», только взглянулъ на него; ему не могло не показаться страннымъ, что инспекторъ такъ поздно появился на-лицо. Тогда гр. Пратасовъ предложилъ-было осмотрѣть кухню, больницу, библіотеку и физическій кабинетъ. Но Государь, услышавъ, что находятся, первая въ подвальномъ этажѣ, вторая въ отдѣльномъ флигелѣ, а библіотека и кабинетъ на другой половинѣ дома,

сказалъ: «я увѣренъ, что и тамъ у васъ все хорошо». Въ большихъ сѣняхъ, гдѣ появился и Карасевскій, государь остановился, прежде всего благодарилъ и даже поцѣловалъ графа, который, будучи растроганъ глубокою такою милостью, успѣлъ поцѣловать оба плеча у своего монарха. Потомъ государь поблагодарилъ ректора и сдѣлалъ головою небольшое наклоненіе всѣмъ прочимъ, тутъ стоящимъ, которые отвѣтили порядочными поклонами, а отецъ Климентъ опять даже очень и очень низкимъ. Государь велѣлъ швейцару накинуть на его плечи шинель, пошелъ къ своимъ санямъ въ сопровожденіи всей свиты; сѣвши въ сани, онъ отвѣтилъ на поклоны ея, приподнявъ руку къ своей шляпѣ, и уѣхалъ.

Проводивши Государя Императора, бывшая его свита возвратилась въ сѣни и составила нѣчто въ родѣ неправильнаго пятиугольника. Сначала никто не говорилъ ни слова, всѣ только поглядывали другъ на друга. Самъ графъ, которому слѣдовало бы первому начать разговоръ, не выговорилъ ни слова, онъ все еще, по поговоркѣ, не могъ опомнится отъ радости, что такъ счастливо окончился визитъ императора. Потомъ, хоть и началъ говорить, но только отрывочныя слова въ родѣ слѣдующихъ: «ну, что? ну, вотъ! А! каково? То-то! то-то?» и пр. И ужъ черезъ нѣсколько минутъ, собравшись съ мыслями, онъ повелъ разговоръ, такъ-сказать, періодическою рѣчью. Поговоривши немного почти одинъ, онъ сказалъ: «ну теперь пойдемте по всѣмъ мѣстамъ, гдѣ былъ государь и станемте припоминать все, что онъ говорилъ». Но это новое шествіе совершалось слишкомъ медленнымъ образомъ. Государь пробылъ въ академіи едва ли болѣе 15 минутъ; а шествіе по слѣдамъ его продолжалось чуть ли не цѣлый часъ. Графъ поминутно вездѣ останавливался, былъ въ какомъ-то энтузіазмѣ, чуть не въ экстазѣ, повторялъ слова: «какъ государь добръ, милостивъ» и пр.; иногда же говорилъ то, чего вовсе не было. Такъ, напримѣръ, пришедши въ классъ высшаго отдѣленія и указавши, какъ государь велѣлъ переставить парты, онъ прибавилъ: «смотрите, какъ онъ ко всему внимателенъ; вѣдь мы вовсе не догадались сдѣлать это; но слава Богу, все кончилось хорошо». Потомъ обратившись къ ректору, сказалъ: «а знаете ли, отецъ ректоръ, какъ меня ругали за то, что я здѣсь за все строго взыскивалъ? Ну, а что было бы нынѣ, еслибы я этого не дѣлалъ? Знаете ли, что я нашелъ здѣсь при первыхъ моихъ посѣщеніяхъ? Напримѣръ, въ столовой студенты сидѣли кто въ тулупѣ, кто въ халатѣ, а кто даже *въ жилетѣ безъ рукавовъ?*» Но графъ тотчасъ же, какъ говорится,

спохватился, что онъ сказалъ вещь, не совсѣмъ заслуживающую вѣроятіе: жилетовъ съ рукавами не бываетъ, а жилеты безъ рукавовъ—вовсе не новость. Притомъ и въ первые визиты его никто не сидѣлъ въ столовой въ одномъ жилетѣ, не имѣя поверхъ его сюртука, или чего либо другого. Но въ такія торжественныя минуты ему не хотѣлось отказаться отъ словъ своихъ. И потому повторивши ихъ, прибавилъ, указывая на эконома: «вотъ, спросите его». Не дожидаясь, впрочемъ, чтобы другой кто-нибудь спросилъ эконома, онъ сказалъ ему: «помните ли, какъ я нашелъ въ столовой студентовъ? Вѣдь правда это, правда? скажите!» Экономъ очень хорошо помнилъ, что жилеты безъ рукавовъ вовсе не играли той роли, какую имъ приписывало его сіятельство, но счелъ за лучшее не вступать въ полемику съ начальникомъ, находившимся въ экстазѣ, — сдѣлалъ небольшой поклонъ и сказалъ: «да, ваше сіятельство». «Ну, вотъ, о. ректоръ,—подхватилъ графъ,—видите, я правду говорилъ; именно были въ жилетахъ безъ рукавовъ». Энтузіазмъ не оставлялъ графа и въ другихъ комнатахъ.

Полетѣли письменныя донесенія митрополиту Серафиму и коммиссіи духовныхъ училищъ о посѣщеніи академіи государемъ, хотя первому тотчасъ же послѣ отъѣзда графа словесно доложено было о томъ ректоромъ, а одинъ членъ и правитель дѣлъ послѣдней сами видѣли государя въ академіи. Въ донесеніяхъ прописали и выраженное государемъ желаніе, чтобы всѣ студенты духовной академіи поступали въ духовное же званіе. И прописали объ этомъ, Богъ знаетъ для чего, потому что слова эти не вызвали никакого распоряженія и изъ студентовъ по прежнему поступала въ духовенство едва ли половина, да и то рѣдко по сердечному влеченію къ нему, а въ монахи для того, чтобы получить степень магистра и инспекторское мѣсто въ семинаріи, — въ бѣлое же духовенство отъ убѣжденія, что на одной должности наставника семейному человѣку пришлось бы терпѣть чуть не голодъ. Явился также и мѣстный квартальный надзиратель разузнать о томъ, что сдѣлалъ и говорилъ государь въ академіи, и поспѣшилъ увѣдомить о томъ оберъ-полиціймейстера. Затѣмъ, по приказанію графа, сочли нужнымъ, такъ сказать, увѣковѣчить память о посѣщеніи академіи государемъ, вставивши въ одной изъ стѣнъ академической залы мраморную доску, на которой золотыми литерами возвѣщалось объ этомъ событіи.

Поговорили о томъ же и въ городѣ, особенно въ бѣломъ духовенствѣ, между которымъ, впрочемъ, много нашлось охотни-

ковъ представить академію въ карикатурномъ видѣ; многимъ не хотѣлось вѣрить, чтобы она могла понравиться государю. Тогда почему-то было чуть не общее убѣжденіе, что онъ не любитъ посѣщать высшихъ учебныхъ заведеній, что хорошими училищами считаются только тѣ, гдѣ находится красивая обстановка, воспитанники съ военною выправкою, выученные живо и громко на привѣтствіе отвѣчать: «здравія желаемъ», начальство ловкое, расторопное. И потому заключали, гдѣ-жъ академіи понравиться, когда въ ней мебель чуть не топорной работы, студенты мало дисциплинированы на военный манеръ, однѣ и тѣ же комнаты служатъ и для спанья, и для учебныхъ домашнихъ занятій и пр.? Государю дѣйствительно нечѣмъ было восхищаться въ академіи, еслибы онъ ее сравнивалъ съ свѣтскими блестящими училищами. Но, кажется, у него была другая мѣрка. Ему прежде было наговорено, что всѣ духовно-учебныя заведенія, не исключая и академій, содержатся въ отвратительной нечистотѣ, которая можетъ вывести его изъ терпѣнія. Разсказывали, что еще при оберъ-прокурорѣ князѣ Мещерскомъ онъ рѣшился-было посѣтить академію, но тогдашній генералъ-губернаторъ, узнавши объ этомъ намѣреніи, уговорилъ его не ѣздить, увѣряя, что она въ высшей степени ему не понравится. Потомъ, когда въ холеру 1831 года академическое зданіе нашли нужнымъ отдать подъ общую больницу, то государь напередъ пожелалъ посмотрѣть, что это за домъ? И что-жъ? Подъѣхалъ къ нему вмѣстѣ съ генералъ-губернаторомъ, остановился противъ его фасада, не въѣзжая даже во дворъ, и уѣхалъ; многіе студенты чрезъ растворенныя окна видѣли его и узнали. Послѣ, въ 1833 году, при открытіи Обводнаго канала, онъ тихо проѣхалъ мимо академіи, даже довольно долго посмотрѣлъ на нее; само начальство встревожилось-было,—но визита и тутъ не послѣдовало. Но вотъ, государь, пріѣхавъ въ академію съ гр. Пратасовымъ, увидѣлъ, что это вовсе не помойная какая-то яма, даже не бурса, что и студенты въ ней держатъ себя прилично, что въ комнатахъ если не блистательно, то очень опрятно. И потому вовсе не нужно удивляться, что онъ остался ею доволенъ. Такимъ образомъ нашлась особая причина, чтобы наградить любимаго флигель-адъютанта. И дѣйствительно, съ перваго дня пасхи гр. Пратасовъ былъ уже свиты Его Императорскаго Величества генералъ-маіоромъ.

Д. И. Ростиславовъ.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМІЯ

при

ГРАФѢ ПРАТАСОВѢ

1836 — 1855 гг.

X *).

О новыхъ улучшеніяхъ академіи, произведенныхъ по приказанію гр. Пратасова.

Графу, разумѣется, было желательно, чтобы и на будущее время академія перестала быть заколдованнымъ или проклятымъ мѣстомъ, куда порядочные люди боялись бы заглянуть. Только онъ хорошо понималъ, что государь императоръ, оставшійся довольнымъ академіей при первомъ визитѣ, будетъ взыскательнѣе при слѣдующихъ визитахъ, что нужно непремѣнно устроить все по образцу свѣтскихъ блестящихъ училищъ. Но сверхъ ожиданія онъ въ ректорѣ Доброхотовѣ встрѣтилъ уже не пассивное, а даже нѣсколько активное сопротивленіе своимъ планамъ. Ректоръ и самъ по себѣ, и по внушенію монашествующихъ, особенно кіевскаго митрополита Амфитеатрова, отстаивалъ съ упорствомъ старинное устройство академіи. Карасевскій не одинъ разъ передавалъ ему мысль графа о томъ, чтобы приняться за введеніе новыхъ порядковъ въ академіи, но ректоръ то увертывался и придумывалъ отговорки, то даже отказывалъ наотрѣзъ; и въ этомъ случаѣ указывалъ особенно на то, что вѣдь государю понравилась

---

*) См. выше: іюль, 121 стр.

же академія и въ настоящемъ ея видѣ. Къ чему же теперь начинать новый порядокъ, когда и старый оказался удовлетворительнымъ? Уже предъ самыми лѣтними каникулами 1838 г., въ которыя въ академіи происходили разныя передѣлки, Карасевскій, наскучивъ, вѣроятно, имѣть споры съ ректоромъ, призвалъ къ себѣ эконома и велѣлъ ему доложить своему начальнику, что графъ находитъ нужнымъ отдѣлить особыя комнаты для спанья студентамъ и устроить новую мебель. Экономъ сказалъ о томъ ректору, который, замѣтивъ настойчивость со стороны своего подчиненнаго, указывавшаго преимущественно на желаніе графа и Карасевскаго, сказалъ: «Что же, что они желаютъ? Мало ли они чего желаютъ? Что мнѣ Карасевскій? Вѣдь онъ не начальникъ мой. Да и графъ? Вѣдь онъ въ синодѣ оберъ-прокуроръ, а въ коммиссіи духовныхъ училищъ такой же членъ, какъ и прочіе, которые вовсе не желаютъ передѣлывать академію на свѣтскій манеръ. Не хочу, такъ и скажите Карасевскому». Его высокопреподобіе никогда почти не было почему-то такъ храбрымъ, какъ въ это время; вѣроятно, его воодушевляла идея, что онъ предназначенъ отстоять бурсацкія преданія старины глубокой. И когда экономъ подалъ-было записку въ академическое правленіе о необходимости тѣхъ передѣлокъ, на которыя указывалъ ему Карасевскій, то ректоръ сказалъ: «я этой бумаги ни за что не пущу въ ходъ; возьмите ее назадъ». Но храбрость отца ректора продолжалась не очень долго; злой рокъ заставилъ его отказаться отъ старины и сдѣлаться невольнымъ поборникомъ новизны.

Еще въ апрѣлѣ мѣсяцѣ студентъ и вмѣстѣ письмоводитель правленія, Суворовъ, часу въ девятомъ вечера ушелъ куда-то, не смотря на то, что по академическимъ правиламъ выходъ изъ академіи студентамъ дозволялся только до осьми часовъ. Суворовъ не только не возвратился въ тотъ же день, но и, какъ говорится, совсѣмъ пропалъ. Академическое правленіе донесло объ этомъ коммиссіи духовныхъ училищъ, которая хоть и не сдѣлала никакого выговора, но между тѣмъ имѣла поводы думать, что въ академіи инспекторскій надзоръ не совсѣмъ хорошъ; это было вполнѣ справедливо. Исправлявшій должность инспектора Климентъ Можаровъ немного придерживался поговорки: «помоги Богъ и вашимъ и нашимъ»; ему хотѣлось и выслужиться передъ начальствомъ, и понравиться студентамъ, которые и умѣли воспользоваться этою его слабостію. Но на несчастнаго отца Климента валилась бѣда за бѣдой. Въ маѣ мѣсяцѣ въ бассейнѣ Обводнаго канала найдено было тѣло Суворова. При осмотрѣ его на верхней губѣ оказалось много запекшейся и затвердѣв-

шей крови; изъ чего полиція и заключила, что покойника еще при жизни гдѣ-то поколотили; такъ какъ въ водѣ кровь не могла отвердѣть на тѣлѣ. Была молва, что онъ кончилъ жизнь насильственной смертію на службѣ Бахусу и Венерѣ. И это подозрѣніе какъ-то умѣли ослабить. Но отецъ Климентъ подвергся новому искушенію. Въ самомъ началѣ каникулъ, лучшій студентъ низшаго отдѣленія, Концѣвичъ, купаясь въ Обводномъ каналѣ противъ академическаго сада, утонулъ. Нужно было репортовать о новомъ смертномъ случаѣ въ коммиссію духовныхъ училищъ; къ графу Пратасову поѣхалъ самъ ректоръ съ словеснымъ объясненіемъ. Что̀ происходило между ними, осталось темнымъ и неизвѣстнымъ. Только ректоръ, возвратившись отъ оберъ-прокурора, вдругъ оказался ярымъ защитникомъ новизны и гонителемъ святой старины. Дня за четыре до того, не принявши отъ эконома записки о новыхъ передѣлкахъ въ академіи, онъ, тотчасъ же призвавъ его къ себѣ, сказалъ: «что же? приготовляете вы отдѣльныя спальни для студентовъ?»

— Нѣтъ,—отвѣчалъ экономъ,—да вы вѣдь сами отдали мнѣ мою записку назадъ.

— Ну, такъ вотъ что, дѣлайте теперь все нужное для спаленъ; да поскорѣе надобно устроить новую лучшую мебель.

— Что же это такое, ваше высокопреподобіе? — спросилъ экономъ.

— Эка, что такое? Мало ли что? Нужно, ну и дѣлайте, да смотрите, живѣе; я самъ за всѣмъ буду смотрѣть.

Итакъ для устройства отдѣльныхъ спаленъ и новой мебели нужна была неестественная смерть двухъ студентовъ.

Вскорѣ и коммиссія духовныхъ училищъ по всей формѣ прислала строжайшій выговоръ академическому правленію за упущенія по части нравственнаго надзора за студентами и предписала усилить его какъ можно болѣе и принять дѣятельнѣйшія мѣры для этого. Отецъ Климентъ скоро былъ уволенъ отъ исправленія инспекторской должности, а на мѣсто его назначенъ баккалавръ московской духовной академіи Филоѳей Успенскій. Ректоръ, благодаря сильной протекціи кіевскаго митрополита Филарета Амфитеатрова, остался на своемъ мѣстѣ, но чтобы удержаться на немъ, нашелъ нужнымъ ввести строжайшую дисциплину между студентами, о какой тогда едва ли думали хоть въ одной семинаріи.

И прежде съ давнихъ уже временъ студенты, желавшіе идти въ городъ, обязаны были записываться въ особую тетрадь съ прописаніемъ, къ кому и на сколько времени они уходятъ; тет-

радь подавалась къ инспектору, который иногда кое-кому и отказывалъ въ позволеніи. Но эти распоряженія исполнялись не очень строго; студенты находили возможность уходить не только безъ позволенія, но даже противъ желанія инспектора. Теперь подъ опасеніямъ немедленнаго исключенія изъ академіи приказано было ни подъ какимъ видомъ безъ позволенія инспектора не отлучаться *даже на смежный семинарскій дворъ*. Притомъ получившій дозволеніе выйти изъ академіи долженъ былъ исполнить разныя, такъ сказать, церемоніи, отяготительныя даже для воспитанниковъ среднихъ училищъ, но ужъ очень унизительныя для взрослыхъ людей. Студентъ для выхода изъ академіи получалъ полу-печатный, полу-письменный билетъ, въ которомъ означалось, что такого-то года, мѣсяца и числа такой-то студентъ уволенъ начальствомъ академіи на столько-то времени; дозволеніе скрѣплялось подписью инспектора. Этотъ билетъ студентъ долженъ былъ показать привратнику и у него въ сторожкѣ собственноручно записаться въ особой книгѣ. Безъ билета привратникъ имѣлъ право не пропускать никого, и если его не послушаются, то немедленно донести о такомъ своеволіи начальству. По возвращеніи изъ города студентъ являлся къ инспектору и лично отдавалъ ему въ руки свой билетъ; принимавшему билетъ представлялась тутъ возможность убѣдиться, въ добромъ ли здоровьи возвратился студентъ.

Прошло и то золотое времечко, когда студенту можно было днемъ по желанію полежать на своей кровати. Устроенныя спальни на день запирались прислугою и отпирались только въ то время, какъ нужно было ложиться спать, — около 10 часовъ. Пришлось также разстаться съ любимою семинаристами привычкою, лежа на кровати подъ одѣяломъ, почитать что-либо усыпительное, или съ сосѣдомъ побалагурить сколько-нибудь; въ спальняхъ приказано было соблюдать полную тишину, не говорить, а только спать. Комнаты же для занятій запирались непремѣнно въ 11 часовъ унтеръ-офицеромъ, который, если бы какой-либо слишкомъ прилежный студентъ не хотѣлъ идти въ спальню, долженъ былъ тотчасъ же донести инспектору о такомъ безпорядкѣ. Утромъ эти комнаты отпирались не ранѣе пяти часовъ; такимъ образомъ студентъ волею-неволею, а долженъ былъ лежать въ постелѣ, по крайней мѣрѣ, отъ 11 до 5 часовъ. Но въ шесть часовъ билъ звонокъ и нужно было непремѣнно вставать, потому что прислуга принималась за уборку спаленъ.

Не обошлось безъ подтвержденія, чтобы студенты непремѣнно ходили на лекціи въ надлежащее время, а не просиживали ихъ

въ комнатахъ. Только при новомъ ректорѣ, постоянно прежде служившемъ въ семинаріяхъ, введена была новая въ этомъ отношеніи мѣра, отзывавшаяся семинарщиною. Въ каждомъ отдѣленіи избирался изъ такъ-называемыхъ благонадежныхъ студентовъ старшій, которому поручалось записывать, чѣмъ каждый наставникъ занимался и кто изъ студентовъ не былъ въ классѣ, и почему, —по болѣзни ли, или по упущенію. Для такихъ записей выдавалась старшему большая книга подъ названіемъ *журнала*.

И прежнія строгости были не по душѣ студентамъ; прибавка новыхъ не могла же имъ понравиться. Благоразумные между ними понимали, что само начальство почти невольно было къ нимъ вынуждено; горячія же головы не могли отказаться хоть отъ какого-либо сопротивленія, но большею частію дѣйствовали немножко похоже на семинаристовъ. Напримѣръ, въ самомъ началѣ, какъ только устроили отдѣльныя спальни и въ теченіи цѣлаго дня онѣ оставались запертыми на замокъ, недовольные изъ студентовъ въ слѣдующую ночь припрятали ключи отъ всѣхъ спальныхъ комнатъ, такъ чтобы хоть въ теченіи одного дня не было возможности запирать ихъ. Потомъ особенно любили тушить огонь, который въ прибитомъ на стѣнѣ подсвѣчникѣ зажигался въ каждой спальнѣ. Обыкновенно жаловались на то, что при свѣчкѣ многіе не могутъ спать, хотя свѣтъ ея былъ закрытъ ширмочкою, и падалъ не на глаза студентовъ, а на потолокъ. Но тутъ дѣйствовало другое побужденіе. Начальство считало нужнымъ ночью проходить по спальнямъ, чтобы убѣдиться, всѣ ли студенты ночуютъ дома? При освѣщеніи спаленъ рѣшить этотъ вопросъ было тѣмъ легче, что на передней части каждой кровати на желѣзномъ листѣ писались фамилія и нумеръ студента. Дѣлать было нечего. Начальство завело дежурство изъ служителей, и дежурный въ теченіе всей ночи поддерживалъ свѣтъ между будущими магистрами и кандидатами богословія. Слишкомъ горячія головы могли придумать болѣе активное сопротивленіе и увлечь за собою прочихъ товарищей. Для предотвращенія подобныхъ такъ-называемыхъ бунтовъ, начальство «tacito modo» (въ молчанку) приняло благоразумную мѣру, постаралось о томъ, чтобы пища въ столовой была какъ можно удовлетворительнѣе и, какъ кажется, макіавелевски поняло натуру человѣческую. Извѣстно, что голодные преимущественно наклонны къ бунтамъ, а народъ сытый и надѣющійся, что и завтра онъ будетъ сытымъ, рѣдко склоненъ бываетъ къ революціоннымъ движеніямъ. Случалось слыхать не отъ одного изъ студентовъ разсказы въ родѣ слѣдующаго. «Иногда крайне бывало осер-

дишься на разныя строгости и готовъ, пожалуй, рѣшиться на какую-либо выходку; но придешь въ столовую, поѣшь съ аппетитомъ вкусно приготовленныя кушанья, возвратишься изъ столовой, ляжешь на диванъ, или гдѣ-нибудь присядешь и подумаешь: къ чему тутъ бунтовать? вѣдь кормятъ такъ хорошо».

Академическое начальство, отчасти понукаемое гр. Пратасовымъ и Карасевскимъ, отчасти и само пріобрѣтши вкусъ къ нововведеніямъ, продолжало дѣлать по академіи улучшенія. О нихъ оно иногда и не спрашивало митрополита Серафима, да онъ въ это время по старости и дряхлости своей не входилъ уже въ подробности, а только утверждалъ все, что̀ ни представляло академическое правленіе. Особенную же щедрость послѣднее показало при устройствѣ новой мебели для студентовъ въ два пріема, въ концѣ тридцатыхъ и началѣ сороковыхъ годовъ, истративъ чуть ли не болѣе шести, даже едва ли не восемь тысячъ рублей. Все было сдѣлано изъ ясеневаго дерева: гардеробы, книжные шкафы, письменные столы, стулья, табуреты для спаленъ, конторки, диваны, классные столы и каѳедры, даже скамьи въ столовой и пр. и пр.; все, по крайней мѣрѣ вновѣ, имѣло блестящій видъ. Тогда ужъ не стыдно было хоть кому угодно показывать академію; гр. Пратасовъ имѣлъ право сказать, что по внѣшней части онъ довелъ ее до блестящаго состоянія.

Но нашлись ярые хулители и противники этого блестящаго состоянія; что ученое монашество принадлежало къ нимъ, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Увидавши, какъ оберъ-прокуроръ становится сильнѣе и сильнѣе въ синодальныхъ дѣлахъ, какъ начинаетъ трактовать не только архимандритовъ, но даже архіереевъ, оно естественно старалось отыскивать дурную сторону во всѣхъ его распоряженіяхъ; притомъ держать студентовъ, такъ сказать, въ черномъ тѣлѣ, въ грязи, по-бурсацки, входило въ принятую ученымъ монашествомъ систему воспитанія по духовно-учебнымъ заведеніямъ. Но странно, что къ хору порицателей новыхъ порядковъ въ академіи присоединились нѣкоторые іереи и протоіереи петербургскіе. Они свои квартиры и тогда любили отдѣлывать по-генеральски, конечно, можетъ быть, и на церковный счетъ; заказывали иногда мебель для себя не простымъ православнымъ нашимъ мебельщикамъ, а Туру и Гамбсу. Они же, пока обучались въ академіи или семинаріи, и даже послѣ того, когда шла рѣчь о преобладаніи монашества надъ бѣлымъ духовенствомъ, бранили бывшихъ своихъ начальниковъ за то, что тѣ содержали ихъ въ былое время какъ какихъ-либо нищихъ. Теперь эти же самые люди, конечно, не всѣ, а очень

многіе, стали съ сарказмомъ и съ негодованіемъ отзываться о новомъ устройствѣ студенческой жизни въ академіи и обвинять за то не оберъ-прокурора, который всѣмъ орудовалъ, а бѣднаго ректора, который цѣлый годъ имѣлъ смѣлость не слушаться грознаго оберъ-прокурора и покорился ему, когда насильственная смерть двухъ студентовъ угрожала ему самому отставкою. Особенно достойная сожалѣнія сцена происходила послѣ публичнаго экзамена, кажется, въ 1839 или 1840 году. Митрополитъ Серафимъ отказался по своей старости ѣхать на экзаменъ и поручилъ тамъ предсѣдательство кіевскому митрополиту Филарету Амфитеатрову. Ректоръ, уже полюбившій новое устройство академіи какъ свое собственное произведеніе, захотѣлъ похвалиться имъ предъ своимъ землякомъ и покровителемъ и предложилъ ему осмотрѣть академію. Пошли густою колонною и всѣ посѣтители. Филаретъ почти-что ничего не говорилъ, посматривалъ только, такъ сказать, съ благочестивымъ сожалѣніемъ на суетную роскошь, прокравшуюся даже въ духовно-учебныя заведенія, не выражалъ открыто ни одобренія, ни негодованія, щадя, можетъ быть, своего земляка и протежѐ. Но почти вслѣдъ за нимъ шелъ петербургскій протоіерей, громко и со всею энергіей осуждавшій всѣ нововведенія; проповѣдь его возобновилась даже за обѣдомъ въ ректорскихъ комнатахъ, гдѣ хлѣбъ-соль должны бы сдѣлать всякаго привѣтливымъ къ хозяину. Жалко было смотрѣть на ректора, который не имѣлъ возможности вступить въ борьбу съ своимъ порицателемъ, но еще болѣе слѣдовало пожалѣть и о самомъ порицателѣ, который, будучи очень умнымъ человѣкомъ, являлся тутъ защитникомъ отживавшей свой вѣкъ бурсаччины.

Графъ, устроивши академію такъ, какъ ему было желательно, гораздо рѣже прежняго сталъ посѣщать ее, поручивши впрочемъ Карасевскому не ослаблять своего надзора. Но былъ въ каждомъ году періодъ времени, когда академія находилась, такъ сказать, въ напряженномъ состояніи, когда отъ начальства ея требовали соблюдать возможную осторожность, опрятность, исправность и пр. Время это заключалось между двумя важнѣйшими христіанскими праздниками: рождествомъ и воскресеніемъ І. Христа. Графу послѣ того, какъ онъ привелъ академію въ блестящее состояніе, очень бы желательно было, чтобы государь посѣтилъ ее. Если онъ получилъ благодарность и генеральство за нее, когда она еще находилась въ полу-бурсацкомъ положеніи, то чего нельзя было ожидать теперь, когда она по внѣшнему устройству не уступала многимъ даже изъ лучшихъ

петербургскихъ свѣтскихъ училищъ? Поэтому графъ ежегодно ожидалъ и другихъ убѣждалъ, что государь непремѣнно пріѣдетъ въ академію. Покойный императоръ обыкновенно осматривалъ учебныя заведенія преимущественно въ рождественскій мясоѣдъ и великій постъ. Значитъ въ это-то время и слѣдовало по пословицѣ, держать ухо востро. Далѣе почему-то графу представлялось, что пріѣзда государева въ академію всего вѣрнѣе надобно ожидать въ великій четвергъ, — въ тотъ самый день, въ который академія удостоилась высочайшаго посѣщенія въ 1838 году. Вотъ почему дѣлались приготовленія въ ней къ пріему государя въ великій постъ и особенно въ страстную недѣлю: хлопотливость тогда доходила до какого-то лихорадочнаго состоянія. Студенты получали приказы за приказами быть какъ можно болѣе исправными и осторожными; если не все начальство, то кто-нибудь непремѣнно ежедневно осматривалъ всѣ комнаты студенческія; Карасевскій пріѣзжалъ въ академію чуть ли не каждую недѣлю, а иногда даже и два раза въ недѣлю; наконецъ самъ графъ въ концѣ шестой или въ началѣ страстной недѣли лично желалъ убѣдиться въ томъ, все ли готово къ встрѣчѣ высшаго посѣтителя.

XI.

Характеристика наставниковъ, служившихъ въ Спб. духовной академіи въ ректорство Щепетева.

Занявшись тѣми преобразованіями, которыя не безъ торопливости вводилъ гр. Пратасовъ въ хозяйственной части петербургской духовной академіи, я вовсе почти ничего не успѣлъ сказать объ учебной и нравственной частяхъ, которыя должны бы составлять главную заботу начальства всякаго учебнаго заведенія. Посмотримъ теперь, насколько эти двѣ стороны академической жизни измѣнились къ лучшему или худшему въ первыя пять лѣтъ оберъ-прокурорства гр. Пратасова.

Изъ статьи: «Петербургская духовная академія», напечатанной въ «Вѣстникѣ Европы» въ 1872 г., видно, что въ началѣ тридцатыхъ годовъ между наставниками ея встрѣчались посредственности даже жалкія, въ родѣ Ивановыхъ, но за то между ними же было достаточное количество дѣльныхъ людей, отъ которыхъ студентамъ можно было многимъ позаимствоваться въ научномъ и литературномъ отношеніяхъ. Но или предъ самымъ ректорствомъ Виталія Щепетева, или въ продолженіе его, академія

лишилась наибольшей части своихъ знаменитостей. Профессоры математики и физики Себржинскій и Райковскій умерли, первый лѣтомъ въ 1833 г., а послѣдній осенью 1835 г. Этимъ же путемъ выбылъ изъ академіи въ октябрѣ 1833 г. баккалавръ гражданской исторіи Соснинъ, о которомъ ничего не сказано въ вышеупомянутой статьѣ «Вѣстника Европы», хотя этотъ наставникъ принадлежалъ къ дѣятельнымъ и честнымъ труженикамъ академіи. По окончаніи академическаго курса въ 1827 г., онъ поступилъ профессоромъ въ ярославскую семинарію, оттуда въ 1830 году переведенъ баккалавромъ въ петербургскую академію безъ всякаго съ своей стороны заискиванья, единственно потому, что онъ академическому начальству былъ извѣстенъ съ отличной стороны. Въ академіи своими лекціями онъ скоро очень понравился студентамъ, только къ сожалѣнію забылъ о своемъ слабомъ здоровьѣ. Оно не отличалось крѣпостію и въ Ярославлѣ, но въ Петербургѣ мало-по-малу разстроивалось не только отъ занятій, необходимыхъ для приготовленія хорошихъ лекцій, но и отъ того, что Соснинъ любилъ заниматься литературными трудами. Въ три года своей академической службы онъ напечаталъ два сочиненія, и кромѣ того статейку историко-религіознаго содержанія, напечатанную въ «Сынѣ Отечества»; ни заглавія статьи, ни года ея появленія не припомню. Слабый самъ по себѣ и кромѣ того изнуряемый постоянными трудами организмъ не выдержалъ. Медленная чахотка свела труженика въ могилу. Смерть этого честнаго человѣка какъ нельзя лучше показываетъ, въ какомъ незавидномъ положеніи были тогда свѣтскіе академическіе наставники. Единственная прислуга Соснина, состоявшая изъ стараго отставного солдата, имѣла помѣщеніе въ кухнѣ, находившейся въ подвальномъ этажѣ, до котораго изъ квартиры Соснина въ первомъ этажѣ дома надобно было пробираться разными сѣнями, корридорами и лѣстницами. Не смотря на то, что всѣ убѣждены были въ близкой кончинѣ Соснина, никто не позаботился о томъ, чтобы съ нимъ кто-нибудь ночевалъ. 12 октября 1833 года служитель спокойно отправился въ свою кухню, запершн вхожую дверь квартиры барина. Поутру 13 числа онъ является къ барину, спрашиваетъ его приказаній, но не получая никакого отвѣта, подходитъ къ нему и находитъ окоченѣлый трупъ съ открытыми ртомъ и глазами. Не излишнимъ нахожу цитовать здѣсь замѣтку о смерти этого труженика, напечатанную въ анонимномъ сочиненіи о духовныхъ училищахъ, которое издано въ Лейпцигѣ 1863 г. «Каково было покойнику умирать въ полномъ сознаніи, какъ это бываетъ съ чахоточными, одному

въ темной комнатѣ? Можетъ быть, ему хотѣлось сколько-нибудь выпить воды, но рука его не протягивалась къ стакану; можетъ быть, ему хотѣлось посидѣть, повернуться на другой бокъ, но силъ недоставало для этого. Бѣдный труженикъ! Что ты въ это время думалъ, чтó перечувствовалъ? Благословлялъ ли ты судьбу, что она дала тебѣ возможность быть наставникомъ въ академіи?» (ч. 1, стр. 160).

Не одна смерть отнимала лучшихъ наставниковъ у академіи; роковыя обстоятельства удаляли тѣхъ изъ нихъ, которые долго еще послѣ своей отставки жили. «Человѣкъ честный, благородный, безупречный въ своемъ поведеніи, съ твердою волею, съ стоическимъ характеромъ, безъ надменности и высокомѣрія, неспособный къ лести и низкопоклонству, врагъ ханжества и лицемѣрія, человѣкъ, такъ сказать, античный, съ возвышенною душою, замѣчательный ученый въ тогдашнемъ духовенствѣ» (№ 9 «В. Евр.» 1872 г., стр. 164), словомъ, протоіерей и профессоръ Герасимъ Петровичъ Павскій уволенъ отъ академической службы въ началѣ 1835 г. послѣ того, какъ долженъ былъ оставить должность законоучителя Наслѣдника русскаго престола. Такимъ образомъ изъ первокурсныхъ ветерановъ остался въ академіи только Кочетовъ. Прибавлю еще къ этому, что въ одинъ годъ съ Павскимъ профессоръ Вершинскій счелъ за лучшее свою академическую каѳедру по философіи промѣнять на мѣсто священника при нашемъ посольствѣ въ Парижѣ.

Смерть или удаленіе изъ академіи перечисленныхъ мною наставниковъ происходили по обстоятельствамъ, не зависѣвшимъ отъ ректора Виталія Щепетева; тутъ его не въ чемъ обвинять; напр. онъ относился съ глубокимъ уваженіемъ къ Павскому и продолжалъ съ нимъ знакомство и послѣ его отставки, хотя такое уваженіе и знакомство было не безопасно для него, потому что его протекторъ, всемогущій въ то время митрополитъ Филаретъ Дроздовъ, былъ главнѣйшимъ виновникомъ паденія Павскаго. Съ другой стороны Щепетевъ по причинамъ, не дѣлающимъ ему чести, едва ли единственно не изъ желанія выслужиться предъ своимъ грознымъ патрономъ, выжилъ изъ академіи одного изъ лучшихъ и полезнѣйшихъ наставниковъ, а другого, такъ сказать, добилъ окончательно. Въ сентябрьской книгѣ «Вѣстника Европы» 1872 года сказано, что Делекторскій, баккалавръ общей словесности, былъ удаленъ изъ академіи. Къ этому удаленію не было никакихъ поводовъ. Болѣе усерднаго, исправнаго, дѣльнаго и опытнаго по своему предмету наставника, чѣмъ Делекторскій, трудно было найти. Но у него было одно величайшее

преступленіе: *онъ осмѣливался* основательно доказывать студентамъ, что слогъ проповѣдей Филарета Дроздова не только не заслуживаетъ подражанія, но даже отзывается семинарщиною, обилуетъ оборотами и выраженіями, не свойственными русскому языку, отличается схоластическими и риторическими пріемами и пр. За это-то непростительное преступленіе Делекторскій былъ не уволенъ по прошенію, а отставленъ отъ академической службы по представленію академическаго правленія, изъ членовъ котораго ректоръ Щепетевъ былъ единственнымъ дѣйствующимъ лицомъ, а прочіе два только подписали изготовленное безъ всякаго ихъ согласія представленіе. Но и у Щепетева недоставало смѣлости сказать, что Делекторскій увольняется за неисправность или другія какія-либо неодобрительныя качества; отставку Делекторскаго и еще двухъ наставниковъ: Сидонскаго и Предтеченскаго, онъ мотивировалъ тѣмъ, что для занятія не-наставническихъ должностей при академіи, напр. должностей эконома, секретаря, библіотекаря и пр. будто бы недостаетъ свѣтскихъ лицъ, и потому-де нужно уволить трехъ священниковъ.

Въ № 9 «Вѣстника Европы» 1872 г. (стр. 179) описано, какимъ образомъ на публичномъ экзаменѣ 1833 г. ректоръ Григоровичъ и ревизовавшій академію оберъ-священникъ Кутневичъ старались своими возраженіями оконфузить и унизить тогдашняго баккалавра философіи. Хотя фамилія баккалавра не означена въ «Вѣстникѣ Европы», но очевидно, что это былъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ Сидонскій; тогда онъ былъ еще живъ; авторъ статьи находилъ неудобнымъ поименовать его; теперь онъ умеръ, поэтому о немъ можно уже говорить, не скрывая его имени.

Ѳедоръ Ѳедоровичъ, еще будучи студентомъ академіи, былъ извѣстенъ обширными своими свѣдѣніями, неутомимою дѣятельностію и слылъ любителемъ философіи, поклонникомъ тогдашнихъ нѣмецкихъ представителей ея: Шеллинга, Гегеля, Окена, Гербарта, Круга и пр. За неимѣніемъ наставнической вакансіи по философскимъ наукамъ въ академіи, Сидонскій первоначально былъ опредѣленъ преподавателемъ англійскаго языка, но вскорѣ, по случаю смерти профессора философіи Красносельскаго, утвержденъ баккалавромъ философіи; ему поручили сначала преподавать исторію философскихъ системъ; затѣмъ, не знаю почему, этотъ предметъ сталъ читать профессоръ Вершинскій, а Сидонскій философію, и именно метафизику, нравственную философію или этику, и такъ-называемое естественное право (jus naturae). При всѣхъ своихъ обширныхъ (для студента) свѣдѣніяхъ, при всей своей любви къ философіи, при всей своей неутомимой

дѣятельности, Сидонскій, только-что кончившій курсъ въ академіи магистръ, не могъ, разумѣется, тотчасъ же сдѣлаться отличнымъ профессоромъ философіи. Для этого нужно первоначально не только ознакомиться съ прежними, по крайней мѣрѣ, болѣе другихъ замѣчательными философскими системами, съ состояніемъ едва ли не всѣхъ наукъ въ данное время, но и пріобрѣтенныя такимъ образомъ познанія привести въ систему, составить, такъ сказать, идеалъ, по которому можно было бы обсуживать системы прежнихъ мыслителей, или къ которому слѣдуетъ стремиться при составленіи своей собственной философіи, своего самостоятельнаго міровоззрѣнія. Такой подготовки у Сидонскаго тотчасъ по окончаніи академическаго курса не могло быть, и потому не удивительно, что студенты сначала не были довольны его лекціями. Но и тутъ нерѣдко онъ умѣлъ заинтересовать и даже удивлять своихъ слушателей. Пусть тѣ изъ студентовъ X-го курса академіи, которые остаются еще въ живыхъ, припомнятъ лекцію Сидонскаго о философской системѣ Эпикура. Онъ уже зналъ, что ему поручаютъ вмѣсто исторіи философскихъ системъ преподаваніе философіи и потому, кажется, ему захотѣлось показать студентамъ, чего они могли бы ожидать отъ него, еслибы его оставили на предметѣ, съ которымъ онъ уже довольно хорошо ознакомился. Философія Эпикура изложена была имъ съ такою логическою послѣдовательностію, въ такой увлекательной формѣ, съ такимъ воодушевленіемъ, что чрезъ сорокъ лѣтъ общій очеркъ и многія подробности этого изложенія и теперь живо и отчетливо припоминаются. Сдѣлавшись преподавателемъ философіи, Сидонскій, еще не успѣвшій выработать и уяснить для себя своего міровоззрѣнія, не могъ увлекать и заинтересовать студентовъ своими лекціями, но за то сообщилъ весьма многія изъ тѣхъ идей, которыя въ то время занимали нѣмецкихъ и французскихъ мыслителей; чрезъ что затрогивалъ и поддерживалъ любознательность студентовъ и пробуждалъ въ нихъ стремленіе къ философскому мышленію.

Начиная съ сентябрьской трети 1831 г., Сидонскій явился предъ новыми своими слушателями, студентами XI-го курса, довольно подготовленнымъ къ тому, чтобы читать философію по собственнымъ своимъ запискамъ. Не мѣсто здѣсь критически относиться къ содержанію этихъ записокъ. Пожалуй, даже скажу, что онѣ, какъ первый опытъ молодого человѣка, поторопившагося предложить свой взглядъ на философію, не могли не имѣть многихъ недостатковъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ прибавляю, что студенты были весьма довольны новыми лекціями, что прежніе его слуша-

тели, бывшіе тогда въ высшемъ отдѣленіи, завидовали своимъ преемникамъ и что къ недостаткамъ записокъ благоразумное и просвѣщенное начальство должно было отнестись снисходительно; первые опыты какого-бы то ни было дѣла рѣдко бываютъ образцомъ совершенства. Но грозные судіи въ родѣ Григоровича и Кутневича не замедлили своимъ приговоромъ; только все еще посовѣстились совершенно удалить Сидонскаго изъ академіи; ему поручено было преподаваніе французскаго языка.

Не скрываю того, что онъ на новой своей должности оказался не совсѣмъ состоятельнымъ; не то, чтобы онъ не зналъ французскаго языка, по крайней мѣрѣ книжнаго; отъ академическихъ наставниковъ по новымъ языкамъ не требовали тогда, чтобы они учили студентовъ разговорному языку. Но Ѳедоръ Ѳедоровичъ увлекся своею страстью къ философствованію и вмѣсто того, чтобы въ своей новой по академіи должности обучать студентовъ только французскому языку, онъ возложилъ на себя обязанность учить ихъ философіи, такъ сказать, въ отрывочномъ видѣ. Встрѣтивъ что-нибудь замѣчательное при переводѣ статей французской хрестоматіи, по которой учились студенты, онъ пускался въ философскія разсужденія. Такимъ образомъ студенты не могли ни научиться хорошо французскому языку, составлявшему для наставника второстепенный предметъ, ни познакомиться съ философіей, которая являлась къ нимъ въ отрывкахъ, большею частію не имѣвшихъ между собою никакой связи. Конечно, такимъ наставникомъ дорожить не было надобности, но Виталію Щепетеву надобно было бы смотрѣть на Сидонскаго съ другой точки зрѣнія. Положимъ, что онъ не былъ въ состояніи возстановить Сидонскаго на философскую каѳедру; Григоровичъ и Кутневичъ и другія авторитетныя лица не позволили бы этого сдѣлать; за то надлежащимъ образомъ оцѣнивая научныя качества Сидонскаго, Щепетевъ долженъ былъ бы поблюсти его для академіи съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи доставить ему возможность быть полезнымъ преподавателемъ философіи ли или другой науки. Но Щепетевъ хотѣлъ не щадить, не терпѣть, а, какъ я выразился выше, *добить* Сидонскаго, удаливъ его совсѣмъ изъ академіи. Тутъ дѣйствовало вовсе не то, что Сидонскій плохо преподавалъ французскій языкъ, преемникъ его былъ весьма посредственный наставникъ; но Сидонскій не нравился всемогущему Филарету Дроздову, какъ потому, что онъ въ глазахъ послѣдняго былъ либералъ, такъ и потому, что на своихъ лекціяхъ, подобно Делекторскому не выказывалъ благоговѣйнаго уваженія къ его всемогуществу и непогрѣшимости и хоть рѣдко, но позволялъ

себѣ дѣлать о немъ не восторженные отзывы. Отъ этого-то Сидонскій былъ потерянъ навсегда для академіи.

Ѳедоръ Ѳедоровичъ, оставшись только священникомъ Казанскаго собора, не бросилъ своихъ ученыхъ занятій, но продолжалъ ихъ едвали не съ болѣе напряженною дѣятельностію, нежели какую выказывалъ, состоя еще на учебной службѣ. Почти все, что ни выходило въ печати замѣчательнаго на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ по части исторіи, богословія, философіи, все это было имъ пріобрѣтаемо въ свою библіотеку, прочитываемо, обсужено и усвоено. Онъ былъ настоящимъ ученымъ. Рѣшился онъ также зарекомендовать себя и въ печати самостоятельнымъ трудомъ. При этомъ, можетъ быть, руководило имъ тайное желаніе убѣдить, по крайней мѣрѣ, свѣтскую публику въ томъ, что онъ могъ быть полезнымъ дѣятелемъ на философской каѳедрѣ. Вскорѣ послѣ увольненія своего изъ академіи онъ издалъ свои исправленныя и пополненныя лекціи подъ названіемъ: *Введеніе въ философію*. О возможности получить разрѣшеніе на печатаніе этой книги отъ духовной цензуры нечего было и думать; Сидонскій представилъ рукопись въ свѣтскую цензуру; дозволеніе печатать получено; книга вышла въ свѣтъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ вызвала новую бурю противъ автора. Недоброжелатели его въ высшемъ духовномъ мірѣ негодовали на него не только за изданіе книги, которую находили очень либеральною, но и за то, что авторъ ея, священникъ, осмѣлился печатать свое сочиненіе съ дозволенія не духовной, а свѣтской цензуры. Введеніе въ философію поручено было разсмотрѣть тогдашнему викарію петербургской епархіи Григоровичу, который еще въ 1833 году такъ ратовалъ противъ Сидонскаго на публичномъ экзаменѣ въ академіи. Къ искреннему сожалѣнію надобно сказать, что покойный профессоръ академіи Карповъ имѣлъ слабость не отказаться отъ участія въ этомъ походѣ на честнаго труженика и дѣятеля по философіи. Книгу прочитали, раскритиковали и критику представили, куда слѣдуетъ. Не знаю, найдена ли критика не удовлетворительною, или, какъ тогда говорили, не захотѣли имѣть столкновенія съ свѣтскою цензурою и съ тогдашнимъ министромъ просвѣщенія Уваровымъ, только критика Григоровича и Карпова не имѣла оффиціальныхъ послѣдствій. Но Сидонскій остался едва ли не навсегда подъ опалою въ духовномъ мірѣ и слишкомъ долгое время не получалъ никакихъ наградъ и повышеній. По всей вѣроятности, вся его ученая дѣятельность оказалась бы безплодною для другихъ, еслибы въ нынѣшнее уже царствованіе С.-петербургскій универ-

ситетъ не предложилъ ему у себя каѳедры по философіи. Я нарочно распрашивалъ многихъ студентовъ петербургскаго университета, слушавшихъ лекціи Сидонскаго; почти всѣ отзывались о немъ, какъ о лучшемъ своемъ профессорѣ; въ особенное ему достоинство вмѣняли то, что каждая его лекція была, такъ сказать, самостоятельною, отдѣльнымъ, но законченнымъ разсужденіемъ о томъ или другомъ философскомъ предметѣ. Но при обсужденіи учено-философской дѣятельности Сидонскаго нужно взять во вниманіе слѣдующія обстоятельства. Трудно съ увлеченіемъ заниматься науками только въ одномъ своемъ кабинетѣ; занятіе ими въ томъ преимущественно случаѣ интересно и увлекательно для занимающагося, когда ему есть возможность высказать свои идеи или въ печати, или на каѳедрѣ какого-либо учебнаго, особенно высшаго заведенія,—надѣяться, что эти идеи повліяютъ на современниковъ и, можетъ быть, перейдутъ и къ послѣдующимъ поколѣніямъ. Безъ этого условія нужна платоническая любовь къ наукѣ; нужно быть записнымъ, страстнымъ, безкорыстнымъ поклонникомъ ея; нужно владѣть, или, пожалуй, страдать ненасытимою любознательностію, чтобы заниматься только для удовлетворенія ею одной, только для себя одного. Ѳедору Ѳедоровичу въ теченіе почти всей его жизни недоставало именно этого условія, этого почти единственнаго стимула къ занятію наукою; напротивъ вся почти его жизнь такъ обусловилась, что ему наука только вредила въ житейскомъ отношеніи и ему приходилось дѣлиться своими идеями только съ своими знакомыми, да и то иногда, по пословицѣ, «пропускать слова сквозь зубы». И если послѣ всего этого Ѳедоръ Ѳедоровичъ продолжалъ все-таки заниматься наукою, если онъ при ослабленномъ своемъ здоровьѣ, въ преклонныхъ лѣтахъ могъ еще увлекать университетскую молодежь своими философски-отдѣльными лекціями, то чего бы отъ него не имѣла права надѣяться наука, когда бы онъ постоянно съ 1833 г. занималъ философскую каѳедру въ академіи или другомъ высшемъ учебномъ заведеніи, гдѣ бы неутолимая его любознательность и обширныя свѣдѣнія пробуждали энтузіазмъ въ молодомъ поколѣніи, а этотъ энтузіазмъ въ свою очередь рефлективнымъ образомъ дѣйствовалъ на профессора, усиливая въ немъ желаніе сдѣлаться еще болѣе достойнымъ представителемъ и проповѣдникомъ науки? Но... не петербургская, конечно академія,—ее всю винить нельзя, а разные Григоровичи, Кутневичи, Щепетевы надолго заставили замѣчательнаго и даровитаго поклонника науки ограничивать занятія его только для удовлетворенія личной своей любознательности.

Щепетевъ, такъ безпощадно удалившій Делекторскаго и Сидонскаго главнымъ образомъ изъ желанія угодить своему патрону, между тѣмъ продолжалъ терпѣть наставниками въ академіи такихъ лицъ, какъ Ивановъ, профессоръ церковнаго краснорѣчія, и Колоколовъ, баккалавръ греческаго языка. Объ Ивановѣ хоть и говорится въ № 9 «Вѣстника Европы» 1872 г., но не вполнѣ удовлетворительно. Трудно было найти между академическими магистрами кого-нибудь другого, кто бы такъ мало имѣлъ способности къ занятію профессорской каѳедры, притомъ по словесности въ высшемъ учебномъ заведеніи. Его вовсе нельзя было назвать глупымъ, безталантливымъ человѣкомъ. Онъ имѣлъ довольно много разнообразныхъ свѣдѣній и могъ на бумагѣ излагать свои мысли очень основательно. Если онъ въ классѣ разбиралъ сочиненія студентовъ или проповѣди церковныхъ отечественныхъ ораторовъ и если у кого-либо доставало терпѣнія выслушать его до конца, то можно было воспользоваться многими весьма дѣльными замѣчаніями. Но трудно не только найти, а даже придумать профессора, который былъ бы скучнѣе, невыносимѣе его. Не говорю объ его рукописныхъ лекціяхъ по церковному краснорѣчію; онѣ достаточно оцѣнены въ «Вѣстникѣ Европы»; прибавлю здѣсь, что онѣ становились еще скучнѣе, невыносимѣе, когда излагались профессоромъ въ классѣ изустно, «viva voce», или справедливѣе сказать «mortua voce», не живымъ, а мертвымъ, мертвящимъ языкомъ. Въ обыкновенныхъ разговорахъ Ивановъ хотя и не отличался особенною бойкостью рѣчи, но все-таки говорилъ довольно ясно, не растянуто. Но на лекціяхъ періоды, имъ произносимые, часто растягивались на нѣсколько минутъ; чуть не каждое слово отдѣлялось отъ своего сосѣда паузою чуть не за каждымъ словомъ, по пословицѣ, профессоръ какъ будто дѣйствительно «лазилъ въ карманъ»; даже одно и тоже, особенно многосложное слово раздѣлялось у него на двѣ части: напр. произнося слова: *проповѣдничество* или *котораго*, Ивановъ сначала говорилъ *проповѣд* и *кото*, потомъ, вздохнувши, добавлялъ *ничество* и *раго*. Прибавьте къ этому самую вялую, безжизненную рѣчь, не одушевляемую ни жестами, ни измѣненіями интонаціи въ голосѣ, ни выраженіемъ глазъ и пр., и тогда поймете, что́ за наказаніе было сидѣть въ классѣ часа полтора у такой муміи-профессора. Чудакъ иногда не обращалъ вниманія на звонокъ и продолжалъ свои вздыхательныя импровизаціи послѣ него. И безъ того студенты не любили у него сидѣть, и если и сидѣли, то предавались мечтамъ, или читали что-нибудь свое; а тутъ уже не выдерживали, уходили одинъ

за однимъ, такъ что Иванову грозила опасность остаться одному въ классѣ, еслибы не было въ каждомъ курсѣ людей *съ прекраснымъ поведеньемъ*, которые стали бы сидѣть и у нѣмого профессора до тѣхъ поръ, пока онъ не вышелъ бы изъ класса.

По части неспособности быть наставникомъ въ высшемъ учебномъ заведеніи, съ Ивановымъ могъ поспорить баккалавръ греческаго языка Иванъ Дмитріевичъ Колоколовъ. Онъ былъ гостепріимный, добрый, даже добрѣйшій, можно сказать, наивный человѣкъ. Замѣчались въ немъ маленькія слабости и странности, но намѣренно, злобно обижать кого-либо онъ не могъ, даже не съумѣлъ бы; на счетъ его можно было пошутить, но ненавидѣть его, какъ человѣка, нельзя. Но пусть почитатели его извинятъ меня, если я скажу, что онъ, не смотря на 23-лѣтнее преподаваніе греческаго языка въ петербургской духовной академіи, былъ все-таки очень плохой наставникъ по этому предмету въ высшемъ учебномъ заведеніи. Прежде всего скажу, что онъ сильно страдалъ заиканьемъ; для него чрезвычайно трудно было произносить слова, начинавшіяся двумя или болѣе согласными буквами, особенно когда ими начиналась рѣчь. Уже по этому одному обстоятельству ему бы не слѣдовало быть наставникомъ. Потомъ необходимость, по причинѣ косноязычія, съ усиліемъ и медленно произносить слова, какъ будто рефлективнымъ образомъ дѣйствовали въ Колоколовѣ на мозгъ, въ которомъ тоже съ большимъ напряженіемъ и съ убійственною для слушателя медленностью вырабатывались мысли и подбирались слова для выраженія ихъ. Это качество еще болѣе надоѣдало студентамъ, нежели косноязычіе.

Греческій языкъ Колоколовъ зналъ хорошо, даже очень хорошо, но вовсе не такъ, какъ прилично эллинисту, а лишь грамматически и лексикографически. Онъ только умѣлъ буквально, даже педантически-буквально переводить разныя статьи изъ греческихъ хрестоматій, но никогда не дѣлалъ оцѣнки слогу авторовъ, не сравнивалъ ихъ между собою, не читалъ ничего похожаго на греческую литературу, былъ только скучнымъ учителемъ греческаго языка. Кромѣ того чрезвычайно любилъ заниматься мелочами; надъ иною частицею, или надъ тѣмъ, которое изъ двухъ однозначущихъ словъ слѣдуетъ употребить въ переводѣ, просиживалъ и продумывалъ по нѣскольку минутъ. Напр., когда студентъ слово: hippos de перевелъ на русскій языкъ словами: *кони же*, то Колоколовъ сказалъ ему: «мнѣ кажется, что вы не такъ перевели».

— Какъ же перевести? — спросилъ студентъ; — hippos значитъ *конь*, а de — *же*.

— Нѣтъ, — возразилъ Колоколовъ, — hippos значитъ тоже *лошадь*, а de — *но* или *а*; поэтому, по моему мнѣнію, лучше перевести не: *кони же*, но: *а лошади*.

Завязался споръ; обѣ стороны нашли между студентами насмѣшниковъ-партизановъ; всѣ, кромѣ Колоколова, помирали со смѣху. Наконецъ, двое студентовъ предложили новые переводы; одинъ сказалъ, что лучше перевести *лошади же*, а другой *а кони*. Тутъ поднялся уже хохотъ; и наставникъ насилу-то понялъ, что онъ только смѣшитъ людей и по крайней мѣрѣ замолчалъ. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда Колоколовъ старался получше перевести на русскій языкъ какое-либо предложеніе, утомлялъ студентовъ тѣмъ, что и мозгъ, и языкъ его не спѣшили исполнять свои обязанности. Слушать его была невыносимая скука. Но, не смотря на всѣ свои недостатки, Колоколовъ оставался баккалавромъ греческаго языка почти 23 года при семи ректорахъ, изъ которыхъ едва ли не каждый успѣлъ удалить изъ академіи одного и даже нѣсколькихъ дѣльныхъ наставниковъ. Наконецъ, рѣшились заставить его выйти изъ академіи, впрочемъ не прямо, какъ обыкновенно поступали съ хорошими, но по чему-либо не нравящимися начальству наставниками, увольняя ихъ безъ всякой церемоніи, или приказывая имъ самимъ подать просьбу объ отставкѣ; — сочли за лучшее поставить Колоколова въ такое положеніе, чтобы онъ самъ оставилъ академію. Его сдѣлали баккалавромъ св. писанія. Здѣсь еще яснѣе, нежели на греческомъ языкѣ, оказалось, что Колоколовъ рѣшительно не способенъ быть даже хоть сколько-нибудь сноснымъ наставникомъ. Онъ не могъ ни говорить, ни составлять лекцій. Положеніе его сдѣлалось критическимъ. Не ходить въ классъ — бѣда; начальство, узнавши объ этомъ, потребуетъ объясненій, сдѣлаетъ выговоръ. Пойти въ классъ — другая бѣда. Вѣдь тамъ надобно часа полтора сидѣть и говорить что-нибудь, а ни голова, ни языкъ не хотѣли оказывать пособіе въ этомъ дѣлѣ. Придетъ бывало бѣдненькій въ академію, проберется въ коридоръ около своего класса и ходитъ тутъ, да похаживаетъ, стараясь какъ-нибудь сократить избытокъ времени. И если студенты на просторѣ принимались пошумливать уже очень громко, онъ отворялъ дверь въ классъ и упрашивалъ ихъ сидѣть потише, опасаясь, какъ бы по шуму студентовъ начальство не догадалось о его маленькой хитрости. Наконецъ-то онъ и самъ кое-

какъ понялъ, что не можетъ быть баккалавромъ и былъ уволенъ изъ академіи по прошенію.

Но Щепетевъ, не трогая Иванова и Колоколова, могъ бы обновить академію, если только учебное заведеніе обновляется, когда прежніе наставники замѣняются новыми. Въ его ректорство замѣщено, кажется, одиннадцать наставническихъ вакансій, такъ что, когда въ 1841 г. онъ самъ оставлялъ академію, то въ ней было только шесть наставниковъ, поступившихъ въ нее прежде его ректорства. При замѣщеніи вакантныхъ мѣстъ Щепетевъ руководствовался тогдашними обычаями, назначая новыхъ баккалавровъ изъ студентовъ, только-что окончившихъ академическій курсъ. Въ двухъ только случаяхъ онъ отступилъ отъ этого обычая, вызвавъ въ академію на философскую каѳедру Карпова, прослужившаго уже 8 лѣтъ въ кіевской академіи, — и Меліоранскаго, состоявшаго профессоромъ въ тверской семинаріи 3 года. Но и назначая баккалаврами только-что окончившихъ курсъ студентовъ, Щепетевъ могъ бы все-таки обновить академію, улучшить персоналъ ея наставниковъ; съ перваго раза новички, конечно, не могли бы удовлетворительно преподавать свои предметы, но если бы ихъ всегда избирали изъ даровитыхъ и лучшихъ по успѣхамъ студентовъ, то они, по крайней мѣрѣ, впослѣдствіи сдѣлались бы хорошими наставниками. Къ сожалѣнію, Щепетевъ при выборѣ новыхъ наставниковъ иногда руководствовался сторонними побужденіями; такъ, напр., въ 1835 году онъ произвелъ въ баккалавра своего земляка, предназначавшагося притомъ въ женихи дѣвицы, принадлежавшей къ родству, въ которомъ было много знакомыхъ у Щепетева. Независимо даже отъ стороннихъ побужденій, онъ иногда увлекался такъ-называемымъ прекраснымъ поведеніемъ студента, его смиреніемъ, покорностью, чуть не безгласностью; такимъ образомъ въ томъ же 1835 г. выборъ его палъ на человѣка, конечно, добраго и смирнаго, но далеко не настолько умнаго, чтобы быть сноснымъ наставникомъ академіи; для характеристики его достаточно сказать, что онъ, чрезъ нѣсколько уже лѣтъ, преподавая гражданскую исторію, былъ не въ состояніи разсказывать «viva voce» историческія событія, а вмѣсто того обыкновенно читалъ въ классѣ по тетрадямъ литографированныя лекціи, которыя Лоренцъ преподавалъ въ педагогическомъ институтѣ. Даже тѣхъ наставниковъ, отъ даровитости которыхъ академія могла бы много ожидать и которые самимъ Щепетевымъ были оставлены въ академіи именно за ихъ даровитость, и такихъ наставниковъ онъ иногда удалялъ чуть-чуть не по капри-

замъ своимъ. Напр., въ составѣ XI-го курса былъ чрезвычайно даровитый студентъ, который, сколько мнѣ помнится, занималъ первое мѣсто едва ли не по всѣмъ предметамъ, очень бойкій на словахъ, богатый разнообразными свѣдѣніями, желавшій быть полезнымъ и дѣльнымъ наставникомъ: о немъ почти тоже говорили въ петербургской академіи, что нѣкогда говорили въ кіевской объ Иннокентіи Борисовѣ; самъ Виталій Щепетевъ хвалился тѣмъ, что вотъ онъ оставилъ баккалавромъ такого студента, изъ котораго со временемъ выйдетъ отличный профессоръ. И чѣмъ же все дѣло кончилось? Новый баккалавръ на первомъ году своей службы захотѣлъ жениться и поступить священникомъ въ церковь одного изъ гвардейскихъ полковъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ искренно желалъ оставаться баккалавромъ при академіи и могъ безъ затрудненія занимать эту должность, но Щепетевъ обидѣлся тѣмъ, зачѣмъ онъ не оставался при одной академіи на скудномъ жалованьѣ и особенно зачѣмъ поступилъ въ священники, и потому уволилъ его изъ академіи.

При частой перемѣнѣ въ наставникахъ академіи, происходившей въ ректорство Щепетева, при снисхожденіи его къ такимъ господамъ, какъ Ивановъ и Колоколовъ, при нерасположеніи къ такимъ, какъ Делекторскій и Сидонскій, неудивительно, что между академическими наставниками къ концу этого ректорства было не очень много, даже, можетъ быть, очень мало дѣльныхъ людей, способныхъ увлекать и воодушевлять молодежь своими лекціями, и что они наибольшею частью или недавно начали, или только-что начинали свою педагогическую службу. Такимъ образомъ въ 1836 г., при такъ-называемомъ *нашествіи* гр. Пратасова на академію, изъ 17 академическихъ профессоровъ и баккалавровъ одинъ только начиналъ свою службу, четверо служили по одному, трое по три года, трое по пяти лѣтъ, затѣмъ изъ остальныхъ уже ветерановъ служили: одинъ 9, одинъ 11, двое, въ числѣ ихъ самъ Щепетевъ, по 15, одинъ 19 и одинъ 22 года. Взявши сумму всѣхъ этихъ годовъ и раздѣливъ на число наставниковъ, увидимъ, что среднимъ числомъ на каждаго изъ нихъ придется только по 7 лѣтъ. А если отдѣлить шестерыхъ ветерановъ, то на остальныхъ 11 человѣкъ достаются только 28 лѣтъ, съ небольшимъ по $2^1/_2$ года на каждаго. Не надобно впрочемъ забывать, что между ветеранами находился самъ Щепетевъ, Кочетовъ, Колоколовъ и Ивановъ. О всѣхъ нихъ достаточно сказано или здѣсь, или въ № 9 «Вѣст. Евр.» 1872 г. Остается намъ здѣсь поговорить о Карповѣ.

1833—1841 годы были лучшимъ, цвѣтущимъ, такъ сказать,

временемъ его учебной дѣятельности. Въ это время онъ преподавалъ философію подъ названіемъ «философіи природы» по собственнымъ своимъ запискамъ. Въ своихъ лекціяхъ онъ развивалъ ту мысль, что въ природѣ есть нѣчто особенное, которое онъ называлъ «жизнью природы». Конечно, не только нынѣ, но и въ то время система Карпова не могла выдержать серьезной критики. Онъ очень неудовлетворительно зналъ вообще всѣ науки, относящіяся къ естествознанію, даже физику; и свою теорію мірозданія строилъ, по тогдашнему обычаю, изъ идеи a priori, не очень заботясь о томъ, согласна ли она съ тѣми фактами, съ которыми ознакомило людей естествознаніе. Напр., по своей теоріи, изъ своей идеи онъ логически выводилъ заключеніе, что по мѣрѣ углубленія внутрь земного шара теплота уменьшается болѣе и болѣе. И когда студенты, слушавшіе физику, возразили, что на основаніи вполнѣ доказанныхъ явленій теплота ниже поверхности земной увеличивается и что, по мнѣнію, принятому въ то время знаменитѣйшими естествоиспытателями, не очень въ далекомъ разстояніи подъ поверхностью земли господствуетъ не холодъ, а такое тепло, отъ котораго все должно находиться въ раскаленномъ и даже въ расплавленномъ состояніи,—то Карповъ никакъ не хотѣлъ этому повѣрить, счелъ за нужное объясниться съ наставникомъ физики, на какомъ основаніи онъ осмѣливается утверждать, что внутри земного шара съ удаленіемъ отъ его поверхности не холодъ, а теплота постоянно увеличиваются. Объясненіе отличалось даже горячностью. Выслушавъ объясненіе, Карповъ все-таки не хотѣлъ вѣрить фактамъ, которые не согласовались съ его «жизнью природы», попросилъ у наставника лучшихъ тогдашнихъ иностранныхъ руководствъ въ физикѣ, метеорологіи и физической географіи и прочитавши то, что̀ его въ нихъ интересовало, все-таки не очень повѣрилъ опыту. При всемъ томъ Карповъ въ то время весьма интересовалъ студентовъ своими философскими лекціями. Онъ былъ тогда въ цвѣтущемъ возрастѣ, вѣрилъ въ непогрѣшимость своей «философіи природы», съ воодушевленіемъ, даже съ энтузіазмомъ старался передать свою вѣру студентамъ, излагалъ свои мысли въ довольно строгомъ логическомъ порядкѣ, сообщалъ много интересныхъ свѣдѣній и, главное, расшевеливалъ любознательность слушателей, заставлялъ ихъ размышлять. Въ этомъ отношеніи даже недостатокъ ясности если и не служилъ въ пользу студентовъ, то по крайней мѣрѣ многимъ изъ нихъ нравился. Напр., одинъ изъ нихъ, сравнивая Карпова съ другимъ наставникомъ академіи, говорилъ о послѣднемъ: «что это за наставникъ? у него на лек-

ціяхъ все ясно; послѣ не надъ чѣмъ подумать и поломать голову. А вотъ у Василія Николаевича (Карпова) совсѣмъ другое дѣло; не поймешь и въ классѣ, и послѣ класса думаешь, думаешь, и все-таки не поймешь,—вотъ это такъ лекціи». Повторяю, что Карповъ въ это время очень интересовалъ студентовъ своими лекціями. Правда, что онъ, можетъ быть, и не очень много сообщилъ имъ новыхъ истинъ, но несомнѣнно пробуждалъ во многихъ изъ нихъ желаніе искать истину; а это много значило въ то время.

XII.

Характеристика академическихъ наставниковъ, особенно Левисона, служившихъ при ректорѣ Доброхотовѣ.

Изъ описанія ученыхъ достоинствъ академическихъ наставниковъ при Щепетевѣ не трудно вывести заключеніе, что въ учебномъ отношеніи онъ передавалъ академію своему преемнику Доброхотову въ худшемъ положеніи, нежели въ какомъ ее принялъ отъ своихъ предшественниковъ. Павскій, Себржинскій, Райковскій, Делекторскій и пр., еще не имѣли достойныхъ преемниковъ; однимъ еще надобно было самимъ поучиться, чтобы сдѣлаться хорошими наставниками, а другіе даже неспособны были научиться чему-нибудь лучшему. А если взять во вниманіе то, что̀ выше сказано объ умственныхъ способностяхъ и научныхъ свѣдѣніяхъ самого Николая Доброхотова, то будетъ очевидно, что его личное появленіе на профессорской академической каѳедрѣ не могло улучшить замѣтнымъ образомъ составъ наставниковъ, даже ухудшило его, будучи хоть и косвенною причиною удаленія изъ академіи одного изъ лучшихъ тогдашнихъ преподавателей. Инспекторъ академіи, о которомъ я не одинъ разъ говорилъ, и Доброхотовъ кончили оба курсъ въ 1827 г., одинъ въ петербургской, а другой въ кіевской академіяхъ; но первый и по умственнымъ качествамъ, и по своимъ многостороннимъ свѣдѣніямъ, и по опытности, и по пріобрѣтенному авторитету въ академіи имѣлъ право считать себя выше послѣдняго. Онъ не выказывалъ этого, но дѣло само собою, такъ сказать, лѣзло въ глаза. И Доброхотовъ, и его патроны, и недруги инспектора, всѣ видѣли, что первому тяжело имѣть своимъ подчиненнымъ человѣка, который умнѣе, заслуженнѣе, и пользуется въ академіи гораздо большимъ авторитетомъ, нежели онъ самъ, хотя съ другой стороны нельзя не сказать, что инспекторъ, по благо-

родству своего характера, не тормозилъ, какъ говорится, дѣла, не разыгрывалъ роли молчаливаго оппозиціониста, относился, гдѣ этого требовала служба, къ ректору, какъ къ начальнику, нисколько не выказывая ни униженія, ни заискиванія, ни высокомѣрія, ни затаеннаго какого-либо неудовольствія. Самъ Доброхотовъ, при всей добротѣ и простотѣ души своей, чувствовалъ, что ему съ такимъ подчиненнымъ жить тяжеленько. Нашли мѣстечко для инспектора, хоть очень незавидное, послали его въ ректоры костромской семинаріи и такимъ образомъ сняли съ Доброхотова тяжесть имѣть подчиненнаго, который былъ достойнѣе его едва ли не во всѣхъ отношеніяхъ, но за то лишили академію едва ли не лучшаго наставника.

При опредѣленіи новыхъ наставниковъ Доброхотовъ сознательно или несознательно, намѣренно или случайно, объ этомъ говорить не стану, принесъ гораздо болѣе пользы академіи, нежели многіе изъ его предшественниковъ. При немъ въ четыре года новыхъ наставниковъ въ академію поступило около десяти человѣкъ, именно: Крупскій, Кречетовъ, Лучицкій, Лобовиковъ, Мишинъ, Долоцкій, К. Боголюбовъ, Филоѳей Успенскій и Левисонъ. Опредѣленіе двоихъ изъ нихъ не зависѣло, по крайней мѣрѣ вполнѣ, отъ Доброхотова. Изъ прочихъ семи можно не похвалить его развѣ за два выбора; въ одномъ случаѣ онъ увлекся землячествомъ, а въ другомъ, какъ говорится, не намѣренно промахнулся. Остальные пять выборовъ были очень удачны; достаточно сказать, что изъ опредѣленныхъ Доброхотовымъ наставниковъ двое, оставаясь свѣтскими лицами, занимали должности ректора и инспектора академіи,— одного (Мишина) къ сожалѣнію, отняли для занятія инспекторскаго мѣста въ петербургской семинаріи, откуда онъ слишкомъ чрезъ 15 лѣтъ, хоть и перешелъ въ академію и съ честью занималъ здѣсь профессорскую каѳедру, но скоро умеръ. Еще одинъ (Лобовиковъ) въ теченіе 6—7 лѣтъ своей службы въ званіи баккалавра патристики сдѣлался однимъ изъ самыхъ любимыхъ студентами наставниковъ, но кончилъ жизнь трагически. Еще одного безъ всякой основательной причины, единственно для очистки мѣста, которое нужно было для другого лица, заставили выйти изъ академіи; онъ доселѣ съ честью занимаетъ мѣсто законоучителя въ одномъ изъ военноучебныхъ заведеній. Кромѣ того слѣдуетъ еще упомянуть о томъ, что одного наставника, дотолѣ преподававшаго греческій языкъ, Доброхотовъ перевелъ на одинъ изъ богословскихъ предметовъ. Наставникъ этотъ очень хорошо зналъ греческій языкъ и съ большимъ успѣхомъ преподавалъ его студентамъ. Но пре-

подаваніе греческаго языка въ академіи было такъ устроено, что преподавателю его почти невозможно было имѣть большое вліяніе на умственное развитіе студентовъ; приходилось только заниматься переводомъ разныхъ статей хрестоматіи съ греческаго на русскій языкъ. Между тѣмъ наставникъ, о которомъ идетъ дѣло, принадлежалъ къ самымъ лучшимъ знатокамъ богословскихъ наукъ, сдѣлалъ себя послѣ извѣстнымъ своею весьма хорошею священною исторіей, за что и получилъ степень доктора богословія. И потому Доброхотову нельзя не сказать спасибо за то, что онъ этому многосторонне образованному наставнику, переведя его на богословскій предметъ, далъ возможность приносить студентамъ гораздо болѣе пользы, нежели какую онъ приносилъ, преподавая греческій языкъ.

При Доброхотовѣ поступилъ или, лучше сказать, втерся въ число академическихъ наставниковъ нѣкто крещеный еврей Левисонъ. Родился онъ въ Германіи, обучался, какъ пишетъ г. Чистовичъ въ своей исторіи Спб. духовной академіи (стр. 355), сперва въ іудейскомъ университетѣ въ Франкфуртѣ и потомъ въ христіанскихъ—въ Геттингенѣ и Вюрцбургѣ; по окончаніи курса выдержалъ экзаменъ въ наукахъ іудейскаго богословія и отъ общества раввиновъ въ Ленгефельдѣ объявленъ способнымъ къ званію раввина при всякой іудейской церкви, съ правомъ о предметахъ іудейской религіи произносить рѣшительный судъ; вслѣдствіе чего ему позволено называться великимъ раввиномъ и докторомъ моисеева богословія. Изъ этой аттестаціи видно, что Левисонъ по документамъ, имъ самимъ представленнымъ, не имѣлъ права быть наставникомъ даже въ среднихъ не-еврейскихъ и христіанскихъ учебныхъ заведеніяхъ; ни отъ геттингенскаго, ни отъ вюрцбургскаго университетовъ онъ не представилъ никакихъ свидѣтельствъ о своихъ тамъ успѣхахъ, даже о томъ, что онъ слушалъ тамъ лекціи; ему оставалось быть только великимъ раввиномъ въ какой-либо іудейской синагогѣ,—учителемъ въ какой-либо еврейской школѣ и рѣшать вопросы іудейскаго богословія. Но Левисону захотѣлось играть роль въ христіанскомъ мірѣ. На мѣсто профессора въ университетахъ, и даже учителя въ гимназіяхъ Германіи ему нельзя было разсчитывать, мѣстъ этихъ тамъ не получить, при помощи одного іудейскаго богословія, даже величайшій раввинъ. Обѣтованную землю онъ задумалъ найти въ Россіи. Въ Веймарѣ онъ познакомился съ Сабининымъ, священникомъ, состоявшимъ при покойной великой княгинѣ Маріи Павловнѣ, и объявилъ ему свое желаніе принять православіе, но не иначе, какъ напередъ получивши дозволеніе пере-

ѣхать въ Россію. Послѣднее оказалось вовсе не такъ легкимъ, какъ, можетъ быть, ему сначала думалось. Тогда во всей силѣ существовалъ законъ, запрещавшій допускать иностранныхъ евреевъ въ Россію, еслибы даже они приняли православіе. Левисонъ старался устранить это препятствіе, прибѣгалъ къ покровительству разныхъ русскихъ знаменитостей, пріѣзжавшихъ въ Германію, но долго не имѣлъ успѣха. Тогдашній шефъ жандармовъ, Бенкендорфъ, даже не очень вѣжливо обошелся съ нимъ. Когда Левисонъ сталъ выставлять ему пользу, которую онъ можетъ принести Россіи и доказывалъ, что для столь полезнаго будущаго дѣятеля можно сдѣлать небольшое отступленіе отъ русскихъ законовъ, то получилъ отвѣтъ въ родѣ того, что великая нужда мѣнять законы «для всякаго жида», крещенаго или не-крещенаго. Но все же Левисонъ добился того, что ему, еще не окрещенному, дозволено было пріѣхать въ Петербургъ. Здѣсь приготовленіе его къ св. крещенію поручено было тогдашнему оберъ-священнику Кутневичу, который не замедлилъ окрестить *великаго раввина* и присоединить его къ православію. Воспріемниками были: недавно скончавшійся извѣстный писатель, знаменитый, какъ тогда говорили, авторъ путешествія ко святымъ мѣстамъ А. Н. Муравьевъ и жена тогдашняго губернскаго предводителя петербургскаго дворянства, прославившая себя своимъ благочестіемъ, Т. Б. Потемкина.

Надобно было пристроить теперь новаго православнаго христіанина въ Петербургѣ поудобнѣе, повыгоднѣе для него; этому, разумѣется, помогли всѣ упомянутыя три личности, принимавшія главное участіе въ крещеніи его. Сдѣлать это имъ стоило небольшого труда. Кутневичъ былъ членомъ св. синода. Муравьевъ стоялъ тогда на верху своей духовно-литературной знаменитости, находился въ самыхъ тѣсныхъ, если не дружескихъ, то христіански-сыновнихъ отношеніяхъ къ московскому митрополиту Филарету Дроздову. Потемкина пользовалась большимъ вліяніемъ въ свѣтскомъ обществѣ, особенно въ средѣ петербургскаго дворянства, и вообще между людьми, которые или были дѣйствительно, или находили выгоднымъ показывать себя набожными; при помощи же тогдашняго, принятаго за аксіому, убѣжденія въ ея набожности имѣла громадное вліяніе и въ духовномъ мірѣ. Противъ рекомендаціи и заступничества этихъ трехъ человѣкъ не могъ устоять и Филаретъ Дроздовъ, голосъ котораго тогда еще былъ въ св. синодѣ силенъ и авторитетенъ. У гр. Пратасова, разумѣется, не было особыхъ поводовъ, а можетъ быть, и желанія не уважить ходатайства крестной матери Левисона. Кромѣ того,

присоединеніе великаго раввина къ православію и появленіе его на одной изъ академическихъ каѳедръ давали возможность написать нѣсколько краснорѣчивыхъ строкъ во всеподданнѣйшемъ годичномъ отчетѣ по вѣдомству православнаго исповѣданія. И вотъ академическое правленіе получаетъ отъ гр. Пратасова предложеніе, не найдетъ ли оно возможнымъ преподаваніе еврейскаго языка въ академіи поручить Левисону? По внѣшней своей формѣ предложеніе это не было очень настойчивымъ, не походило по своему тону на предписаніе; повидимому, можно было отвѣчать, что академія не имѣетъ нужды въ новокрещеномъ евреѣ. Но, по всей вѣроятности, ректоръ Доброхотовъ получилъ отъ высшихъ властей устныя приказанія; кромѣ того задумалъ воспользоваться даннымъ случаемъ, чтобы облегчить себя, какъ профессора. Вслѣдствіе этого изъ академическаго правленія сдѣлано было къ оберъ-прокурору св. синода представленіе о томъ, чтобы ректоръ, обремененный множествомъ занятій по управленію академіей, вмѣсто догматическаго богословія преподавалъ св. писаніе, профессоръ еврейскаго языка Ивановъ читалъ догматическое богословіе, а затѣмъ уже на классъ еврейскаго языка опредѣленъ былъ Левисонъ. Св. синодъ неблагосклонно взглянулъ на такую передвижку наставниковъ, замѣтивъ, что ректору всего приличнѣе преподавать догматическое богословіе, какъ самый важный предметъ въ академической программѣ, что по уставу духовныхъ академій для богословскихъ наукъ полагается только одинъ, а не два профессора; относительно же Левисона мнѣніе академическаго правленія принято,—его велѣно допустить къ преподаванію еврейскаго языка подъ надзоромъ Иванова, оставленнаго все-таки профессоромъ. Такимъ образомъ еврейскій языкъ, хоть на короткое время, представлялъ въ академіи небывалое дотолѣ явленіе; настоящимъ его преподавателемъ былъ Левисонъ съ жалованьемъ 429 руб., а наблюдателемъ за нимъ Ивановъ съ жалованьемъ 858 руб. Само собою разумѣется, что такое распоряженіе было не что иное, какъ молчаливое предложеніе Иванову выйти въ отставку и очистить профессорское мѣсто для бывшаго великаго раввина. Исполнилось то и другое; и великій раввинъ въ ноябрѣ 1840 г. сдѣланъ былъ ординарнымъ профессоромъ еврейскаго языка въ с.-петербургской духовной академіи, конечно, безъ титула: «великаго» и безъ права на него, но съ жалованьемъ 858 р. въ годъ за два урока въ недѣлю. Кромѣ того новому профессору, подобно другимъ неженатымъ наставникамъ, дана была въ академическомъ домѣ квартира съ отопленіемъ. При тогдашнихъ цѣнахъ на жизненные припасы и дру-

гія житейскія потребности, Левисонъ могъ бы жить безбѣдно, даже съ удобствами. Но онъ былъ и еврей, и нѣмецъ: какъ еврей сдѣлался преподавателемъ еврейскаго языка; какъ же ему, какъ нѣмцу, не получать никакого жалованья? И вотъ, при преемникѣ Доброхотова, ему поручили преподаваніе нѣмецкаго языка. И онъ самъ, и патроны его проповѣдывали, что подъ руководствомъ нѣмца-наставника студенты научатся нѣмецкому не только книжному, но и разговорному языку. Само собою разумѣется, что за новый предметъ дали Левисону и новое жалованье въ 429 р. въ годъ за два урока въ недѣлю. Приложивши эту сумму къ прежнимъ 858 р. увидимъ, что новокрещеный еврей-нѣмецъ за четыре урока въ недѣлю получалъ ежегодное жалованье въ 1287 р. при казенной квартирѣ и готовомъ отопленіи. Можно было жить!

Опредѣленіе Левисона ординарнымъ профессоромъ въ духовную академію не прошло не замѣченнымъ въ Петербургѣ. Патроны новаго профессора сулили, какъ говорится, золотыя горы отъ него. «Даже одинъ слухъ объ обращеніи великаго раввина въ православіе произведетъ-де громадное вліяніе на евреевъ въ Россіи. Что же будетъ, когда онъ, хорошенько изучивъ православіе въ духовной академіи, отправится миссіонеромъ въ наши западныя губерніи? Многочисленные тамъ евреи, разумѣется, послушавъ его, поспѣшатъ обратиться въ православіе». Бывшее незадолго до того общее присоединеніе уніатовъ къ православной церкви было еще въ свѣжей памяти; мечтали, что и съ евреями нѣчто подобное можетъ случиться. Съ другой стороны люди, хорошо понимавшіе дѣло, недовѣрчиво улыбались, слушая эти фантазіи, а иные даже очень невѣжливо выражались. Мнѣ вполнѣ извѣстенъ отзывъ, который сдѣлалъ о Левисонѣ почетный гражданинъ и знаменитый тогда фабрикантъ клеенчатыхъ издѣлій Иванъ Кузьмичъ Чурсиновъ. Онъ принадлежалъ къ единовѣрческой церкви и потому интересовался дѣлами по духовному вѣдомству. Опредѣленіе Левисона профессоромъ духовной академіи до такой степени занимало и удивляло его, что онъ нарочно пріѣхалъ къ знакомому съ нимъ одному изъ академическихъ профессоровъ.

— Правда ли,—спросилъ его Иванъ Кузьмичъ,—что къ вамъ опредѣленъ профессоромъ *жидъ*?

— А что-жъ такое, Иванъ Кузьмичъ?—отвѣчалъ профессоръ. Чему вы тутъ удивляетесь?

— Да какъ же не удивляться? *Жидъ*—профессоръ въ ду-

ховной академіи!!! Да это такая небывальщина, которой по неволѣ удивишься, да еще и не надивишься!

— Эхъ, Иванъ Кузьмичъ! Вы вѣроятно, не все знаете;—это не то, что простой жидъ, даже и не жидъ, а уже христіанинъ, притомъ православный.

— Это все равно; вѣдь все-таки онъ родился и былъ жидомъ?

— Конечно, былъ, но теперь-то онъ православный христіанинъ. Знаете ли, чего отъ него можно ожидать? Онъ примется за обращеніе въ православіе бывшихъ своихъ единовѣрцевъ, которые, разумѣется, ему повѣрятъ; вѣдь онъ у нихъ былъ великій раввинъ. Поэтому вы напрасно о немъ такъ дурно думаете.

— А сколько вамъ лѣтъ?

— Да лѣтъ 30 есть.

— Ну, а я слишкомъ вдвое старше васъ и жидовскую натуру знаю. Плохъ некрещеный жидъ, а крещеный еще хуже. Повѣрьте мнѣ, вы сами со временемъ увидите это. Вашъ жидъ принялъ православіе изъ-за мірскихъ выгодъ, и академіи отъ него пользы не будетъ.

Приговоръ почтеннаго Ивана Кузьмича былъ слишкомъ суровъ и, очевидно, не могъ быть прилагаемъ ко всѣмъ крещенымъ и некрещенымъ евреямъ; но относительно Левисона онъ если не вполнѣ, то во многихъ отношеніяхъ былъ справедливъ. Дѣйствительно, не безъ видовъ на мірскія выгоды нашъ великій раввинъ сдѣлался православнымъ христіаниномъ въ Россіи. Если онъ еще въ Германіи или собственными изслѣдованіями, или въ бесѣдахъ съ Сабининымъ убѣдился въ превосходствѣ православія надъ другими христіанскими вѣроисповѣданіями и іудействомъ, то почему бы ему не принять крещенія отъ Сабинина? Потомъ, въ то уже время, когда онъ хлопоталъ о своемъ переселеніи въ Россію, все-таки продолжалъ быть проповѣдникомъ, разумѣется, не христіанства, а іудейства въ Веймарѣ. Наконецъ, набожность, которою обыкновенно отличаются всѣ дѣйствующіе по внутреннему убѣжденію прозелиты, въ Левисонѣ была очень сомнительна. Правда, онъ, бывши академическимъ профессоромъ, любилъ ее выказывать въ церкви во время богослуженія. Такимъ образомъ при тѣхъ пѣснопѣніяхъ, когда православные набожные люди съ особымъ усердіемъ молятся, какъ, напримѣръ, при пѣніи: *Тебе поемъ* или *Отче нашъ* и пр., становился на колѣни, прикладывалъ правую руку къ сердцу, наклонялъ свою голову, шевелилъ губами и, повидимому, выражалъ глубокое молитвенное настроеніе. Но это была одна только видимость, Левисонъ этимъ только

доказывалъ не свое, такъ сказать, индивидуальное благочестіе, а то, что онъ зналъ, когда считается необходимымъ для благочестиваго человѣка выражать особенную набожность. Если же не зналъ, то о времени, въ которое нужно это выраженіе, онъ часто судилъ по тому, когда другіе люди начинали дѣлать низкіе поклоны. Подозрѣвая лицемѣріе въ бывшемъ великомъ раввинѣ, новые его сослуживцы умѣли вывести его, по пословицѣ, на свѣжую воду. Однажды, во время литургіи у Левисона съ однимъ изъ нихъ зашелъ разговоръ. Левисонъ съ горячностью занятъ былъ имъ и не обращалъ вниманія на то, что̀ совершалось въ это время въ церкви. Тогда другой сослуживецъ, стоявшій рядомъ съ разговаривавшими, сдѣлалъ очень низкій поклонъ. Левисонъ, замѣтивъ это, тотчасъ же сталъ на колѣни и принялъ благочестивую, восторженную фигуру, но къ неудовольствію своему услышалъ, что тогда—во время большого выхода—священникъ на амвонѣ обыкновеннымъ образомъ поименовывалъ членовъ царствующаго дома. Эта, конечно, неодобрительная шутка сдѣлалась извѣстною ректору академіи, который впрочемъ, зная уже Левисона, не нашелъ нужнымъ дѣлать выговоръ участникамъ въ ней, но одному изъ нихъ съ усмѣшкою сказалъ: «вы, вѣроятно, считаете Василія Андреевича инструментомъ, посредствомъ котораго можно производить опыты». Но самъ Левисонъ хоть и долго сердился на сыгравшихъ съ нимъ шутку, однако сдѣлался посдержаннѣе въ выраженіи своихъ quasi-благочестивыхъ порывовъ.

У Левисона до обращенія его въ православіе была въ виду карьера повыше академической профессуры. Его можно было назвать честолюбивымъ фантазеромъ. Онъ, какъ самъ иногда проговаривался въ порывахъ откровенности, надѣялся, что русское правительство рано ли или поздно поручитъ ему обращеніе евреевъ въ православіе и за апостольскіе подвиги при исполненіи этой обязанности сдѣлаетъ его архіереемъ обращаемыхъ и обращенныхъ имъ евреевъ. Можетъ быть, къ немалой досадѣ своей, онъ уже поздновато узналъ, что еврею, принявшему православіе, вполнѣ недоступна въ Россіи епископская каѳедра. Пришлось такимъ образомъ довольствоваться званіемъ ординарнаго профессора петербургской духовной академіи. Но и въ этомъ званіи онъ не принесъ той пользы, которой ожидать была въ правѣ академія и которую сулили патроны его.

Не скрывая вообще неудовлетворительнаго положенія академіи въ учебномъ отношеніи при ректорствѣ Доброхотова, я считаю однако необходимымъ сказать, что хотя и самъ онъ не принад-

лежалъ къ числу хорошихъ наставниковъ, хотя ради него удалили изъ академіи одного изъ лучшихъ преподавателей, хотя при немъ сдѣлался ординарнымъ профессоромъ какой-либо Левисонъ, впрочемъ все-таки онъ въ учебномъ отношеніи оставилъ академію своему преемнику въ гораздо лучшемъ положеніи, нежели въ какомъ принялъ ее отъ своего предшественника. Конечно, это отчасти произошло отъ того, что наставники, поступившіе въ академію прежде его ректорства, мало-по-малу сдѣлались поопытнѣе, поболѣе ознакомились съ своими науками. Но и самъ онъ, какъ выше сказано, выбиралъ въ наставники, за немногими исключеніями, дѣльныхъ, даровитыхъ молодыхъ людей. Главная же его заслуга состояла въ томъ, что онъ не налегалъ на наставниковъ, не стѣснялъ ихъ инквизиціонными мѣрами, не препятствовалъ имъ быть хорошими преподавателями, не требовалъ отъ нихъ благоговѣйныхъ отношеній къ своей особѣ. Въ этомъ отношеніи здравый смыслъ и доброе сердце, которыми отличался Доброхотовъ, оказали академіи гораздо болѣе пользы, нежели ученость — мнимая или дѣйствительная — нѣкоторыхъ изъ его предшественниковъ и преемниковъ.

Особенное же спасибо Доброхотовъ заслуживаетъ за то, что облегчилъ преподаваніе физики. И до него въ академіи былъ физическій кабинетъ, который нельзя было назвать вполнѣ плохимъ; напримѣръ, электрическая машина, вогнутыя зеркала, естественные магниты были положительно хороши, но другіе инструменты, даже, напримѣръ, воздушный насосъ отъ употребленія или неупотребленія поустарѣли, позаржавѣли, испортились, даже сдѣлались почти никуда негодными. При томъ кабинетъ едвали не съ перваго курса не былъ пополняемъ. Отъ этого, не смотря на 1837 г., когда началъ ректорствовать Доброхотовъ и когда уже извѣстны были открытія Эрстеда, Ампера и Фарэдея, въ академическомъ физическомъ кабинетѣ не было ни одного инструмента, относящагося къ электро-магнетизму и магнето-электричеству; даже изъ гальваническихъ приборовъ былъ только одинъ вольтовъ столбъ, да приборъ для разложенія воды при помощи такъ называвшагося гальванизма. Такая бѣдность въ инструментахъ, особенно тѣхъ, которыми объяснялись новыя открытія Эрстеда, Ампера, Фарэдея и проч., были причиною того, что профессоръ физики принужденъ былъ на свои деньги купить гальваническую батарею Волластона, амперовъ приборъ для объясненія электро-магнитныхъ явленій, магнето-электрическую клеркову машину и проч.

Опять здравый смыслъ Доброхотова внушилъ ему, что при

такомъ кабинетѣ преподаваніе физики не можетъ быть удовлетворительнымъ и потому, одобривъ составленный наставникомъ по физикѣ списокъ новыхъ инструментовъ, онъ сдѣлалъ представленіе высшему начальству о покупкѣ ихъ на академическія остаточныя суммы. Но такъ какъ на всѣ инструменты требовалось 14,000 руб. асс., то онъ наставнику велѣлъ пока поудовольствоваться половинною покупкою. Представленіе объ этомъ оставалось безъ разрѣшенія болѣе года по странному вмѣшательству Филарета Дроздова въ это дѣло. Въ числѣ инструментовъ стояло между прочимъ *духовое ружье*. Конечно, можно было и безъ него обойтись, но все-таки при помощи его очень хорошо доказывалась бы упругость сжатаго воздуха. Между тѣмъ его в—ву слово: *ружье* показалось соблазнительнымъ для духовныхъ воспитанниковъ. Не зная физики, онъ едвали не полагалъ, что духовое ружье употребляется не какъ физическій инструментъ для доказательства упругости сжатаго воздуха, а какъ какое-либо опасное смертоносное оружіе. Читая списокъ вновь покупаемыхъ инструментовъ, Дроздовъ подчеркнулъ слова: *духовое ружье* и написалъ коротенькую замѣтку въ родѣ того, что оно для духовныхъ воспитанниковъ не нужно или не прилично. Дроздовъ тогда былъ еще во всей силѣ. Карасевскій никакъ не рѣшался идти противъ всемогущаго митрополита. Онъ не смѣлъ ни предложить покупку всѣхъ внесенныхъ въ списокъ инструментовъ, между которыми стояло роковое духовое ружье, ни вычеркнуть этотъ инструментъ изъ списка, опасаясь, какъ бы опять митрополитъ чего-либо не подчеркнулъ и не приписалъ. Насилу-то, наконецъ, надумался порѣшить съ соблазнительнымъ и непригоднымъ для духовныхъ воспитанниковъ инструментомъ и вычеркнуть его изъ списка. Разрѣшеніе купить инструменты получено, но на покупку другой ихъ половины Доброхотовъ и Карасевскій уже не соглашались; она пріобрѣтена при преемникѣ Доброхотова.

Д. И. Ростиславовъ.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМІЯ

при

ГРАФѢ ПРАТАСОВѢ

1836—1855 гг.

XIII *).

Нравственный бытъ спб. духовной академіи при ректорѣ Доброхотовѣ.

Строгая дисциплина, введенная въ академіи въ первые годы оберъ-прокурорства графа Пратасова, не осталась безъ вліянія на студентовъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ нравственное поведеніе ихъ не измѣнилось, не улучшилось настолько, сколько бы надобно было желать. Дѣйствительно, трудно и почти невозможно стало имъ безъ дозволенія инспектора уходить изъ академіи; уже слишкомъ дерзко, даже глупо было бы возвратиться изъ города въ черезъ-чуръ веселомъ расположеніи духа, когда инспекторъ, въ руки котораго надобно было возвратившемуся отдавать свой билетъ, могъ догадаться о причинѣ такой веселости при помощи и зрѣнія, и слуха, и обонянія. Но и оставаясь въ академіи или по возвращеніи въ нее, можно было найти темненькое уютное мѣстечко и улучить время, гдѣ и когда даже не отчаянные гуляки, не очень удалыя головы имѣли возможность поразвесе-

---

* См. выше: августъ, 581 стр.

лить себя, позалить свое горе и скуку чѣмъ-либо *оживительнымъ*. Конечно, въ комнатахъ нельзя уже стало составлять пирушки, какъ это бывало въ блаженныя прежнія времена, но есть катакомбы, т.-е. подвальный этажъ, гдѣ живутъ служители; есть корридоры близь церкви, залы и библіотеки, куда и днемъ никто изъ начальства не заглянетъ, есть даже садъ съ своими бесѣдками, гдѣ можно вечеркомъ не только посидѣть, но и сладко побесѣдовать и оживить свою бесѣду внѣшними средствами. Конечно, инспекторъ нерѣдко ходитъ по комнатамъ; старшій почти всегда въ комнатѣ и оба вмѣстѣ могли бы многое видѣть, о многомъ, по крайней мѣрѣ, догадаться. Но инспекторъ въ иные дни вовсе не заглянетъ къ студентамъ, а если и придетъ посмотрѣть на нихъ, то не болѣе одного раза; поэтому послѣ его визита можно уже спокойно отправиться въ катакомбы и т. п.,—старшій же—свой братъ студентъ, а если и отличается усердіемъ, то ему нельзя ко всему придираться и по пословицѣ всякое лыко ставить въ строку. Отъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ и особенно отъ того, что привычки, съ которыми нѣкоторые студенты пріѣзжали изъ семинарій, не были оставляемы, при ректорѣ Доброхотовѣ бывали въ самыхъ академическихъ стѣнахъ веселыя компаніи. Одна изъ нихъ послужила поводомъ къ водворенію еще болѣе строгой дисциплины, къ усиленію инспекторскаго надзора.

Въ началѣ осени 1839 г., вскорѣ послѣ каникулъ, студентамъ старшаго возраста захотѣлось отпраздновать свой переходъ изъ низшаго въ высшее отдѣленіе. Сдѣлали складчину, запаслись жидкостями, веселящими сердце, уговорили прислугу не запирать одну изъ комнатъ для занятія, и когда начальство, равно какъ и вновь пріѣхавшіе студенты предались въ объятія Морфея, веселыя головы открыли свой незатѣйливый балъ. Особенно дурного, слишкомъ безобразнаго, какъ послѣ открылось, ничего не было; разумѣется, выпили, развеселились, вздумали попѣть пѣсни, пошумѣть, побалагурить, разыграть нѣсколько коротенькихъ, импровизированныхъ сценъ, въ которыхъ подшучивали надъ начальниками. По всей вѣроятности, все дѣло осталось бы неизвѣстнымъ начальству, если бы какой-то услужливый господинъ не прислалъ къ ректору безъименнаго письма, въ которомъ пирушка описана была какъ нѣчто въ родѣ шабаша вѣдьмъ. Авторъ письма говорилъ, что онъ будто бы случайно ѣхалъ мимо академіи, и увидѣлъ освѣщенными нѣсколько студенческихъ комнатъ, въ которыхъ такой происходилъ шумъ и гамъ, что полицейскій дозоръ, если бы только онъ проѣзжалъ

въ это время, непремѣнно бы попросился въ академію для освидѣтельствованія и прекращенія происходившихъ безпорядковъ. Кромѣ того авторъ письма выставлялъ себя человѣкомъ, который знаетъ и уважаетъ ректора, но совершенно сторонній для академіи. Это, очевидно, несправедливо; авторы безъименныхъ писемъ обыкновенно избѣгаютъ всѣхъ признаковъ, по которымъ можно было бы ихъ узнать. По всей вѣроятности, авторомъ былъ студентъ, которому хотѣлось въ глазахъ начальства выставить въ дурномъ свѣтѣ дежурнаго старшаго и старшаго комнаты, гдѣ происходила пирушка.

Слѣдовало подумать о томъ, чтобы подобныя попойки не повторялись; но академическому начальству въ этомъ случаѣ должно бы знать, что дурныя наклонности не уничтожаются насильственными средствами, особенно въ взрослыхъ людяхъ, что онѣ, конечно, похожи на наружныя болячки, но причина ихъ скрывается внутри нравственного, такъ сказать, организма, что каждую страсть, каждую дурную наклонность можно постепенно заглушить и даже совсѣмъ истребить, пробудивъ въ больномъ другую, болѣе благородную страсть, какую-либо добрую наклонность, притомъ не скучными проповѣдываніями, не трактатами о добродѣтели и порокахъ, а умѣньемъ приспособиться къ умственному или нравственному настроеніямъ, которыя едва ли хоть въ комъ-либо не имѣютъ чего-либо хорошаго. По нашему мнѣнію, въ духовныхъ академіяхъ, равно какъ и вообще въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, для нравственнаго исправленія воспитанниковъ, нужно въ нихъ пробудить и всѣми силами поддержать любознательность; нужно постараться, чтобы наставники своими лекціями пробудили научный интересъ въ своихъ слушателяхъ, чтобы послѣдніе увлекались наукою, занимались ею не для полученія хорошаго балла, а изъ желанія удовлетворить своей любознательности. Не говорю, чтобы это было единственнымъ вполнѣ и завсегда удачнымъ средствомъ въ данномъ случаѣ, но не могу не замѣтить, что чья голова занята интересующими его идеями, тому некогда устраивать пирушки, а если онъ и поучаствуетъ въ нихъ иногда, то скоро образумится,— у него есть свои болѣе возвышенные и человѣчные интересы, нежели оргіи и вакханаліи.

Въ тогдашнія времена въ академіи было много очень любознательныхъ студентовъ,—они, можно сказать, именно *жаждали* ознакомиться съ наукою, съ ея новыми идеями и открытіями: поддерживай, даже раздражай любознательность этихъ людей наставники своими лекціями, доставляй имъ начальство

лучшія книги для чтенія въ комнатахъ, значительная часть студентовъ, ихъ, такъ-сказать, интеллигенція, и не подумали бы о попойкахъ. А за ними увлекались бы и тѣ, въ которыхъ семинарщина не совсѣмъ подавила любознательность и не пробудила неодолимаго отвращенія къ наукѣ. Къ сожалѣнію, преподаваніе наукъ тогда въ академіи далеко было не въ удовлетворительномъ состояніи. Что же удивительнаго, если даже даровитый, любознательный студентъ, немного интереса находя въ лекціяхъ, встрѣчая въ нихъ то, что́ ему надоѣло и въ семинаріи, скучалъ и не находилъ средства противъ этой скуки. Прибавьте къ этому тяжелую дисциплину, иногда мелочную, придирчивую, неодобрительную даже для маленькихъ мальчиковъ, — не должна ли скука отъ неудовлетворенной любознательности усилиться скукою отъ дисциплины? Что же, повторимъ, удивительнаго, если молодой человѣкъ искалъ развлеченія въ чемъ-либо другомъ, а не въ наукѣ, которая его не занимала? Тутъ не только тотъ, кто уже въ семинаріи познакомился съ бахусовыми дарами, но даже человѣкъ, не находившій въ нихъ наслажденія, захотятъ оба отвести, какъ говорится, свою душу, забыться на время;— все-таки весело, веселѣе, нежели скучныя лекціи и тяжелая дисциплина. На все это академическіе начальники и не думали обращать вниманіе; одинъ изъ нихъ даже боялся науки, какъ чумы, и потому принятыя новыя мѣры противъ студенческихъ безпорядковъ отличались не предусмотрительностію, не знаніемъ человѣческаго сердца, а казенщиною, пожалуй, даже монашескою рутинностію.

Главное средство къ улучшенію нравственности студентовъ думали найти въ двухъ помощникахъ, данныхъ инспектору. Можетъ быть, это распоряженіе въ основаніи своемъ было хорошо. Одному инспектору дѣйствительно было трудно имѣть бдительный надзоръ за 120 молодцами, тѣмъ болѣе, что онъ состоялъ наставникомъ при академіи, монахомъ и даже архимандритомъ. Но и новая мѣра немного принесла пользы. По тогдашнему обычаю на всѣ не-наставническія должности въ академіи, напр. на должности эконома, секретаря и пр. опредѣлять только однихъ наставниковъ, помощниками инспектора сдѣлали баккалавровъ, которымъ точно такъ же, какъ и инспектору, классныя обязанности препятствовали постоянно слѣдить за студентами. Дежурный помощникъ при самомъ отличномъ усердіи проходилъ разъ или два въ день по комнатамъ, притомъ большею частію въ то время, когда студенты сидѣли въ классахъ; главнѣйшая обязанность обоихъ помощниковъ состояла въ томъ, чтобы они непре-

мѣнно присутствовали въ студенческой столовой во время обѣда и ужина. Потомъ въ духовныхъ академіяхъ, по крайней мѣрѣ въ петербургской, издавна замѣчалось, что студенты уважали одинъ умственный авторитетъ и потому даже инспекторъ въ томъ только случаѣ имѣлъ замѣтное моральное вліяніе на нихъ, если онъ былъ хорошимъ наставникомъ; въ противномъ случаѣ онъ былъ только полицейскимъ чиновникомъ, а полиція никогда не исправляла ничьей нравственности. Въ помощники же инспектору опредѣляли большею частью молодыхъ наставниковъ, не умѣвшихъ интересовать студентовъ своими лекціями; самые выборы не всегда бывали удачные; не всегда выбирали наиболѣе достойныхъ. Такимъ образомъ настоящаго нравственнаго вліянія почти ни одинъ помощникъ не имѣлъ; зная это, они свою должность исполняли только формальнымъ образомъ и рѣдко осмѣливались пройти по студенческимъ комнатамъ въ то время, когда тамъ студенты должны были заниматься. Уже послѣ, при слѣдующемъ ректорѣ, человѣка два-три на должности помощника инспектора дѣйствовали довольно самостоятельно и не безъ хорошаго вліянія на студентовъ. При Доброхотовѣ же одна горячая голова чуть-было не произвела того, что̀ у насъ привыкли называть *бунтомъ* въ учебныхъ заведеніяхъ. Голова эта, увлекаясь горячностію, не всегда соблюдала правила вѣжливости относительно студентовъ; ни съ того, ни съ сего, какъ говорится, оборветъ бывало того или другого студента изъ-за какихъ-либо пустяковъ; притомъ и научный ея авторитетъ далеко не былъ силенъ; и потому студенты, особенно старшаго курса терпѣть ее не могли. Присутствуя при обѣдѣ ихъ, кажется, въ какой-то изъ пасхальныхъ дней, горячая голова замѣтила, что одинъ изъ студентовъ не кушаетъ пирога. «А почему вы не ѣдите пирога?» —спросила она голосомъ, въ которомъ не всегда замѣчалась вѣжливость. Студентъ былъ изъ лучшихъ по успѣхамъ, гордый до щекотливости; не отвѣчая на слова, онъ только съ удивленіемъ и вмѣстѣ съ насмѣшливою улыбкою посмотрѣлъ на вопрошавшаго, давая этимъ знать всю неумѣстность вопроса. Вопрошавшій, обидѣвшись въ свою очередь и молчаніемъ, и взглядомъ вопрошаемаго, еще съ большею горячностію сказалъ: «я васъ спрашиваю, почему вы не ѣдите пирога?» —Не хочу,— отвѣчалъ неласково и не вставая студентъ. Горячая голова еще болѣе разгорячилась и стала высказывать еще большія грубости. Студенты, разумѣется, слѣдили за диспутомъ; недовольные помощникомъ инспектора и прежде, а теперь обидѣвшись неумѣстною придиркою къ лучшему студенту, они зашикали и затопали

ногами. Это проявленіе негодованія обнаружилось на другомъ концѣ столовъ вдали отъ мѣста, гдѣ происходилъ диспутъ. Горячая голова бросилась туда, чтобы усмирить и отыскать виновныхъ; тамъ все замолкло, но за то на первомъ концѣ началось шиканье и хлопанье. Не отличаясь находчивостью, сдержанностью и благоразуміемъ, горячая голова бросалась по столовой то туда, то сюда, но вездѣ, куда она подходила, все было тихо, всѣ сидѣли благочинно, даже не улыбались, а въ прочихъ мѣстахъ столовой поднимался уже, какъ говорится, содомъ. Наконецъ, видя безуспѣшность своихъ поисковъ, помощникъ инспектора призналъ себя побѣжденнымъ, убѣжалъ изъ столовой, не дождавшись конца обѣда и слышалъ, какъ побѣдители вслѣдъ ему посылали слова вовсе не лестныя для его слуха. Сначала начальство горячо взялось-было за это дѣло, но одумавшись, прекратило всѣ розыски.

Другою мѣрою къ исправленію нравственности студентовъ было строжайшее приказаніе, отданное прислугѣ и особенно старшему унтеръ-офицеру, чтобы въ 11-ть часовъ ночи студенческія комнаты для занятій непремѣнно были запираемы, а если кто-либо не захотѣлъ бы въ это время удалиться въ спальни, то непремѣнно докладывали бы инспектору. Само собою разумѣется, что эта мѣра, хорошая, какъ увидимъ ниже, въ гигіеническомъ отношеніи, не могла исправить нравственность студентовъ; она препятствовала ночью гулякамъ покутить въ комнатахъ; но если въ нихъ было желаніе повеселиться, то они находили другое мѣсто и время, гдѣ удовлетворяли своему желанію.

Если нельзя вполнѣ похвалить академическое начальство за описанныя сейчасъ два придуманныя имъ средства къ улучшенію нравственности студентовъ, то приходишь даже въ недоумѣніе о томъ, какими побужденіями руководствовалось оно, прибѣгнувъ еще къ третьему средству. Несмотря на то, что въ описываемое время пріѣзжавшіе въ академію семинаристы, развѣ за немногими исключеніями, молились въ комнатѣ вечеромъ, ложась спать, и утромъ умывшись, что этимъ, кажется, начальству можно было бы довольствоваться и индивидуальную религіозность не подчинять оффиціальной регламентаціи, — академическое начальство, воспользовавшись описанною мною ночною попойкою студентовъ, вообразило, что оно спасетъ ихъ отъ подобныхъ безпорядковъ, установивъ такъ называемыя общія молитвы и для этого заставивъ студентовъ утромъ и вечеромъ собираться въ церковь для выслушанія утреннихъ и вечернихъ молитвъ.

Ни одно изъ распоряженій начальства при гр. Пратасовѣ

не производило такого сильного неудовольствія въ студентахъ, какъ общія молитвы. Никто, конечно, не станетъ отвергать, что молитва въ томъ только случаѣ можетъ быть достойна Того, кому молятся, и удовлетворительна для того, кто молится,—когда она служитъ искреннимъ выраженіемъ сердечныхъ чувствованій, не прикрыта лицемѣріемъ и ханжествомъ, не совершается механически, по принужденію, по приказанію, изъ желанія кому-либо угодить или заслужить отъ кого-либо награду и благоволеніе. Молитва перестаетъ быть молитвою, если она обращается въ нѣчто, похожее на заданный урокъ, на необходимую церемонію. Вотъ эти-то свойства молитвы упустило изъ виду академическое начальство, вводя общія утреннія и вечернія молитвы въ академіи. До введенія ихъ, каждый студентъ утромъ и вечеромъ молился, выбирая для себя удобное время, приступалъ къ молитвѣ безъ принужденія, — молился столько, сколько позволяли другія занятія; можетъ быть, иногда забывалъ или не успѣвалъ сдѣлать это, но за то когда молился, то руководился болѣе или менѣе сильнымъ религіознымъ чувствомъ: — вѣдь его никто къ тому *не принуждалъ*. Но при общихъ молитвахъ, ударилъ звонокъ, — ступай и молись; иной только-что всталъ съ постели и не успѣлъ еще порядочно проснуться и собраться съ мыслями; другому надобно было бы минутъ 5—10, чтобы покончить свой урокъ; третій началъ-было обдумывать свою задачку, мысли стали-было развиваться, а тутъ все прерывай; четвертому надобно бы освѣжиться и дать отдыхъ утомленной головѣ; у пятаго вовсе немолитвенное расположеніе—онъ сейчасъ слышалъ забавный разсказъ и никакъ не можетъ воздержаться отъ смѣха при мысли о немъ, а мысль ни за что не хочетъ выйти изъ памяти. Но въ положенный часъ и минуту бьетъ звонокъ, двери въ жилыхъ комнатахъ отворяются, и студенты, чѣмъ бы ихъ головы ни были заняты, длинными вереницами тянутся по корридорамъ и лѣстницамъ къ церкви. Приходятъ въ нее: тутъ уже большею частью стоитъ инспекторъ или его помощникъ въ наблюдательномъ положеніи. Студенты устанавливаются довольно густыми рядами; одинъ изъ нихъ, по очереди, или по назначенію начальства, скороговоркою читаетъ одну за другою положенныя молитвы. Изъ молящихся, или по крайней мѣрѣ изъ тѣхъ, которые обязывались въ это время молиться, одинъ подперъ собою стѣну; другой плотно охватилъ себѣ грудь обѣими руками, точно какъ будто бы опасается, какъ бы изъ нея не вырвалось что-либо похожее на молитвенный вздохъ, или какъ бы правая рука не вздумала хоть механически перекреститься; третій переваливается

то на правую, то на лѣвую сторону; четвертый смотритъ на потолокъ, какъ будто ожидая оттуда себѣ вдохновенія; пятый пересчитываетъ лѣпныя украшенія на карнизѣ и пр. Разумѣется, всѣ эти молитвенники стоятъ въ такомъ мѣстѣ, куда глазъ инспектора не проникаетъ, но студенты въ заднихъ двухъ рядахъ или въ началѣ прочихъ рядовъ находятся на виду у инспектора; тутъ уже либеральничать, открыто выказывать явную холодность къ молитвѣ, опасно. Одинъ сдѣлаетъ уступку обстоятельствамъ, перекрестится, поклонится по временамъ, другой выкажетъ свое затаенное недовольство тѣмъ, что какъ бы на зло начальству старается настроить себя не на молитвенный ладъ, мечтаетъ, старается обдумывать задачку, а то посылаетъ ко всѣмъ святымъ и инспектора, и все начальство, и даже чтеца за то, что приходится стоять на молитвѣ, когда хотѣлось бы сидѣть за урокомъ. Но были и избранники, составлявшіе радость и утѣшеніе недогадливаго начальства. Утѣшители эти, занимая видныя мѣста, безпрестанно дѣлали то поясные, то земные поклоны, становились даже на колѣна. Инспекторъ видѣлъ это и въ мѣсячной вѣдомости о поведеніи студентовъ писалъ объ утѣшителѣ, что онъ *отличается особеннымъ усердіемъ къ молитвѣ*. Являлись подражатели и иногда всѣ мѣста на глазахъ инспектора заняты были ими. Студенты понимали это ханжество и лицемѣріе, смѣялись надъ нимъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ и дѣйствительно набожные люди приходили въ недоумѣніе. Начни они молиться,—и ихъ набожность, пожалуй, товарищи припишутъ желанію выказать себя предъ начальствомъ. Дѣло не останавливалось и на этомъ; большинство привыкало довольствоваться оффиціальною молитвою. Другіе понабожнѣе не удовлетворялись ею, молились въ спальняхъ или прежде, или послѣ нея, чтобы выразить свое молитвенное настроеніе не по печатной книгѣ. Большая же часть отъучалась отъ келейной молитвы. Но вотъ чтецъ оканчиваетъ свое чтеніе; студенты живо поворачиваются назадъ и густою колонною быстро выходятъ изъ церкви.

Неблагопріятныя послѣдствія отъ введенія общихъ молитвъ въ петербургской академіи не ограничивались ею одною. Она считалась тогда образцомъ для подражанія; поэтому ея порядки вводились по возможности во всѣхъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, но часто съ такими прибавленіями, которыя еще болѣе портили дѣло. Начальство академіи умѣло удержаться отъ крайностей. Какъ утренняя, такъ и вечерняя молитвы продолжались не болѣе 10-ти минутъ; молитвы читались довольно скоро, притомъ не всѣ; между ними иногда соблюдалась очередь; мелоч-

ныхъ отступленій и неисправностей инспекторы какъ будто не замѣчали. Но въ семинаріяхъ, училищахъ и даже въ другихъ академіяхъ не всегда, конечно, и не вездѣ, но очень не рѣдко усердіе начальническое проявлялось въ странныхъ поступкахъ, ничѣмъ не оправдываемыхъ. Напр., въ К—ой академіи ректоръ *анти-халатникъ* настоялъ на томъ, чтобы всѣ безъ исключенія какъ утреннія, такъ и вечернія молитвы были каждый разъ прочитываемы, притомъ безъ всякой торопливости, даже съ медленностью. По временамъ онъ любилъ убѣждаться въ точномъ исполненіи своихъ распоряженій. Для этого онъ устраивалъ надзоръ свой такъ, чтобы студенты не замѣчали его. Чтецъ, убѣжденный, что или нѣтъ никого изъ надзорщиковъ, или стоитъ человѣкъ снисходительный, старался посократить молитвы, но едва онъ только рѣшался заканчивать свое чтеніе, какъ анти-халатникъ появлялся на сцену. «Стой,—говаривалъ онъ,—ты не всѣ прочиталъ молитвы, да и читалъ скоро, начинай снова читать». Разумѣется, чтеніе начиналось и уже продолжалось полчаса и болѣе. Студенты, даже самые набожные, сильно на это негодовали, но дѣлать было нечего, приходили, стояли по предписанному. Но чтобы хоть какъ-нибудь высказать свое недовольство, они были не только невнимательны къ читаемымъ молитвамъ, но приносили съ собою тетрадки съ вокабулами какого-либо языка и тутъ ихъ заучивали. Разумѣется, молодцовъ этихъ похвалить не за что; но еще болѣе слѣдуетъ бранить начальство, которое своими неблагоразумными распоряженіями доводитъ молодежь до такихъ поступковъ.

Если описанныя нами несообразности происходили даже въ академіяхъ, то какихъ нелѣпостей нельзя было ожидать отъ училищныхъ и семинарскихъ начальствъ? Не говорю уже о томъ, что вычитываніе утреннихъ и вечернихъ молитвъ было самое полное, какъ будто боялись опустить и *іоту единую*; читали не только медленно, но даже съ разстановками, все молитвословіе продолжалось полчаса и болѣе, — не говорю объ этомъ: тутъ начальство могло прикрывать себя обязанностью исполнять то, что, повидимому, требуется печатными книгами. Но все это казалось недостаточнымъ. Замѣчая или предполагая, что нѣкоторые изъ учениковъ не являются на общую молитву, инспекторъ прежде начатія ея считалъ нужнымъ *перекликать* по списку всѣхъ учениковъ, а ихъ бывало по 100 — 150 человѣкъ. Перекличка происходила медленно; не довѣряя слуху, перекликавшій иногда вызывалъ на лицо *выкликаемаго*; надобно было подождать, пока онъ выберется изъ толпы. Иногда не было и переклички, или

она покончилась, но молитва не начиналась,—это значило, что самъ отецъ ректоръ пожалуетъ послушать ее, но сдѣлаетъ это не торопясь; пускай ученики постоятъ, да подождутъ, притомъ въ такой залѣ, которая и въ зимнее время не отапливалась. Пожаловалъ и отецъ ректоръ, но для такого торжественнаго случая молитвы читаются и поются медленнѣе обыкновеннаго. Случались особые эпизоды. Напр., при перекличкѣ не оказалось нѣсколькихъ либераловъ; ихъ велѣно отыскать, или они сами пришли, но поздненько; нельзя же оставить преступленіе ненаказаннымъ; и вотъ по окончаніи молитвы виновные подзываются, допрашиваются, одного потаскаютъ за волосы, другому дадутъ пощечину, того побранятъ поусерднѣе, а правые, ни въ чемъ невиновные ученики все-таки стой и не смѣй выходить, да, по пословицѣ, на усъ себѣ мотай, что и намъ-де тоже достанется, если вздумаемъ не явиться или опоздать на молитву. Въ низшихъ училищахъ происходили сцены еще болѣе возмутительныя. Начальство иногда находило нужнымъ примѣрно наказать какихъ-либо шалуновъ или лѣнтяевъ въ присутствіи всѣхъ, живущихъ въ училищномъ домѣ. Звонокъ къ молитвѣ пробилъ; ученики спѣшатъ въ сборную комнату; но у дверей видятъ нѣсколько человѣкъ служителей, и у одного изъ нихъ пару или болѣе отличныхъ розогъ, концы которыхъ выглядываютъ изъ-подъ фартука, а иногда самые пучки держатся наружѣ. Одни со страхомъ и трепетомъ, съ замираніемъ сердца, а другіе съ нѣкоторымъ любопытствомъ ждутъ начальства. Оно выходитъ сумрачное; иногда прежде, иногда послѣ молитвы вызываетъ виновныхъ, читаетъ имъ предварительное поученіе, а потомъ виновные отправляются на лобное мѣсто, становятся кучкою или рядышкомъ; служители одного за другимъ берутъ, кладутъ на полъ, раздѣваютъ и пр.,—слѣдуетъ, разумѣется, примѣрное наказаніе.

Какъ бы, повидимому, не понять, особенно магистрамъ и кандидатамъ богословія, что описанный мною образъ дѣйствій никуда не годится, ничѣмъ не можетъ быть одобренъ или извиняемъ. Непріятно видѣть лицемѣріе или ханжество во взрослыхъ людяхъ, но распоряжаться, хотя бы и ненамѣренно, такъ, чтобы молодые люди и даже дѣти почти невольно пріучались къ этимъ двумъ порокамъ, тяготились молитвою, дѣлались къ ней холодными,—такъ поступать есть ужасная нелѣпость. Что же удивительнаго, если какой-либо Вася или Саша, который въ отцовскомъ домѣ всегда утромъ и вечеромъ молился Богу, поступивъ въ училище и далѣе, мало-по-малу оставлялъ эту привычку? И удивляются еще, отчего изъ семинарій и академій выходило не

мало такъ называемыхъ нигилистовъ! Удивляться надобно тому, отчего ихъ было еще мало, отчего не всѣ дѣлались нигилистами.

Обратимся вновь къ гр. Пратасову и выскажемъ нѣсколько замѣчаній о нашествіяхъ его уже не на петербургскую духовную академію, но на семинарію.

XIV.

Овъ осмотрѣ двухъ духовныхъ семинарій графомъ Пратасовымъ.

Петербургская духовная академія, какъ я уже выше говорилъ, и до гр. Пратасова была лучшимъ изъ духовныхъ училищъ. И если, не смотря на то, она не могла считаться благоустроеннымъ учебнымъ заведеніемъ, если при первыхъ своихъ визитахъ ей, гр. Пратасовъ нашелъ ее въ очень неудовлетворительномъ состояніи, если замѣченные имъ тамъ безпорядки и неисправности пробудили въ немъ негодованіе; то что̀ долженъ былъ испытать гр. Пратасовъ, когда ему пришлось увидать семинаріи, гдѣ бурсацкая неопрятность чуть не считалась необходимою, существенною принадлежностью, даже чѣмъ-то похожимъ на своего рода доброе дѣло? При этомъ не излишне во вниманіе взять и другое обстоятельство. Въ петербургской духовной академіи, какъ я уже сказалъ, ректоромъ и инспекторомъ были люди умные, авторитетные, опытные, видавшіе свѣтъ, имѣвшіе много случаевъ сближаться съ свѣтскими знаменитостями, даже успѣвшіе пріобрѣсти уваженіе къ себѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Между тѣмъ съ другой стороны многіе изъ тогдашнихъ начальниковъ семинаріи, если и не могли называться вполнѣ бездарными, то, можетъ быть, даже сами предъ своею совѣстью не осмѣлились бы счесть себя талантливыми; гордые предъ своими подчиненными, они слишкомъ привыкли принижаться и робѣть предъ всякою знаменитостью, и особенно предъ всякимъ человѣкомъ, во власти которого находилась ихъ судьба. Къ большему ихъ несчастію разсказы о визитахъ гр. Пратасова петербургской духовной академіи достигали къ нимъ, особенно въ отдаленныя отъ Петербурга мѣста, въ преувеличенномъ видѣ. И если начальство петербургской академіи не въ состояніи было съ успѣхомъ отражать *нашествія* гр. Пратасова, если и оно вынуждено было покориться ему, переносить его строгіе, жестокіе выговоры, если отъ этого и оно иногда приходило въ немалое замѣшательство; то какія ощущенія, или, лучше, моральныя потрясенія

должны были испытать несчастные начальники семинарій, когда къ нимъ являлся грозный оберъ-прокуроръ, сурово и не безъ запальчивости дѣлалъ выговоры за найденныя имъ многочисленныя неисправности! Разумѣется, они, какъ говорится, растеривались, не могли отвѣчать на самые обыкновенные вопросы или давали на нихъ неудачные отвѣты, не умѣли сдѣлать нужныя распоряженія, или распоряжались совершенно не такъ, какъ бы слѣдовало. При такомъ моральномъ положеніи начальниковъ, недостатки и неисправности, существовавшіе въ управляемыхъ ими семинаріяхъ, не только не прикрывались хоть сколько-нибудь, но еще рельефнѣе выказывались.

Для примѣра я здѣсь опишу визиты, сдѣланные гр. Пратасовымъ въ двѣ семинаріи, но по обстоятельствамъ, отъ меня не зависящимъ, не нахожу пока возможнымъ наименовать ихъ.

Въ одну изъ нихъ гр. Пратасовъ пріѣхалъ, уже нѣсколько лѣтъ прослуживши оберъ-прокуроромъ св. синода,—въ то время, когда онъ, не упомню года, отправлялся за границу для излеченія отъ болѣзни. Въ губернскій городъ, гдѣ находилась семинарія, онъ прибылъ къ вечеру и желая посмотрѣть, чѣмъ и какъ кормятъ учениковъ за ужиномъ, оставилъ свой экипажъ и на извощикѣ пріѣхалъ въ семинарскій домъ. Семинаристы уже успѣли поужинать. Узнавши объ этомъ, графъ отправился въ ученическія жилыя комнаты, въ которыхъ такъ же, какъ и вездѣ въ тогдашнихъ семинаріяхъ, ученики и спали, и занимались. Семинарія принадлежала по внѣшнему своему устройству къ самымъ худшимъ семинаріямъ. Полы въ комнатахъ едва ли когда-либо были крашены, стѣны не бѣлились нѣсколько лѣтъ; постели дурныя съ измятыми подушками, черными наволочками, со смятыми одѣялами, безъ простынь; одежда на ученикахъ не однообразная, большею частію изношенная, на иныхъ чуть не нищенская, черное на ученикахъ бѣлье, проглядывавшее сквозь разодранное верхнее платье и не прикрываемое панталонами, которыя были у немногихъ; грязь на полу, неопрятность на постеляхъ, топорная мебель и пр.,—все это должно было произвести самое непріятное впечатлѣніе на графа; петербургская академія, такъ не понравившаяся ему при первыхъ его визитахъ, была въ сравненіи съ *первою* семинаріею великолѣпнѣйшимъ заведеніемъ. Но тутъ произошло еще другое обстоятельство. Ученики, возвратившись изъ столовой, занялись изобрѣтенною ими самими гимнастикою; одни пѣли,—каждый по своему камертону,—другіе шумѣли для того, чтобы дать своимъ легкимъ какое-либо занятіе, третьи упражняли свои силы въ единоборствѣ,—

словомъ, тутъ происходило то, что́ на Руси выражается поговорками: «идетъ пыль столбомъ» и «унеси всѣхъ святыхъ изъ избы». Графъ, вѣроятно, никогда не видавшій ничего похожаго на эту гимнастику, остановился въ изумленіи и не зналъ, что́ ему дѣлать. Ученики не хотѣли обратить вниманія на него; его или не замѣчали, или если кто и замѣтилъ, то счелъ за какого-то офицера, до котораго имъ нѣтъ дѣла.—Но начальническій тонъ, которымъ началъ говорить онъ съ учениками, мало-по-малу успокоилъ разыгравшихся бурсаковъ; они поняли, что это не простой офицеръ. Графу прежде всего захотѣлось узнать, изъ какихъ блюдъ состоялъ ученическій ужинъ. Съ намѣреніемъ или вслѣдствіе ажитаціи, которая въ немъ тогда происходила, онъ вопросъ свой предложилъ нѣсколькимъ ученикамъ и къ удивленію своему получилъ разнообразные отвѣты. Одинъ говорилъ, что за ужиномъ были щи и каша, другіе супъ и каша и пр. Такое разнорѣчіе произошло отъ того, что день былъ постный и подаваемая въ столовой пища не могла быть сносною даже для неприхотливаго вкуса семинаристовъ; изъ нихъ нѣкоторые не сочли нужнымъ и ходить въ столовую; отъ этого тѣмъ изъ нихъ, которыхъ спрашивалъ графъ, приходилось отвѣчать на удачу. Графу, разумѣется, это было неизвѣстно и потому не могло не показаться страннымъ, отчего ученики, только-что поужинавшіе, разнорѣчатъ относительно тѣхъ кушаньевъ, которыя сейчасъ ѣли.

Явилось наконецъ и начальство семинарское въ лицѣ ректора, инспектора и эконома; къ нимъ присоединились нѣкоторые и наставники, жившіе въ семинаріи. Графъ, котораго занимало слышанное имъ разнорѣчіе относительно ужина, спросилъ ректора: какія кушанья были нынѣ въ ученической столовой. Ректоръ, слишкомъ рѣдко посѣщавшій столовую, а въ этотъ день вовсе не заглядывавшій въ нее, сказалъ, что онъ ничего объ этомъ не знаетъ. Инспекторъ, тоже не бывшій въ столовой, на тотъ же вопросъ отвѣчалъ также, что онъ ничего не знаетъ объ этомъ, да притомъ это дѣло не его, а эконома. Вопросъ предложенъ былъ эконому съ замѣчаніемъ, что ему ужъ надобно знать, изъ чего состоялъ ужинъ,—это—его ужъ дѣло; но и онъ тоже ничего не могъ сказать. Затѣмъ графъ началъ предлагать другіе вопросы. «А сколько у васъ всѣхъ учениковъ?» спросилъ онъ ректора, прибавивъ: «это ужъ ваше дѣло»; но у ректора отъ страха совсѣмъ пропала память; у инспектора тоже не оказалось ея въ наличности. Тогда одинъ изъ свѣтскихъ наставниковъ, бывшій, кажется, вмѣстѣ и секретаремъ семинарскаго правленія, захотѣлъ выручить свое сконфуженное и сробѣвшее началь-

ство, разрѣшилъ предложенный вопросъ. «Покорно благодарю», сказалъ графъ. Потомъ онъ спросилъ ректора и инспектора о числѣ казеннокоштныхъ учениковъ и опять не получилъ никакого отвѣта. Тогда онъ обратился къ наставнику, у котораго дѣйствовали и память, и языкъ, съ словами: «ну вы не знаете ли?» — Тотъ опять далъ положительный отвѣтъ. Точно также давалось нѣсколько другихъ вопросовъ, которые послѣ нѣмотствовавшихъ ректора и инспектора разрѣшалъ секретарь—наставникъ. Подробный обзоръ семинаріи, разумѣется, не могъ порадовать и успокоить графа; ученики, конечно, уже присмирѣли, но грязь, нечистота, нищенское платье и пр. и пр. остались тѣже, даже сдѣлались яснѣе, когда ученики стали въ извѣстномъ порядкѣ; во время возни ихъ многаго можно было не замѣтить. По возвращеніи своемъ изъ-за границы графъ во время своего посѣщенія петербургской духовной академіи, остановился въ одной комнатѣ и, благодаря академическое начальство за порядокъ и чистоту, прибавилъ: «а вотъ я видѣлъ с—ую семинарію; вотъ такъ ужъ семинарія! Я зналъ, что́ такое вообще семинаріи. Но то, что̀ я встрѣтилъ въ этой семинаріи, превзошло всѣ мои ожиданія. Такой грязи, такой нечистоты, такихъ безпорядковъ, такого невѣжества я не только нигдѣ не встрѣчалъ, но и нигдѣ не предполагалъ; это ни на что не похоже».

Другую семинарію гр. Пратасовъ осматривалъ гораздо ранѣе своей поѣздки за границу. Многія подробности этого осмотра будутъ не совсѣмъ понятными, если напередъ не познакомить читателя съ тогдашнимъ положеніемъ семинаріи, а также съ тогдашнимъ ректоромъ ея. Она вмѣстѣ съ приходскимъ и уѣзднымъ духовными училищами помѣщалась во многихъ отдѣльныхъ другъ отъ друга зданіяхъ. Въ срединѣ главнаго двухъ-этажнаго корпуса, гдѣ были классы, ученическія комнаты и квартира ректора, находилось нѣсколько корридоровъ, сообщавшихся между собою разными проходами. По обѣимъ сторонамъ корридоровъ расположены были ряды комнатъ. Въ одной половинѣ послѣднихъ сторона, параллельная корридорамъ, своими окнами непосредственно сообщалась съ наружнымъ воздухомъ; комнаты эти были еще сносны, и то въ верхнемъ только этажѣ; въ нихъ по крайней мѣрѣ свѣтъ и воздухъ прямо проходили чрезъ окна. Другая же половина комнатъ выглядывала окнами въ закрытую галерею и потому какъ свѣтъ, такъ и воздухъ должны были проходить въ нихъ сначала черезъ галерею, потомъ уже черезъ окна; такимъ образомъ въ половинѣ комнатъ, преимущественно занятыхъ учениками, ощущался недостатокъ и въ свѣтѣ, и въ свѣжемъ

воздухѣ. Самые корридоры были узкіе, темные, сырые, съ сквознымъ вѣтромъ, съ разными неблаговонными запахами, съ грязью на полу; очевидное дѣло, что и чрезъ нихъ въ комнаты не могли достигать ни свѣтъ, ни свѣжій, здоровый воздухъ. Прибавьте сюда грязь, заносимую изъ корридоровъ въ комнаты, сырость, тѣсноту, неопрятность помѣщеній, нечистоплотность самихъ воспитанниковъ; и тогда повѣрите словамъ моимъ, что это были скорѣе какіе-то отвратительные казематы для арестантовъ, или ночлежные пріюты для бродягъ московскихъ, нежели жилыя и классныя комнаты для воспитанниковъ средняго учебнаго заведенія. Входившій въ этотъ вертепъ могъ отъ недостатка свѣта, по русской поговоркѣ, сломить себѣ шею, а по причинѣ разныхъ извилинъ прійти въ недоумѣніе, куда направить свой путь или какъ выбраться изъ этого лабиринта. Это была едва ли не самая безобразная изъ всѣхъ тогдашнихъ семинарій.

Въ то время ректорствовалъ въ ней одинъ архимандритъ, котораго можно назвать воплощенною аномаліей. Ему слѣдовало бы родиться женщиною, а не мужчиной; встрѣтить кого-нибудь причудливѣе, легкомысленнѣе, вѣтреннѣе, жеманнѣе, кокетливѣе его, нелегко было даже между дамами. Потомъ, явившись на божій свѣтъ въ видѣ мужчины, онъ бы долженъ былъ жениться, быть сердобольнымъ отцомъ своихъ дѣтей, услужливымъ мужемъ, дамскимъ угодникомъ,—а тутъ обстоятельства, или честолюбивые разсчеты толкнули его въ разрядъ иноковъ и сдѣлали даже начальникомъ бурсаковъ. Нельзя бывало безъ смѣха смотрѣть, какъ онъ на вечерѣ у какого-либо семейнаго человѣка, скинувъ съ себя клобукъ и рясу, въ цвѣтномъ, шелковомъ, великолѣпномъ подрясникѣ бесѣдуетъ съ дамами, комплиментируетъ ихъ, забавляетъ своими шутками, остротами. Но болѣе всего онъ любилъ окружать себя дѣтьми, особенно дѣвочками. Сядетъ, бывало, у какого-либо стола и начинаетъ играть съ ними въ карты — въ дурачки. Дѣти съ нимъ шумятъ, спорятъ, хохочутъ, даже бранятся, а онъ самъ сидитъ въ полномъ восхищеніи, не нарадуется своему положенію.

Вставалъ онъ обыкновенно не ранѣе десятаго и даже одиннадцатаго часа, хотя лекціи въ семинаріи начинались уже съ осьми часовъ. Вставши, онъ немалое время занимался своимъ туалетомъ, умывался, употребляя для этого до 5—10 разныхъ сортовъ мыла и притираній; все это дѣлалось при помощи его служителя Василія, отправлявшаго должность и камердинера, и парикмахера, и парфюмера, и даже чего-то въ родѣ дядьки. Туалетъ и чаепитіе оканчивались часу въ двѣнадцатомъ, исклю-

чая какихъ-либо экстренныхъ случаевъ, когда напр., надобно было служить обѣдню. Какъ профессоръ богословія, онъ имѣлъ каждый день, кромѣ субботы, урокъ въ одиннадцатомъ и двѣнадцатомъ часахъ; но приходилъ въ классъ развѣ въ рѣдкихъ случаяхъ во второй половинѣ 12-го часа, а большею частью въ концѣ его или началѣ, даже около половины перваго. Хотя первый и второй часы назначены были на обѣдъ и отдыхъ семинаристамъ, но богословы не смѣли выходить изъ класса; прочіе семинаристы не сидѣли въ классахъ, впрочемъ, и не обѣдали. Отецъ ректоръ, пришедши поздно въ классъ, любилъ показать себя дѣятельнымъ и трудолюбивымъ профессоромъ, просиживая въ немъ не только часъ, но и полтора часа и болѣе, даже до двухъ часовъ, когда уже должны были начинаться послѣ-обѣденные классы. Наконецъ, лекція оканчивалась; ученики принимались за обѣдъ, который при такой безпорядицѣ захватывалъ часть послѣ-обѣденнаго класса тѣмъ болѣе, что всѣ ученики семинаріи и училищъ за одинъ разъ не могли обѣдать; послѣ перваго обѣда слѣдовалъ обѣдъ второй, который нерѣдко оканчивался въ концѣ третьяго часа.

Возвратившись домой, ректоръ считалъ нужнымъ немножко отдохнуть, якобы отъ утомленія на лекціи, потомъ занимался дѣлами правленія, или принималъ посѣтителей и просителей, кушалъ часу въ пятомъ, вскорѣ потомъ ложился отдыхать; проснувшись, купался въ ваннѣ или обдавалъ себя водою въ огромнѣйшемъ тазу, — и только въ десятомъ часу онъ былъ готовъ принимать кого-либо; но это рѣдко дѣлалъ, а большею частью въ концѣ десятаго, или въ началѣ одиннадцатаго часа уѣзжалъ съ своимъ Василіемъ куда-либо въ гости, откуда, разумѣется, возвращался не ранѣе второго часа. Вотъ очеркъ жизни этой, такъ сказать, *полубоярыни*. Я не говорю, чтобы всѣ дни походили одинъ на другой; случались невольныя отступленія; но это были не болѣе, какъ отступленія и исключенія; главныя же правила для большинства дней оставались неизмѣняемыми.

Доступъ къ этой полубоярынѣ мужескаго рода былъ очень затруднителенъ не отъ гордости, спѣси, высокомѣрія ея,—нѣтъ, это была душа добренькая, веселая, гостепріимная,—а потому, что головка ея находила нужнымъ подержать каждаго своего посѣтителя у себя въ залѣ не менѣе четверти часа, а иногда полчаса и даже часъ. Василій въ это время обыкновенно докладывалъ, что отецъ ректоръ или очень заняты, или одѣваются, но сейчасъ выйдутъ. Такой пріемъ ожидалъ не только какого-либо сельскаго попа или дьячка; нѣтъ, ему подвергались почет-

ные протоіереи и даже отцы архимандриты. Между тѣмъ, какъ посѣтитель ждалъ да поджидалъ, когда ему отворятся двери въ гостиную, полубоярыня занималась вовсе не дѣлами, а такъ, какими-либо пустячками. Однажды архимандритъ, землякъ и даже другъ ректора, сидя у него въ залѣ и дожидаясь его выхода, заслышалъ, что въ гостиной какъ будто кто-то ходитъ и что-то дѣлаетъ. Долгое время онъ не рѣшался изслѣдовать это, но наконецъ, бѣсъ любопытства подстрекнулъ его заглянуть сквозь замочную скважину въ гостиную; и тутъ онъ увидалъ хозяина, устанавливавшаго на столѣ двѣ зажженныя свѣчи. Поставитъ ихъ извѣстнымъ образомъ, отойдетъ отъ стола, посмотритъ, потомъ подойдетъ, сдѣлаетъ какую-либо перестановку, опять отойдетъ и посмотритъ и т. д. Гость архимандритъ не выдержалъ, захохоталъ и прямо взошелъ въ гостиную, проговоривши: «полно устанавливать свѣчи; ей Богу, стоятъ хорошо, а мнѣ уже слишкомъ надоѣло дожидаться въ залѣ». Не думайте, чтобы полубоярыня сконфузилась отъ этой неожиданной атаки; оба посмѣялись и сѣли бесѣдовать.

Одѣвался отецъ ректоръ чрезвычайно пышно. По заведенному порядку, монашествующіе, исключая епископовъ, на рясу употребляютъ матеріи только чернаго цвѣта. За-то подрясники шьются или изъ матерій всѣхъ другихъ цвѣтовъ и самыхъ разнообразныхъ рисунковъ. Нашъ ректоръ былъ въ этомъ случаѣ передовымъ человѣкомъ. Подрясники его шились изъ матерій съ такими яркими цвѣтами, съ такими затѣйливыми рисунками, что не всякая даже кокетливая дама рѣшилась бы употребить ихъ на свое платье. Комнаты его были какъ бы преисполнены благовоніями; столъ его былъ очень изысканный. Но въ гостяхъ онъ еще болѣе любилъ разыграть роль какой-то изнѣженной аристократки, которая готова упасть въ обморокъ отъ едва замѣтнаго непріятнаго запаха. Вотъ, напримѣръ, случай, за вѣрность котораго вполнѣ ручаюсь. Одинъ профессоръ семинаріи, подчиненный ректора, пригласилъ его къ себѣ на вечеръ по случаю своихъ именинъ. Въ то время стеаринъ еще былъ неизвѣстенъ: богатые люди, конечно, употребляли восковыя свѣчи, но небогатые принуждены были довольствоваться и сальными. Послѣднія были зажжены въ квартирѣ именинника. Гости сидѣли уже часа два-три и никто не ощущалъ никакой непріятности отъ сальныхъ свѣчъ, играли въ карты, шутили, были очень веселы. Часу въ десятомъ пожаловалъ отецъ ректоръ, поздоровался со всѣми и былъ усаженъ на диванъ. Вскорѣ въ его физіономіи

стало обнаруживаться какое-то безпокойство, недовольство, что-то болѣзненное.

— Что съ вами, ваше высокопреподобіе? — съ участіемъ спросилъ его одинъ изъ гостей?

— Ей Богу, не знаю, — отвѣчалъ ректоръ: — пошелъ я сюда съ совершенно здоровою головою, а теперь начинаю чувствовать головокруженіе и стѣсненіе въ груди; право, не понимаю, что это такое со мною дѣлается. Мнѣ кажется здѣсь какой-то непріятный запахъ. — И началъ онъ обнюхивать этотъ запахъ. Вдругъ въ лицѣ его выразилось и неудовольствіе, и саркастическая улыбка.

— А! — сказалъ онъ хозяину,—помилуйте, что вы это дѣлаете?

— Что такое, ваше высокопреподобіе? — почтительно спросилъ хозяинъ.

— Да какъ же это вы зажгли сальныя свѣчи? Помилуйте, какъ это можно? У меня отъ нихъ голова кружится. Нѣтъ, какъ угодно, пошлите сейчасъ во мнѣ и спросите тамъ восковыхъ свѣчъ: при сальныхъ я никакъ не могу сидѣть.

И это говорилъ сынъ сельскаго причетника, воспитавшійся въ бурсѣ во второе десятилѣтіе нынѣшняго столѣтія; курная изба его отца освѣщалась лучиною, а бурса такими сальными свѣчами, отъ которыхъ дѣйствительно ужъ, пожалуй, могла кружиться голова.

При такомъ-то ректорѣ и едва ли не въ самую дурную изъ тогдашнихъ семинарій пріѣхалъ какъ начальникъ, гр. Пратасовъ. Надобно думать, что ему извѣстны были причуды ректора, особенно относительно хожденія въ классъ. Графъ пріѣхалъ въ концѣ 11-го или въ началѣ 12-го часа и однимъ изъ боковыхъ входовъ вступилъ въ темный, грязный корридоръ нижняго этажа большого корпуса. Богословы, зная, что ректоръ жалуетъ не ранѣе половины или конца 12 часа, оставались еще въ своихъ комнатахъ и отъ нечего дѣлать спорили, шумѣли и пр., такъ что посѣтителю нельзя было не услышать этого шума. Графъ входитъ въ одну изъ комнатъ и видитъ, что тутъ, по пословицѣ, всѣ заняты, кто во что гораздъ; кромѣ того, комната была накурена и какъ бы пропитана запахомъ табаку, или лучше табачища. Сначала семинаристы, не догадавшись, что это за офицерикъ къ нимъ зашелъ, не хотѣли обратить на него вниманія, тѣмъ болѣе, что и онъ, такъ сказать, будучи ошеломленъ безобразными сценами, которыя тутъ увидѣлъ, стоялъ нѣсколько времени въ изумленіи. Наконецъ, онъ заговорилъ командирскимъ

голосомъ; тутъ кое-какъ догадались, что это не простой офицерикъ. На вопросъ его, почему они не въ классѣ, отвѣчали, что ректоръ еще не скоро придетъ. Графъ приказалъ проводить себя въ богословскій классъ. Дурное впечатлѣніе, имъ полученное, еще болѣе усилилось, когда ему пришлось подниматься по грязнѣйшей лѣстницѣ. Пришедши въ классъ, онъ нашелъ тамъ человѣка три-четыре и велѣлъ вести себя къ ректору.

Чтобы понять происшедшія послѣ этого сцены, надобно описать комнаты ректора. Онѣ были одна за другою,—такъ-называемыя проходныя, и имѣли два входа, одинъ парадный въ переднюю, а другой секретный въ самую дальнюю отъ передней комнату; первый былъ далѣе отъ богословскаго класса, а второй ближе къ нему. Ректоръ, получивъ грозное извѣстіе о пріѣздѣ оберъ-прокурора, поскорѣе поспѣшилъ въ классъ. Но надобно же было случиться бѣдѣ, что когда гр. Пратасовъ чрезъ болѣе отдаленную дверь вошелъ въ переднюю квартиры ректора, этотъ, полагая, что грозный посѣтитель находится въ классѣ, для скорости поспѣшилъ туда же изъ своего кабинета чрезъ секретную дверь. Гр. Пратасовъ, узнавши отъ Василья, что ректоръ дома, пошелъ въ залу, гостиную и т. д., но нигдѣ никого не встрѣтя, возвратился въ переднюю и прежнею дорогою отправился опять въ классъ. Съ своей стороны ректоръ, услыхавши отъ учениковъ, что графъ пошелъ въ его квартиру, поспѣшилъ возвратиться въ нее чрезъ секретную дверь. И тутъ опять бѣда; ректоръ вновь разошелся съ оберъ-прокуроромъ. Этотъ, пришедши въ классъ и узнавши, что ректоръ отправился въ свою квартиру, остановился и рѣшился дожидаться его. Наконецъ, ректоръ, не найдя у себя гр. Пратасова, поспѣшилъ въ классъ и тутъ уже могъ раскланяться съ его сіятельствомъ. Нечего и говорить, что встрѣча не имѣла мирнаго характера. Выведенный изъ себя всѣмъ, что̀ онъ увидалъ въ семинаріи, а также и отыскиваніемъ ректора въ квартирѣ, графъ сказалъ ему: «Что это? мы съ вами, кажется, играемъ, въ гулючки?» и брань полилась непрерывнымъ потокомъ. Стали переходить изъ класса въ классъ и по комнатамъ, но посѣтитель не успокоивался, да по-правдѣ сказать, не отчего было успокоиться; вездѣ было темно, грязно, душно, а по мѣстамъ и отвратительно. Наконецъ, лекціи окончились; пошли въ столовую, которая находилась далеко отъ главнаго корпуса, въ нижнемъ этажѣ двухъ-этажнаго флигеля; комната сырая, плохо окрашенная, съ грязнѣйшими сѣнями. И тутъ гр. Пратасова ничто не могло порадовать, а одно обстоятельство вновь вывело его изъ себя. Въ семинаріи почти до того

самаго времени каждый ученикъ ходилъ въ столовую съ своею ложкою. Начальство, услыхавши о нашествіяхъ гр. Пратасова на петербургскую духовную академію, нашло нужнымъ купить для учениковъ казенныя ложки. Прислуга ли была виновата, не привыкши раскладывать по столамъ ложки, или одинъ господинъ, доискивавшійся экономской должности въ семинаріи, нарочно не велѣлъ положить ложки на столы, только когда, по окончаніи молитвы, ученики усѣлись, ѣсть имъ было нечѣмъ. Гр. Пратасовъ, разумѣется, скоро замѣтилъ это; и такая оплошность показалась ему доказательствомъ полнѣйшаго безпорядка въ семинаріи. Наконецъ, одежда учениковъ еще менѣе могла понравиться. Въ семинарскихъ и училищныхъ зданіяхъ жили и своекоштные, и казенные воспитанники; первые одѣвались, какъ кому позволяли средства его; иные имѣли порядочную одежду, но на многихъ, особенно на училищныхъ мальчикахъ, висѣли чуть не рубища. Казенно-коштные ученики едва ли еще не болѣе своекоштныхъ выдавались безобразіемъ своей одежды. Они большею частью были настоящіе бѣдняки, а начальство слишкомъ скупилось даже и на плохую одежду.

XV.

Объ административной реформѣ по духовно-учебному вѣдомству при гр. Пратасовѣ.

На духовно-учебныя заведенія гр. Пратасовъ обнаруживалъ свое вліяніе не одними *нашествіями* на петербургскую духовную академію и на нѣсколько семинарій. При немъ и большею частью по его иниціативѣ вышло порядочное количество новыхъ узаконеній по духовному вѣдомству. Не имѣя возможности писать полную исторію оберъ-прокурорства гр. Пратасова, я здѣсь скажу о двухъ реформахъ, относящихся къ описываемому мною времени; одна изъ нихъ, хотя отчасти касается всей вообще высшей администраціи духовнаго вѣдомства, но главнымъ образомъ, если не въ существѣ дѣла, то, по крайней мѣрѣ, по внѣшности, совершенно измѣнила отношеніе духовно-учебныхъ заведеній къ высшему начальству; вторая съ одной стороны расширила, а съ другой нѣсколько съузила программу предметовъ, преподававшихся въ духовныхъ семинаріяхъ. Чтобы оцѣнить первую реформу, нужно предварительно сдѣлать нѣсколько замѣчаній о тогдашнихъ высшихъ административныхъ учрежде-

ніяхъ духовнаго вѣдомства и особенно о высшемъ управленіи духовно-учебными заведеніями.

Главнымъ и высшимъ начальникомъ синодальной канцеляріи былъ оберъ-прокуроръ св. синода, принадлежавшій по своей должности къ IV классу. За нимъ слѣдовали чиновникъ за оберъ-прокурорскимъ столомъ, чиновникъ по особымъ порученіямъ и два оберъ-секретаря, которымъ подчинялось по нѣскольку секретарей, ихъ помощниковъ и канцелярскихъ служителей.

Другимъ высшимъ присутственнымъ мѣстомъ по духовному вѣдомству была коммиссія духовныхъ училищъ. Подъ этимъ названіемъ покойный императоръ Александръ I, желая преобразовать духовныя академіи и семинаріи, учредилъ въ 1807 г. особенное и, повидимому, временное присутственное мѣсто, котораго членами были петербургскій митрополитъ Амвросій, калужскій архіерей Ѳеофилактъ Русановъ, императорскій духовникъ Краснопѣвковъ, оберъ-священникъ Державинъ, оберъ-прокуроръ св. синода князь Голицынъ и Михаилъ Михайловичъ Сперанскій. Первоначальная обязанность коммиссіи состояла только въ томъ, чтобы написать новые уставы для духовно-учебныхъ заведеній и найти денежные способы для ихъ содержанія. По исполненіи возложеннаго на нее порученія, коммиссія духовныхъ училищъ не была закрыта; ее обратили въ центральное присутственное мѣсто, которое управляло всѣми училищными дѣлами духовнаго вѣдомства до 1839 г. Членами ея изъ духовенства были преимущественно члены и присутствующіе св. синода; исключеніе изъ этого правила составляли ректоры петербургской духовной академіи Филаретъ Дроздовъ и Григорій Постниковъ, которые, еще не присутствуя въ св. синодѣ, состояли членами коммиссіи духовныхъ училищъ. Съ другой стороны архіереи, вызывавшіеся *на чреду* для присутствія въ св. синодѣ, большею частью не присутствовали въ коммиссіи. Оберъ-прокуроръ св. синода былъ непремѣннымъ членомъ ея; за его подписью разсылались всѣ ея предписанія подчиненнымъ ей мѣстамъ и отношенія къ стороннимъ вѣдомствамъ и лицамъ. Кромѣ оберъ-прокурора бывали членами коммиссіи духовныхъ училищъ свѣтскія лица, какъ, напр., князь Мещерскій послѣ своего увольненія отъ званія синодальнаго оберъ-прокурора. Канцелярія коммиссіи подчинена была члену оберъ-прокурору, а непосредственнымъ, ближайшимъ своимъ начальникомъ имѣла правителя дѣлъ, состоявшаго, сколько помнится, по чиновничьему рангу, наравнѣ съ оберъ-секретарями св. синода, въ VI классѣ. Затѣмъ они раздѣлялись на два отдѣленія: хозяйственное и учеб-

ное, называвшіяся, впрочемъ, экспедиціями. Члены коммиссіи духовныхъ училищъ не часто собирались въ свое присутственное зало для обсужденія подлежавшихъ ихъ разсмотрѣнію дѣлъ. Отъ этихъ хлопотъ ихъ избавляли оберъ-прокуроръ и правитель дѣлъ, которые наибольшую часть журналовъ приказывали составлять по собственному усмотрѣнію и съ курьерами разсылали ихъ для подписи членамъ. Въ одномъ только случаѣ члены являлись въ присутствіе, именно, когда производилась мѣсячная повѣрка суммъ по приходо-расходнымъ книгамъ, и надобно сказать, этимъ не мало тяготились, особенно митрополитъ Серафимъ.

При коммиссіи духовныхъ училищъ, для повѣрки экономическихъ отчетовъ духовно-учебныхъ заведеній, былъ контролеръ. Но когда увидали, что ему съ нѣсколькими своими помощниками нѣтъ никакой возможности даже поверхностно повѣрять всѣ отчеты, которые поэтому и оставались не обревизованными едва ли не съ 1815 г., то уже въ срединѣ тридцатыхъ годовъ учреждено было контрольное отдѣленіе съ оберъ-контролеромъ, контролерами и пр. Отдѣленіе это, впрочемъ, не составляло особеннаго присутственнаго мѣста, а принадлежало къ коммиссіи духовныхъ училищъ.

Наконецъ, въ духовномъ вѣдомствѣ было присутственное мѣсто, называвшееся отдѣленіемъ православнаго исповѣданія; оно походило на канцелярію оберъ-прокурора св. синода и почти въ самомъ началѣ оберъ-прокурорства графа Пратасова получило это наименованіе; но по классамъ, къ которымъ отнесены были должности чиновниковъ его, оно никакъ не могло равняться съ канцеляріями министровъ.

Изъ моего описанія всѣхъ административныхъ высшихъ учрежденій духовнаго вѣдомства видно, что оберъ-прокурора нельзя было назвать министромъ, если брать во вниманіе классы, въ которыхъ состояли должности и его самого, и чиновниковъ, ему подчиненныхъ. Въ этомъ отношеніи онъ имѣлъ сходство съ директорами министерскихъ или съ оберъ-прокурорами сенатскихъ департаментовъ.

Описанное устройство высшей духовной администраціи могло бы существовать по прежнему, не сопровождаясь какими-либо неизбѣжными, вредными послѣдствіями. Правда, замѣчались въ немъ недостатки, но ихъ не трудно было исправить, не измѣняя характера самыхъ административныхъ учрежденій; напр., можно было настоять, чтобы члены коммиссіи духовныхъ училищъ почаще съѣзжались для обсужденія дѣлъ, а не подписывали только журналы, составлявшіеся въ канцеляріи. Болѣе, повидимому,

серьёзнымъ возраженіемъ было то обстоятельство, что при самостоятельномъ существованіи коммиссіи духовныхъ училищъ, всѣ духовно-учебныя заведенія какъ-будто бы не зависѣли отъ св. синода, между тѣмъ какъ онъ, будучи обязанъ заботиться о православіи, о всемъ вообще духовенствѣ, долженъ бы, кажется, завѣдывать училищами, въ которыхъ воспитываются будущіе пастыри и архипастыри православной церкви. Но это возраженіе нельзя считать неопроверженнымъ. Вѣдь большинство членовъ коммиссіи духовныхъ училищъ состояло изъ членовъ св. синода. Нельзя же предполагать, чтобы они только въ синодской присутственной залѣ правильно судили о духовно-учебныхъ дѣлахъ, а въ присутственной залѣ коммиссіи духовныхъ училищъ оказывались неспособными или невнимательными къ управленію духовно-учебными заведеніями. Другое дѣло, оберъ-прокуроръ св. синода. Хотя, какъ мы уже видѣли, графъ Пратасовъ смѣло распоряжался въ петербургской духовной академіи и въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ, но не могъ же не помнить, что онъ особенныхъ правъ на такія распоряженія не имѣетъ,—что онъ въ коммиссіи духовныхъ училищъ такой же человѣкъ, какъ и прочіе,—что если онъ распоряжается въ академіи и семинаріяхъ, какъ начальникъ, такъ и прочіе члены ея могутъ такъ же поступать,—и что съ другой стороны, если этимъ членамъ не предоставлено право осматривать въ качествѣ начальниковъ духовно-учебныхъ заведеній, то и ему не слѣдовало бы присвоивать себѣ этого права. Подобныхъ недоумѣній не могло бы быть, еслибы оберъ-прокуроръ оффиціально былъ признанъ начальникомъ духовныхъ академій и семинарій. Наконецъ, нельзя не обратить вниманія и на то, что нѣкоторымъ болѣе высокимъ чиновникамъ духовнаго вѣдомства гораздо пріятнѣе было бы называться директорами, вице-директорами, нежели правителями дѣлъ, оберъ-контролерами и пр. Но какъ бы то ни было, описанное нами устройство высшей духовной, особенно же духовно-учебной администраціи значительно измѣнилось въ 1839 г. по иниціативѣ гр. Пратасова. Разныя отдѣльныя административныя учрежденія, т.-е. синодальная канцелярія, коммиссія духовныхъ училищъ и пр., независимыя другъ отъ друга, объединены и составили цѣлое, довольно похожее на министерство.

Канцелярія св. синода, такъ сказать, поднялась на степень министерскаго департамента. Самъ оберъ-прокуроръ уже не былъ ближайшимъ начальникомъ ея; между нимъ и оберъ-секретарями явился управляющій синодальною канцеляріей,—такое названіе получилъ старшій изъ чиновниковъ за оберъ-прокурорскимъ сто-

ломъ; ему почему-то не нашли нужнымъ присвоить наименованіе директора, но по своимъ правамъ и по чину онъ былъ равенъ директорамъ министерскихъ департаментовъ. Коммиссія духовныхъ училищъ закрыта; дѣла, которыми она занималась, перешли въ непосредственное вѣдѣніе св. синода; канцелярія ея переименована въ духовное управленіе, во главѣ котораго стоялъ директоръ, а ему подчинялись уже не экспедиторы, а начальники отдѣленія и пр. Тутъ даже позаботились показать, что ученость ставится выше экономіи. Именно въ коммиссіи духовныхъ училищъ, первая экспедиція завѣдывала экономіей академій, семинарій и пр., а вторая—ученою и учебною ихъ частями. Въ духовно-учебномъ же управленіи первое отдѣленіе занималось учеными, а второе—экономическими духовно-училищными дѣлами. Недавно учрежденное контрольное отдѣленіе превратилось въ хозяйственное управленіе съ директоромъ во главѣ. Наконецъ, канцелярія оберъ-прокурора сдѣлалась настоящею канцеляріей министра подъ начальствомъ директора и вице-директора. Такимъ образомъ можно сказать, что высшая администрація духовнаго вѣдомства состояла изъ четырехъ отдѣльныхъ департаментовъ. Къ чести гр. Пратасова надобно замѣтить, что онъ, относительно самого себя, не погнался за титулами или новыми оффиціальными повышеніями. По прежнему онъ назывался оберъ-прокуроромъ, по прежнему, по своей должности состоялъ въ IV классѣ, значитъ, въ одномъ чинѣ съ четырьмя своими директорами. Но за то всѣ духовно-учебныя заведенія оказались въ полной почти зависимости отъ оберъ-прокурора.

Хотя, какъ сейчасъ замѣчено, высшей инстанціей по духовно-учебнымъ дѣламъ сталъ св. синодъ, но онъ не имѣлъ непосредственнаго отношенія къ духовно-учебнымъ заведеніямъ. Прежде духовныя академіи дѣлали свои представленія прямо въ коммиссію духовныхъ училищъ и отъ нея тоже прямо получали предписанія. Теперь между св. синодомъ и академіями, семинаріями и пр. явился посредникъ. Ни академіи, ни семинаріи не имѣли права непосредственно входить представленіями въ св. синодъ, а по всѣмъ своимъ дѣламъ, которыя требовали разрѣшенія высшаго начальства, представляли все оберъ-прокурору. Равнымъ образомъ, о всѣхъ своихъ резолюціяхъ, касавшихся духовно-учебныхъ заведеній, св. синодъ не самъ отъ себя посылалъ указы и предписанія въ академіи и пр.; обязанность эта или право принадлежали оберъ-прокурору. Потомъ всѣ наставники-міряне въ академіяхъ и семинаріяхъ имъ однимъ, по собственному его усмотрѣнію, могли быть опредѣляемы, увольняемы и переводимы

съ одного мѣста на другое. Наставники изъ бѣлаго и чернаго духовенства, равно какъ начальники духовно-учебныхъ заведеній опредѣлялись, увольнялись и переводились съ одного мѣста на другое св. синодомъ, но по предложенію оберъ-прокурора. Правомъ своимъ относительно свѣтскихъ наставниковъ, гр. Пратасовъ слишкомъ рѣдко пользовался; онъ и о нихъ обыкновенно, по какимъ-то побужденіямъ, дѣлалъ предложенія св. синоду. За всѣмъ тѣмъ нельзя не сказать, что съ упраздненіемъ коммиссіи духовныхъ училищъ оберъ-прокуроръ сдѣлался не только посредникомъ, но единственными какъ бы воротами, чрезъ которыя происходили сношенія между св. синодомъ и духовно-учебными заведеніями,—воротами, ключъ отъ которыхъ находился у него же, оберъ-прокурора.

При всемъ уваженіи къ пользѣ, которую гр. Пратасовъ оказалъ во время своего оберъ-прокурорства духовенству вообще и духовно-учебнымъ заведеніямъ въ частности, нельзя не сказать, что описанная сейчасъ реформа во многихъ отношеніяхъ могла считаться неудовлетворительною. Здѣсь преимущественно буду говорить о духовно-учебныхъ заведеніяхъ. Прежде всего замѣчу, что процедура производства дѣлъ безъ нужды удлиннилась. При коммиссіи духовныхъ училищъ относительно поступавшихъ въ нее бумагъ канцелярія дѣлала необходимыя справки и чрезъ экспедиторовъ докладывала присутствію. Теперь духовно-учебное и хозяйственное управленія собирали тоже необходимыя справки, составляли доклады оберъ-прокурору, отъ котораго они препровождались въ канцелярію синода, гдѣ были особые столы, которыхъ чиновники, по крайней мѣрѣ по формѣ, должны были пересматривать доклады духовно-учебнаго и хозяйственнаго управленій и уже чрезъ своихъ секретарей представлять на усмотрѣніе св. синода. Не думайте, чтобы синодскіе чиновники дѣйствительно серьёзно и самостоятельно занимались этими дѣлами; они только аккуратно вели реестры входящихъ и исходящихъ бумагъ, писали протоколы или, лучше, списывали ихъ съ докладовъ духовно-учебнаго и хозяйственнаго управленій, допуская развѣ ничтожныя измѣненія, и послѣ посылали въ оба управленія увѣдомленія о состоявшихся опредѣленіяхъ. Имъ даже приказано было, конечно, не оффиціальнымъ, а домашнимъ образомъ, спрашивать директоровъ обоихъ управленій о томъ, какимъ образомъ слѣдуетъ рѣшать тотъ или другой докладъ. Мнѣ самому не одинъ разъ случалось быть свидѣтелемъ того, какъ Карасевскій призывалъ синодскаго секретаря, приказывалъ представить докладъ св. синоду въ такомъ-то духѣ, или дѣлалъ выговоры за то, что

дѣло рѣшено не такъ, какъ имъ было приказано и пр. Такимъ образомъ безъ всякой нужды канцелярская процедура удлинялась, исписывались лишніе листы бумаги и тратились излишнія деньги на излишнихъ чиновниковъ.

Прибавка и даже излишекъ въ расходахъ замѣчались и въ другихъ отношеніяхъ. Четыремъ лицамъ, состоявшимъ въ рангѣ директоровъ, нельзя было получать такое же жалованье, какъ какимъ-либо правителямъ дѣлъ, — для нихъ требовалось жалованье *генеральское*. Сначала у одного изъ нихъ, а потомъ и у всѣхъ появились вице-директоры съ жалованьемъ если не генеральскимъ, то близкимъ къ генеральскому. Явились мало-по-малу члены присутствія духовно-учебнаго и хозяйственнаго управленій. Хотя они почти-что ничего не дѣлали, хотя имъ даже и дѣлать было нечего, но все-таки нельзя было оставлять безъ вознагражденія ихъ не существовавшій трудъ, а вознагражденіе не могло же быть маленькимъ; вѣдь все это были большею частію статскіе совѣтники. Далѣе, всѣмъ чиновникамъ и тѣмъ, которые что-нибудь дѣлали, и тѣмъ, которые, подобно членамъ присутствія, ничего почти не дѣлали, нельзя же было, кромѣ ординарнаго жалованья, не давать экстраординарныхъ денежныхъ пособій. Нужныя для этого деньги получались не изъ государственнаго казначейства, а заимствовались изъ капиталовъ, состоявшихъ въ вѣдѣніи духовнаго вѣдомства, особенно же изъ духовно-учебнаго капитала; напр., на канцелярію оберъ-прокурора съ 1848 г. изъ него ежегодно заимствовалось по 13—14 тысячъ рублей, а въ 1861 г. на синодальную канцелярію 4,339 р. 49 к., на хозяйственное управленіе 20,175 р. 83 к., на духовно-учебное управленіе 28,651 р. 56 к., на награды и пособія чиновникамъ духовно-учебнаго вѣдомства и даже духовныхъ консисторій 17,471 р. 53 к. За такое безцеремонное обращеніе съ духовными капиталами тѣмъ менѣе можно благодарить гр. Пратасова, что введенная имъ система не была оставлена и при преемникахъ его. Напр., по смерти его получили одинъ изъ директоровъ 6000, одинъ изъ вице-директоровъ 3000 р. пенсіи изъ духовно-учебныхъ капиталовъ.

Желая, вѣроятно, показать, что деньги тратятся не понапрасну, искусственно умножили число входящихъ и исходящихъ бумагъ. Въ этомъ отношеніи отличалось покойное духовно-учебное управленіе, употребляя для этого способы, въ которыхъ наияснѣйшимъ образомъ высказывалось желаніе умножить число номеровъ поступающихъ и отсылаемыхъ бумагъ. Напр., въ тогдашнее время всѣ вновь выходящія печатныя узаконенія разсылались

по всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ. Относительно духовныхъ академій и семинарій эта обязанность лежала на бывшей коммиссіи духовныхъ училищъ, а послѣ нея на духовно-учебномъ управленіи. Коммиссія обыкновенно большею частью собирала нѣсколько, даже по десятку узаконеній и цѣлою кипой отсылала ихъ въ правленія трехъ академій, которыя съ своей стороны разсылали уже въ подвѣдомственныя имъ семинаріи. Карасевскій, сдѣлавшись директоромъ духовно-учебнаго управленія, измѣнилъ эту методу, отъ которой попадало въ реестръ исходящихъ бумагъ только нѣсколько десятковъ номеровъ. Онъ приказывалъ изготовлять печатныя отношенія въ правленія семинарій и академій съ прописаніемъ, что при семъ препровождается вновь вышедшее узаконеніе; оставлялись мѣста, въ которыхъ вписывались заглавіе и узаконенія и названіе семинарій и академій, номеръ бумаги, число, мѣсяцъ и годъ отсылки. Такъ какъ каждое узаконеніе въ каждую семинарію и академію отсылалось при особомъ отношеніи, и такъ какъ число тѣхъ и другихъ сначала было немного менѣе, а послѣ болѣе 50, то каждое узаконеніе доставляло въ реестръ исходящихъ бумагъ до 50 и болѣе номеровъ. Положите ежегодное число новыхъ узаконеній только въ 60 и тогда получится 3000 номеровъ. О своевременной разсылкѣ новыхъ узаконеній не очень заботились. Ее большею частію откладывали до послѣднихъ дней или, лучше, до послѣдняго дня года. Въ эти дни число исходящихъ бумагъ было громадно. Не торопясь цѣлый годъ, къ концу его находили нужнымъ дѣйствовать поспѣшнѣе, чтобы имѣть возможность сказать въ отчетѣ: «не рѣшенныхъ дѣлъ не осталось вовсе, или осталось небольшое количество». Количество исходящихъ бумагъ къ концу года до такой степени возрастало, что въ нѣсколько дней нельзя было не только переписать, но и записать въ исходящую, перенумеровать ихъ и пр. Отъ этого 31-е декабря продолжалось иногда мѣсяца два, т.-е. отсылались изъ духовно-учебнаго управленія бумаги якобы 31-го декабря, а между тѣмъ даже въ петербургскихъ академіи и семинаріи получались не только въ январѣ и февралѣ, но даже въ мартѣ слѣдующаго года.

Нельзя же было не позаботиться о числѣ входящихъ бумагъ. Этому помогло, между прочимъ, то обстоятельство, что всѣ духовныя академіи, семинаріи и низшія училища обязали ежемѣсячно посылать донесенія о приходѣ и расходѣ ихъ суммъ. Такъ какъ экономическіе отчеты повѣрялись въ хозяйственномъ управленіи, то эти донесенія слѣдовало бы отсылать въ него же. Но ихъ, сколько помню, отсылали обыкновенно въ духовно-учебное управ-

леніе, которое уже *валовымъ образомъ* препровождало ихъ въ хозяйственное управленіе для соображеній при повѣркѣ экономическихъ отчетовъ; само же надъ повѣркою нисколько не трудилось. Число всѣхъ духовныхъ академій, семинарій и низшихъ духовныхъ училищъ доходило тогда до 250 и потому число входящихъ бумагъ въ духовно-учебномъ управленіи чрезъ описанный способъ увеличивалось до 3000. Послѣ этого никому уже не покажется удивительнымъ, что въ духовно-учебномъ управленіи, напр., въ 1861 г. было номеровъ 8,568 входящихъ, а исходящихъ 10,478 бумагъ.

Наконецъ сдѣлаю нѣсколько замѣтокъ относительно присутствій при духовно-учебномъ и хозяйственномъ управленіяхъ. Членами ихъ, кромѣ директора, вице-директора и начальниковъ отдѣленій, были, какъ выше сказано, и другія лица. Въ эти присутствія, по примѣру совѣтовъ при министерствахъ вообще и при ихъ департаментахъ, надобно было, кажется, избирать членами спеціалистовъ, которые бы занимались вопросами, не вполнѣ доступными или вовсе недоступными для канцелярій. Разсматривая вопросъ съ этой стороны, не легко придумать основательныя причины для существованія такихъ спеціалистовъ въ хозяйственномъ управленіи. Главнымъ предметомъ его дѣятельности была повѣрка отчетовъ по расходамъ суммъ во всѣхъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ,—составленіе и разсмотрѣніе смѣтъ на постройки по духовному вѣдомству. Лучшими спеціалистами въ первомъ случаѣ были контролеры и ихъ помощники; для второго же рода дѣлъ существовали по духовному вѣдомству при св. синодѣ архитекторъ съ помощникомъ. А между тѣмъ, число членовъ присутствія хозяйственнаго управленія, увеличиваясь болѣе и болѣе, доходило до десяти человѣкъ.

Совсѣмъ другое слѣдуетъ сказать о духовно-учебномъ управленіи. Такъ какъ въ немъ часто должны были разсматриваться вопросы, касающіеся ученой и учебной части, которыхъ разрѣшеніе странно было бы повѣрять канцеляріямъ, то здѣсь не только не излишни, но совершенно необходимы были ученые спеціалисты,—точно такіе же, какіе нынѣ состоятъ членами духовно-учебнаго комитета при св. синодѣ. И дѣйствительно, при самомъ учрежденіи этого управленія положено было, что, при разсужденіяхъ объ ученыхъ предметахъ, могутъ быть приглашаемы въ его присутствіе ректоры петербургскихъ духовныхъ семинарій и академій и, кромѣ того, сколько помнится, чередные архимандриты, не получая, разумѣется, жалованья, да и не за что было давать его, потому что ихъ слишкомъ рѣдко тревожили.

За то очень много было чиновниковъ-членовъ общаго присутствія духовно-учебнаго управленія, притомъ большею частью съ особымъ жалованьемъ. Въ чемъ состояла ихъ спеціальность, за какіе труды имъ давали или жалованье или награды, они и сами не могли бы рѣшить. Главная и едва ли не единственная ихъ обязанность состояла въ томъ, чтобы ежемѣсячно являться за полученіемъ жалованья за *ничего недѣланье*. Должности ихъ были часто синекурами для чиновниковъ, которые почему-либо считались заслуженными, но для которыхъ другой какой-либо дѣйствительно необходимой должности не придумали. Такимъ образомъ бывшій не малое время прокуроромъ греко-уніатской коллегіи С. С—чъ, по закрытіи ея, сдѣланъ былъ членомъ присутствія духовно-учебнаго управленія; то же самое случилось съ однимъ секретаремъ св. синода, который долгое время состоялъ, такъ сказать, чѣмъ-то въ родѣ чиновника по особымъ порученіямъ при одномъ изъ петербургскихъ митрополитовъ.

Не смотря на то, что описанная мною реформа сильно измѣняла существовавшія дотолѣ узаконенія относительно управленія духовно-учебными заведеніями, что чрезъ нее закрывалось присутственное мѣсто, существовавшее 30 лѣтъ,—она подготовлена и введена вовсе не такъ, какъ слѣдовало бы ожидать. И тогда въ подобныхъ случаяхъ для составленія новыхъ узаконеній учреждались особые комитеты, или дѣло поручалось какому-либо извѣстному спеціалисту; въ томъ и другомъ случаѣ новый проэктъ разсматривался до представленія въ государственный совѣтъ въ министерствѣ, министерскомъ совѣтѣ и пр. На основаніи этого обычая нужно было бы проектъ новой реформы по управленію духовно-учебнымъ вѣдомствомъ,—кто бы его предварительно ни составлялъ,—разсмотрѣть въ св. синодѣ и тогда уже представить въ государственный совѣтъ. Но реформа была неожиданнымъ сюрпризомъ для самихъ членовъ св. синода; они въ первый разъ услыхали о ней, когда гр. Пратасовъ въ присутствіи св. синода объявилъ имъ высочайшій указъ о состоявшемся уже замѣненіи коммиссіи духовныхъ училищъ духовно-учебнымъ управленіемъ. Вотъ, между прочимъ, нѣкоторыя обстоятельства въ подтвержденіе моихъ словъ.

Когда въ тѣ времена объявлялся высочайшій указъ о новомъ узаконеніи, котораго иниціатива такъ или иначе принадлежала св. синоду, то въ самомъ указѣ или въ мнѣніи государственнаго совѣта высказывалось, что это дѣлалось вслѣдствіе доклада святѣйшаго синода и т. п. Но въ указѣ, данномъ св. синоду о духовно-учебномъ управленіи, пишется: «Вникая въ необходимость

тѣсной связи между управленіемъ православной церкви и воспитаніемъ юношества, приготовляемаго на священное служеніе, Мы признали за благо сосредоточить въ св. синодѣ, какъ въ единомъ главномъ духовномъ правительствѣ имперіи Нашей, высшее завѣдываніе духовно-учебною частію, которое доселѣ было ввѣрено особой коммиссіи духовныхъ училищъ, а надзоръ за повсемѣстнымъ исполненіемъ существующихъ по сей части законовъ ввѣрить оберъ-прокурору св. синода (т. XIV, отд. 1-ое 2-го полнаго собранія законовъ, стр. 179, № 12070)». И тутъ, и далѣе ни слова не говорится, чтобы положеніе о духовно-учебномъ управленіи было предварительно разсмотрѣно и потомъ представлено св. синодомъ на высочайшее утвержденіе; даже не видно, было ли оно прежде высочайшаго утвержденія въ государственномъ совѣтѣ.

Далѣе въ тотъ самый день, когда указъ объ этомъ положеніи былъ прочитанъ въ св. синодѣ гр. Пратасовымъ, ректоръ академіи Доброхотовъ приглашенъ былъ кіевскимъ митрополитомъ Филаретомъ Амфитеатровымъ и по возвращеніи оттуда позвалъ къ себѣ одного изъ академическихъ профессоровъ.

— А знаете ли,—сказалъ Доброхотовъ,—какую я вамъ новость скажу? Угадайте!

— Да какъ же угадать,—отвѣчалъ профессоръ:—мало ли можетъ быть новостей?

— Новость эта касается насъ, коммиссіи духовныхъ училищъ и всѣхъ вообще духовныхъ училищъ,—ну, угадайте!

— Не знаю, ничего не придумаю.

— Такъ вотъ слушайте: коммиссія духовныхъ училищъ уничтожена и всѣ духовныя академіи, семинаріи и училища отданы во власть оберъ-прокурора. Вотъ такъ новость!

— Да это только проектъ?

— Какой тамъ проектъ? Состоялся уже указъ и нынѣ прочитанъ въ св. синодѣ.

— Да какъ же объ этомъ ничего не было слышно? вѣдь, разумѣется, дѣло прежде обсуживалось въ св. синодѣ. Какъ же это никто о томъ не проговорился?

— Обсужено, обсужено! Эка, что говорите! И въ св. синодѣ въ первый разъ узнали объ этомъ только нынѣ по прочтеніи указа.

— Отъ кого же это вы слышали?

— Отъ кіевскаго митрополита; онъ-то и сказалъ мнѣ, что они до того времени ничего не знали о новомъ проектѣ.

— А что же сдѣлали члены св. синода по прочтеніи указа?

Вѣрно, удивились и сказали что-нибудь насчетъ его неожиданности?

— Удивиться-то удивились, но ничего не сказали, а встали, поклонились гр. Пратасову и поблагодарили его.

— Да за что же благодарить?

— Какъ за что? Нашъ митрополитъ очень радъ, что ему больше уже не нужно будетъ ежемѣсячно пересчитывать деньги въ казначействѣ коммиссіи духовныхъ училищъ. Ха, ха, ха!

Еще кое-что мнѣ извѣстно о томъ, какъ новое положеніе о духовно-учебномъ управленіи составлялось, кто его былъ авторомъ, но по разнымъ обстоятельствамъ пока я не могу говорить объ этомъ; *не убо пріиде часъ.*

XVI.

Объ измѣненіи программы предметовъ, преподаваемыхъ въ духовныхъ семинаріяхъ.

Устроивъ управленіе духовно-учебными заведеніями на новыхъ основаніяхъ, гр. Пратасовъ нашелъ нужнымъ, если не измѣнить, то пополнить программу предметовъ, преподававшихся особенно въ духовныхъ семинаріяхъ. Программа эта, составленная при такъ-называемомъ преобразованіи духовно-учебныхъ заведеній въ 1809 г., отличалась немногосложностью. Почти до 1830 г. въ каждой изъ семинарій, гдѣ не было параллельныхъ классовъ, число наставниковъ ограничивалось шестью: одинъ преподавалъ богословскія, другой—философскія науки, третій—церковную, четвертый—гражданскую исторію, пятый—словесность и шестой—математику и физику; преподаваніе языковъ было раздѣлено между этими наставниками. Изъ всѣхъ наукъ едва ли не обширнѣе всего преподавалась философія, въ составъ которой входили логика, метафизика съ четырьмя своими частями: онтологіей, космологіей, психологіей и естественнымъ богословіемъ, этика, естественное право и исторія философскихъ системъ. Богословіе, преподававшееся почти всегда ректоромъ, состояло изъ герменевтики, догматики и нравственнаго богословія; даже св. писаніе и церковное краснорѣчіе не были отдѣльными предметами. Въ концѣ двадцатыхъ и въ первую половину тридцатыхъ годовъ сдѣланы были кое-какія измѣненія въ семинарской программѣ; напр., преподаваніе св. писанія поручено было отдѣльному наставнику. Особенно же бросалось въ глаза всякому то, что въ семинаріяхъ не читались науки, спеціально касав-

шіяся нашей церкви, напримѣръ, литургика, ученіе о русскомъ расколѣ, исторія русской церкви и пр.; въ самыхъ академіяхъ однѣ изъ нихъ начали появляться недавно, а другихъ еще не касались. Графъ считалъ необходимымъ пополнить этотъ пробѣлъ.

Къ тому же времени въ нашей администраціи явилась новая мысль. Вновь учрежденное министерство государственныхъ имуществъ, встрѣчая немалыя затрудненія въ невѣжествѣ крестьянъ для улучшенія сельскаго вообще хозяйства и видя безпомощность народа въ гигіеническомъ отношеніи, стало думать или, по крайней мѣрѣ, рѣшилось попробовать, не достигнетъ ли оно хорошихъ результатовъ въ томъ и другомъ отношеніи чрезъ священниковъ. Для этого, разумѣется, необходимо было, чтобы ученики семинарій ознакомились съ раціональнымъ сельскимъ хозяйствомъ и съ медициною, чтобы они впослѣдствіи были врачами не только душъ, но и тѣлесъ, чтобы способны были руководить будущихъ своихъ прихожанъ не только въ дѣлѣ спасенія, но и въ воздѣлываніи земли, въ улучшеніи скотоводства.

Графъ, вознамѣрившись сдѣлать измѣненія въ учебной программѣ семинарій, не дѣйствовалъ по той методѣ, которой держался при упраздненіи коммиссіи духовныхъ училищъ. Вмѣсто того, чтобы подарить сюрпризомъ духовное вѣдомство, онъ нашелъ нужнымъ потребовать отъ ректоровъ семинарій, чтобы они представили свои мнѣнія о программѣ предметовъ, которые слѣдуетъ преподавать въ семинаріяхъ. Одинъ изъ ректоровъ, Н., особенно показался графу прогрессивнымъ человѣкомъ въ этомъ отношеніи; его вызвали въ Петербургъ и помѣстили не въ невской лаврѣ, какъ монаха, но въ синодальномъ подворьѣ, которое не задолго до того времени устроилось въ домѣ, гдѣ прежде помѣщался университетъ. Тогда говорили, что это сдѣлано было не безъ цѣли,—хотѣли будто бы отца ректора держать вдали отъ монашествующихъ лицъ, которыя могли бы на него имѣть вліяніе. Разсказывали даже, что и самъ онъ, явившись къ митрополиту Филарету Дроздову, на вопросъ: «а вы, отецъ архимандритъ, зачѣмъ здѣсь?» будто бы отвѣчалъ: «по секретному дѣлу», и что Дроздовъ послѣ этого, съ свойственнымъ ему сарказмомъ, сказалъ: «ну, да гдѣ же намъ знать ваши секреты?» И вотъ архимандритъ, Карасевскій и еще кое-кто принялись передѣлывать семинарскую программу, надъ которою трудились Ѳеофилактъ Русановъ и Сперанскій.

Не скоро даже и сказка сказывается, не вдругъ и новая программа составилась, не скоро разсмотрѣна св. синодомъ и

введена въ семинаріи. Особенно всѣхъ тогда удивило то, что на основаніи ея пришлось обучать семинаристовъ медицинѣ, раціональному сельскому хозяйству и естественной исторіи, впрочемъ преимущественно только въ примѣненіи къ этому хозяйству. Преподавателями медицины большею частію сдѣлались лица, состоявшія врачами при семинаріяхъ. Относительно же агрономіи и естественной исторіи первоначально хотѣли-было обязать профессоровъ физико-математическихъ наукъ въ академіяхъ принять на себя хлопоты приготовить наставниковъ этихъ наукъ изъ студентовъ. Насилу Карасевскаго убѣдилъ одинъ академическій профессоръ, что это дѣло въ духовной академіи немыслимо и что для приготовленія наставниковъ по агрономіи и естественной исторіи лучше всего послать изъ каждой семинаріи воспитанниковъ въ Горыгорѣцкую земледѣльческую школу.

Изъ всѣхъ нововведеній по духовно-учебному вѣдомству, которыми ознаменовалось оберъ-прокурорство гр. Прагасова, едва ли не всего больше подвергалась злой критикѣ описанная сейчасъ реформа въ учебной программѣ семинарій. «Въ семинаріяхъ,— говорили критики,—и безъ того такъ много преподается разнообразныхъ наукъ, что ученики, хватаясь за всѣ, не успѣваютъ ни въ одной изъ нихъ, какъ слѣдуетъ. А теперь хотятъ ихъ сдѣлать еще медиками, агрономами, естествоиспытателями, навязываютъ столько новыхъ наукъ, что онѣ и въ свѣтскихъ училищахъ распредѣлены по нѣсколькимъ факультетамъ или спеціальнымъ заведеніямъ. Когда же семинаристамъ заниматься богословскими науками, въ которыхъ они будутъ имѣть нужду, сдѣлавшись священниками? Кромѣ того, ревнители благочестія опасались, что, занимаясь медицинскими, естественными и агрономическими науками, семинаристы увлекутся матеріалистическими взглядами въ мысляхъ и реальнымъ направленіемъ въ практической жизни».

Не одобряя безусловно новой учебной программы въ семинаріяхъ, я не думаю, чтобы она могла имѣть такія вредныя послѣдствія, какія ей приписывались; она, не стѣсняя занятій богословскими и другими науками, могла бы принести не малую пользу. Сельское народонаселеніе въ то время оставалось совершенно безпомощнымъ въ медицинскомъ отношеніи. Кромѣ самаго ничтожнаго количества медиковъ и фельдшеровъ, которые встрѣчались слишкомъ рѣдко въ богатыхъ и многолюдныхъ помѣщичьихъ имѣніяхъ, единственными врачами крестьянъ были знахари, ворожеи и разные шарлатаны мужского и женскаго рода, лечившіе отъ всѣхъ болѣзней, чрезъ нашептываніе надъ водою,

которую надобно было выпить, или чрезъ вспрыскиваніе ею же, —эти, по крайней мѣрѣ, не дѣлали вреда. А то были деревенскіе, бездипломные медики, которые лечили мышьякомъ, сулемою, крѣпкою водкою и т. п. Нѣтъ сомнѣнія, что священники, даже немного ознакомившись съ медициною, могли бы принести большую пользу своимъ прихожанамъ. Еще гораздо прежде гр. Пратасова, напримѣръ, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, въ семинаріяхъ тоже преподавалась медицина, и многіе священники, которыхъ я лично зналъ, оказали не мало пользы своимъ больнымъ прихожанамъ. Гр. Пратасову, который вновь ввелъ медицину въ семинаріи, слѣдовало бы позаботиться о томъ, чтобы семинаристамъ не читали чего-либо похожаго на полный курсъ медицины, состоявшій, впрочемъ, изъ клочковъ, оторванныхъ, такъ сказать, отъ всѣхъ медицинскихъ наукъ, а чтобы имъ сообщали достаточныя свѣдѣнія объ анатомическомъ устройствѣ человѣческаго тѣла, а главнымъ образомъ, практически ознакомили съ діагностикою тѣхъ болѣзней, которыми преимущественно страдаетъ крестьянство, и съ простыми медицинскими средствами, которыми можно помогать въ этихъ болѣзняхъ. Черезъ это, конечно, семинаристы не имѣли бы правъ на полученіе докторскихъ и лекарскихъ дипломовъ, но все-таки были бы полезнѣе знахарей, ворожей и т. п.

Къ сожалѣнію, преподаваніе медицины въ семинаріяхъ происходило самымъ непрактическимъ способомъ. Программы для этого не было никакой; всякій дѣйствовалъ по собственному благоусмотрѣнію. Я зналъ одного доктора медицины, который преподавалъ ее въ М—ой семинаріи. Будучи нѣкогда послѣдователемъ натуръ-философовъ, онъ начиналъ свои лекціи свысока, издалека, толкуя, напримѣръ, о томъ, какую роль играетъ солнечный свѣтъ не только въ организмѣ человѣка, но и въ явленіяхъ природы; припутывались сюда и сила тяготѣнія, и электричество, и магнетизмъ, и даже покойной памяти жизненная сила, а между тѣмъ, многоученый докторъ забывалъ удовлетворительно объяснить ученикамъ тѣ признаки, по которымъ можно узнать разстройство желудка или печени, отличить лихорадку отъ горячки и пр. Зналъ я еще другого доктора, который слишкомъ рѣдко ѣзжалъ на свои уроки, но за то къ публичному экзамену приготовлялъ нѣсколько опытовъ блестящаго, такъ-сказать, характера, напр., сожиганіе фосфора въ кислородѣ, потѣшая почтенную публику и нисколько не заботясь о сообщеніи ученикамъ тѣхъ свѣдѣній, которыми они могли бы быть полезными для больныхъ будущей своей паствы. Но пре-

подавателями медицины, какъ сейчасъ сказано, большею частію были штатные семинарскіе врачи, къ пособію которыхъ прибѣгали и ректоръ, и инспекторъ, и наставники, и самъ преосвященный. Поэтому надъ ними и надъ ихъ наукою, по крайней мѣрѣ, не смѣялись; вѣдь опасно обижать того человѣка, который, пожалуй, завтра же можетъ вылечить или залечить васъ.

Преподаватели сельскаго хозяйства и естественной исторіи не были въ столь счастливомъ положеніи, какъ медики. Надобно вообще сказать, что они въ Горыгорѣцкой школѣ наибольшею частію были весьма хорошо подготовлены къ преподаванію поручаемыхъ имъ наукъ. Нѣкоторые изъ нихъ сдѣлались извѣстны своими агрономическими свѣдѣніями; но они почти вездѣ встрѣтили непреодолимыя препятствія, завзятыхъ враговъ. На нихъ смотрѣли, какъ на распространителей матеріализма и реализма. Потомъ для успѣшнаго и полезнаго преподаванія сельскаго хозяйства слѣдовало бы имѣть непремѣнно хоть маленькую ферму или, по крайней мѣрѣ, небольшой огородъ, гдѣ бы на практикѣ можно было показывать приложеніе теоріи. Но это почти нигдѣ не встрѣчалось или ограничивалось самыми скромными размѣрами. Далѣе начальство семинарское почти-что вездѣ сознательно или ненамѣренно, — все равно, — принимало мѣры къ тому, чтобы лекціи по сельскому хозяйству и естественной исторіи, которыя читались въ классѣ, не оставались въ ученическихъ головахъ и не принесли со временемъ какой-либо пользы. Предметы семинарскаго курса раздѣлялись тогда на главные, второстепенные и третьестепенные; при переходѣ изъ одного класса въ другой принимались во вниманіе почти вездѣ одни первые; поэтому ученики ими только и занимались, а на прочіе, особенно на третьестепенные, въ числѣ которыхъ находились математика и физика, не обращали никакого вниманія. Сельское же хозяйство и естественная исторія поставлены были еще ниже третьей степени. Ни успѣхи въ нихъ, ни полное пренебреженіе къ нимъ не имѣли никакого значенія при составленіи общихъ ученическихъ списковъ. Если наставникъ высказывалъ претензіи хоть на какое либо вниманіе къ своимъ наукамъ, то ему говаривали: «вотъ еще, большая нужда заниматься вашимъ навозомъ». И потому ученики рѣшительно не занимались ни сельскимъ хозяйствомъ, ни естественною исторіею; если наставникъ говорилъ хорошо, то его еще слушали въ классѣ, но потомъ почти все забывалось; къ экзамену приготовлялось такъ что-нибудь для *одной видимости*, большею частью каждому назначалось выучить страничку, другую изъ лекцій. При такомъ положеніи, наставники, съ пер-

ваго раза горячо взявшіеся за свое дѣло, мало-по-малу охладѣли къ нему. Энергическіе и добросовѣстные убѣгали изъ семинарій; остававшаяся *золотая середина* получала жалованье, ходила въ классъ въ назначенные часы, рада была, если тамъ сидѣло нѣсколько человѣкъ. Чтобы не говорить лекціи въ пустыхъ классахъ, заводилась очередь, по которой два-три ученика въ извѣстный день должны были сидѣть въ классѣ *у сельскаго хозяина.* Экзамены производились только по формѣ. Развѣ иной рьяный наставникъ, который или самъ собою, или у какого-либо барина практически занимался агрономіей, приносилъ для потѣхи публики пучки разныхъ зерновыхъ и огородныхъ растеній и т. п.

Теперь вы, читатель, хорошо понимаете, какъ смѣшна была мысль тѣхъ, которые говорили, что медицина, сельское хозяйство и естественная исторія препятствовали семинаристамъ заниматься прочими науками или пріучали ихъ къ матеріалистическому взгляду на науку и жизнь. Въ головахъ ученическихъ, за немногими исключеніями, ровно ничего не могло оставаться отъ поименованныхъ наукъ. Надобно обвинять гр. Пратасова не за то, что онъ ввелъ эти науки въ семинарскую программу, а за то, что не взялъ мѣръ къ успѣшному и цѣлесообразному ихъ преподаванію; чрезъ это онѣ нисколько не сдѣлались вредными, но за то остались совершенно безполезными для семинарій.

Не перечисляя всѣхъ прибавокъ по богословскимъ наукамъ, я сдѣлаю нѣсколько замѣтокъ о такъ-называемомъ православномъ исповѣданіи вѣры, которое извѣстно еще подъ названіемъ Катихизиса Петра Могилы. Оно, какъ пишетъ г. Знаменскій въ своей исторіи русской церкви (стр. 224), составлено ректоромъ кіевской коллегіи Исаіею Яфимовичемъ, разсмотрѣно соборомъ, который созванъ былъ кіевскимъ митрополитомъ Петромъ Могилою въ 1640 г., отправлено на Востокъ, въ 1642 г., вновь разсмотрѣно соборомъ епископовъ въ Яссахъ, нѣсколько исправлено, отправлено къ восточнымъ патріархамъ на утвержденіе, гдѣ одобрено и подписано на Константинопольскомъ соборѣ (1643 г.) патріархами константинопольскимъ, антіохійскимъ и александрійскимъ, митрополитами халкидонскимъ, адріанопольскимъ, родосскимъ и пр. У насъ онъ изданъ при Петрѣ Великомъ (1722 г.) по распоряженію св. синода. Конечно, катихизисъ Петра Могилы или, лучше, Исаіи Яфимовича былъ для своего времени замѣчательнымъ трудомъ и, по всей вѣроятности, служилъ въ тогдашнихъ русскихъ православныхъ училищахъ учебнымъ руководствомъ. Но потомъ о немъ мало-по-малу забыли и даже при перечисленіи руководствъ для богословія не говорили. Вспомнили

о немъ въ двадцатыхъ годахъ и онъ былъ тогда переведенъ баккалавромъ петербургской духовной академіи Колоколовымъ на русскій языкъ. За всѣмъ тѣмъ въ семинаріяхъ о немъ не было, по поговоркѣ, ни слуху, ни духу.

При всемъ уваженіи къ тѣмъ авторитетнымъ лицамъ, которыя разсматривали и одобрили катихизисъ Петра Могилы въ XVII вѣкѣ, надобно сказать, что появленіе его въ семинарской программѣ почти въ половинѣ XIX-го столѣтія не могло не показаться страннымъ. Въ немъ встрѣчаются такія понятія, которыя не только въ катихизисѣ, но въ какомъ бы то ни было учебникѣ вовсе неумѣстны, напримѣръ, въ 34 вопросѣ 3-ей его части пишется, что противъ 2-й заповѣди Моисеева десятословія грѣшатъ и тѣ, которые «превращаютъ людей въ овецъ и другихъ животныхъ». Значитъ, катихизисъ допускаетъ, а изучавшіе его будущіе пастыри и архипастыри должны вѣрить, что есть дѣйствительно такіе грѣховодники, которые превращаютъ людей въ овецъ, свиней, волковъ и пр., и что такое превращеніе существуетъ на самомъ дѣлѣ. Притомъ во всѣхъ среднихъ свѣтскихъ учебныхъ и низшихъ духовныхъ училищахъ при гр. Пратасовѣ преподавался пространный катихизисъ митрополита Филарета Дроздова, одобренный св. синодомъ. Тутъ неизбѣжна слѣдующая дилемма: или катихизисъ Петра Могилы заключаетъ въ себѣ много важныхъ истинъ православнаго ученія, которыя не внесены въ пространный катихизисъ Филарета Дроздова, или они оба говорятъ объ однихъ и тѣхъ же предметахъ. Допустивши первое, надобно будетъ признать пространный катихизисъ неполнымъ и слѣдовательно нужно его пополнить. А если принять послѣднее, то по неволѣ является вопросъ: зачѣмъ объ однихъ и тѣхъ же предметахъ въ одинаковомъ почти объемѣ заставлять учениковъ заучивать напечатанное въ двухъ особыхъ книгахъ? Дилемма эта слишкомъ ясна, и потому представляется очень страннымъ, отчего на нее не обратили вниманія, когда вводили въ семинаріи заучиваніе катихизиса Петра Могилы, какъ отдѣльнаго учебнаго предмета; не ручаясь вполнѣ за достовѣрность, я скажу здѣсь о тѣхъ слухахъ, которые тогда носились и касались этого предмета.

Гр. Пратасовъ зналъ, что въ католической и лютеранской церквахъ есть такъ-называемыя *символическія* книги, содержащія въ себѣ тѣ пункты вѣроученія, которые имѣютъ обязательную силу для всѣхъ, принадлежащихъ къ тому или другому вѣроисповѣданію; таковы, напр., въ католичествѣ: «Canones et decreta oecumenici et generalis concilii Tridentini», «Professio fidei Tri-

dentinae», папы Пія IV и пр., а въ лютеранствѣ: Аугсбургское исповѣданіе и его апологія и пр. Символическія книги въ большомъ почетѣ, а у католиковъ едва ли не въ большемъ уваженіи, нежели самая библія. Графъ зналъ катихизисъ Петра Могилы и, какъ выше сказано, экзаменуя студентовъ въ первый свой пріѣздъ въ петербургскую духовную академію, предлагалъ много вопросовъ изъ него. Потомъ, разговаривая въ 1836 г. съ Иннокентіемъ Борисовымъ въ Петербургѣ, онъ будто бы спросилъ его: неужели въ нашемъ вѣроисповѣданіи нѣтъ такихъ книгъ, которымъ можно было бы придать значеніе символическихъ книгъ? Дѣйствительно ли Борисовъ думалъ, что катихизисъ Петра Могилы есть наша символическая книга, или желалъ только не оставить предложеннаго ему вопроса безъ отвѣта, но будто бы сказалъ, что этотъ катихизисъ, пересмотрѣнный на двухъ помѣстныхъ соборахъ и потомъ одобренный восточными патріархами, есть именно та книга, которую желалъ имѣть гр. Пратасовъ. Скажу опять, что говорю объ этомъ какъ о слухѣ, которому тогда вѣрили. Но вмѣстѣ съ тѣмъ прибавлю, что введеніе катихизиса Петра Могилы, какъ научнаго предмета, въ семинаріи удивило тогдашнее ученое духовное сословіе и даже вверху не обошлось безъ возраженій. Помню, какъ въ средѣ наставниковъ петербургской духовной академіи, собравшихся по случаю экзаменовъ, одинъ изъ членовъ академической конференціи, почетный и ученый протоіерей говорилъ во всеуслышаніе, что успѣху катихизиса въ XVII-мъ вѣкѣ на Востокѣ помогли даже и іезуиты и пр. Далѣе нѣсколько лѣтъ спустя послѣ того, П., одинъ изъ наставниковъ петербургской семинаріи, преподававшій православное исповѣданіе, разсказывалъ мнѣ за свѣжую новость и совѣтовался со мною, какъ поступить ему,—по поводу свиданія своего съ тогдашнимъ оберъ-священникомъ Кутневичемъ. Послѣдній, оскорбившись тѣмъ, что наставникъ якобы невѣжливо обошелся съ его сыномъ, обучавшимся въ семинаріи, призвалъ къ себѣ обидчика. Тутъ дѣло зашло о православномъ исповѣданіи. И когда наставникъ доказывалъ важность этого предмета, то Кутневичъ замѣтилъ ему, что это нисколько неважный предметъ и что введеніе его въ курсъ семинарскихъ наукъ есть *дѣло извѣстной партіи*. Прибавлю здѣсь, что нынѣ по новому уставу духовныхъ семинарій, катихизисъ Петра Могилы уже не преподается въ духовныхъ семинаріяхъ; слѣдовательно само духовное начальство признало преподаваніе его ненужнымъ.

По новой программѣ, нѣкоторые изъ преподававшихся прежде предметовъ или перестали быть обязательными для учениковъ,

или значительно сокращены. Къ первымъ относятся языки: еврейскій, французскій и нѣмецкій. До новой реформы еврейскому языку должны были обучаться всѣ ученики высшаго отдѣленія, а занятіе французскимъ и нѣмецкимъ предоставлялось свободному выбору учениковъ средняго и низшаго отдѣленій, но все-таки каждый изъ нихъ долженъ былъ учиться которому-либо языку. По новой же программѣ, занятіе всѣми тремя языками зависѣло уже отъ благосоизволенія самихъ учениковъ; они могли окончить курсъ семинаріи даже въ первомъ разрядѣ, не обучавшись ни одному изъ этихъ языковъ. Ко второму роду принадлежала философія; изъ нея велѣно было преподавать только логику и психологію, а прочія всѣ ея части, прежде преподававшіяся, равно какъ и исторія философскихъ системъ, не попали уже въ новую программу. Я не принадлежу къ защитникамъ тогдашней семинарской философіи; схоластика была въ ней преобладающимъ элементомъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ велѣно было учебною книгою непремѣнно считать пустѣйшее руководство Баумейстера. Но объемъ философіи въ семинаріяхъ уменьшенъ не потому, что она по своему содержанію не приносила пользы ученикамъ, не развивала ихъ мышленія, не сообщала имъ основательныхъ знаній о природѣ и человѣкѣ. Нѣтъ, умыселъ другой тутъ былъ. При господствовавшемъ тогда недовѣріи къ научнымъ изслѣдованіямъ, опасались, что семинаристы, выслушавъ полный курсъ философіи и даже естественное право, сдѣлаются философами, свободными мыслителями, либералами. Мнѣ самому удалось слышать сужденіе Карасевскаго объ этомъ предметѣ. «Помилуйте!— говорилъ онъ:—и во всѣхъ нашихъ университетахъ находится только пять профессоровъ философіи, въ гимназіяхъ ни одного, а у насъ въ каждой семинаріи по профессору, а въ нѣкоторыхъ даже по два, всего наберется до 70 профессоровъ философіи. Да и къ чему это такой обширный курсъ, въ которомъ и метафизика, и естественное право? Вѣдь семинаріи не академіи, не университеты; для чего имъ философія?» Само собою разумѣется, что Карасевскій повторялъ только слова и мысли графа.

Нельзя не поблагодарить гр. Пратасова за одно существенное улучшеніе въ преподаваніи наукъ въ семинаріяхъ. До предпринятой имъ реформы уроки по такъ-называемымъ главнымъ предметамъ, т.-е. по богословію и философіи въ академіяхъ и семинаріяхъ, и по словесности въ послѣднихъ, составлялись и заучивались на латинскомъ языкѣ. Бывали нѣкоторыя отступленія отъ этого правила, особенно въ академіяхъ; напр., въ петербургской еще ректоръ Григорій Постниковъ написалъ и отчасти

напечаталъ въ «Христіанскомъ Чтеніи» свою догматику, подъ названіемъ ученія о Богѣ и Св. Троицѣ; они долгое время были учебникомъ для студентовъ. Бывали попытки въ семинаріяхъ выдавать лекціи на русскомъ языкѣ; напр., извѣстный литераторъ и журналистъ Н. Ив. Надеждинъ, бывши профессоромъ словесности въ рязанской семинаріи, написалъ уроки свои на русскомъ языкѣ. Но большинство наставниковъ богословія, философіи и словесности писали свои классныя записки на латинскомъ языкѣ, а съ 1825 г., по предписанію коммиссіи духовныхъ училищъ, введены печатные тоже учебники по всѣмъ этимъ наукамъ. Обычай этотъ считался даже чѣмъ-то необходимымъ по существу дѣла; мнѣ много разъ случалось слышать очень неглупыхъ людей, которые серьёзно утверждали, что русскій языкъ не имѣетъ въ себѣ достаточнаго количества словъ для выраженія всѣхъ возвышенныхъ, научныхъ идей, особенно по философіи, и что тутъ въ одной латыни можно найти спасеніе. Нелѣпость такихъ мыслей слишкомъ очевидна и не требуетъ опроверженія. Скажу только, что лекціи на латинскомъ языкѣ были въ высшей степени обременительны для большинства учениковъ. Напрасно думаютъ, что всѣ семинаристы тогда принадлежали къ глубокимъ знатокамъ латинскаго языка; многіе, слишкомъ многіе изъ нихъ часто заучивали уроки, вовсе не понимая ихъ, тѣмъ болѣе, что и латынь была варварская, схоластическая. Въ подтвержденіе своихъ словъ я укажу на два примѣра, которые относятся уже не къ семинаристамъ, а одинъ къ академисту-студенту, а другой къ магистру богословія, инспектору и профессору философіи въ семинаріи. Въ 1831 г. въ низшемъ отдѣленіи петербургской духовной академіи происходили репетиціи по исторіи философскихъ системъ. Лекціи были написаны, разумѣется, на латинскомъ языкѣ, а урокъ въ одинъ день касался, между прочимъ, философіи Зороастра. Параграфъ о ней имѣлъ очень длинное заглавіе,—строкъ до десяти. Въ тетради, по которой одинъ изъ студентовъ училъ урокъ, заглавія написаны были не на поляхъ страницъ, а впереди каждаго параграфа. Маленькихъ заглавій студентъ не училъ. Но когда дошла очередь до Зороастровой философіи, онъ никакъ не повѣрилъ, чтобы оглавленіе параграфа могло состоять изъ 10 строкъ, счелъ его за самый текстъ и выучилъ на память. Профессоръ заставилъ студента читать именно этотъ параграфъ. Бѣднята, не умѣвшій отличить заглавія отъ текста, началъ читать оглавленіе, но читалъ медленно, съ остановками, подбирая слово къ слову; товарищи втихомолку посмѣивались. Но когда онъ прочиталъ все

заглавіе и хотѣлъ приняться за самый текстъ, то профессоръ съ сарказмомъ сказалъ: «довольно съ васъ»; тогда уже поднялся общій смѣхъ, въ которомъ принялъ участіе и профессоръ. Другой случай происходилъ въ В—ой семинаріи нѣсколько лѣтъ ранѣе предъидущаго. Профессоръ по заведенному обычаю заставилъ ученика переводить новый урокъ по философіи съ латинскаго на русскій языкъ. Ученикъ остановился на словахъ: ob regulas justae methodi (по правиламъ здраваго, или вѣрнаго, метода).

— Что же ты стоишь?—спросилъ профессоръ.

— Тутъ, кажется, ошибка есть,—отвѣчалъ ученикъ.

— Какая же?

— Да вотъ слово *methodus*, означающее Меѳодій, мужескаго рода, а между тѣмъ прилагательное *justae* стоитъ въ женскомъ родѣ.

— Ну такъ что-жъ, поправь и переводи.—Ученикъ тотчасъ перевелъ: — *по правиламъ святаго Меѳодія*. — Но профессоръ замѣтилъ, что слово: *святый* по-латыни выражается чрезъ *sanctus*, и что *justus* означаетъ *блаженный*, а потому все переведено было словами: *по правиламъ блаженнаго Меѳодія*. Если такими знатоками латинскаго языка являются, конечно, не всѣ, а хоть нѣкоторые студенты академіи и даже профессоры философіи, то сколько же было семинаристовъ, для которыхъ латинскія лекціи были непонятны даже при помощи словарей?

Верхъ же нелѣпости состоялъ въ томъ, что уроки по-русской словесности были на латинскомъ языкѣ. Большею частью учебникомъ служила пустѣйшая риторика Бургія, почти-что вся состоявшая изъ опредѣленій періодовъ, троповъ, фигуръ, хрій, топическихъ мѣстъ и пр., и пр., съ примѣрами изъ одного предложенія: *honores mutant mores*. Гр. Пратасову надо отдать честь за то, что онъ понялъ, какъ нелѣпо русскимъ людямъ преподавать важнѣйшія науки и даже русскую словесность на латинскомъ языкѣ. Предписано или, по крайней мѣрѣ, дозволено было наставникамъ богословія, философіи и риторики писать свои уроки по-русски.

Послѣ этого семинарскіе богословы, философы и риторы-наставники начали составлять свои лекціи на русскомъ языкѣ. Въ этомъ случаѣ большинство ихъ не очень заботилось о личной самостоятельности; одни переводили прежніе латинскіе учебники на русскій языкъ, другіе добывали и сокращали академическія записки; но были люди добросовѣстные и ученые, которые въ этомъ случаѣ проявляли нѣкоторую самобытность, руководствуясь даже иностранными сочиненіями. При такомъ положеніи нельзя

было ожидать единства въ преподаваніи по всѣмъ семинаріямъ; не говорю, чтобы всякій молодецъ, по пословицѣ, дѣйствовалъ на свой образецъ, но слишкомъ часто случалось, что объ иномъ предметѣ въ одной семинаріи ученики выучивали цѣлыя страницы и листы, тогда какъ въ другой о томъ ничего почти не слыхали. Чтобы объединить и упорядочить преподаваніе всѣхъ предметовъ, поручено было въ 1840 г. академическимъ наставникамъ составить программы для семинарій, каждому по своей наукѣ. Но немногіе изъ нихъ представили дѣльныя программы; иные даже вовсе ничего не написали. Нѣкоторые изъ представившихъ не понимали, что́ отъ нихъ требовалось. Мнѣ самому пришлось читать программу по физикѣ, составленную однимъ изъ баккалавровъ московской академіи; эта программа была не что иное, какъ копія съ оглавленія физики Щеглова. Представленныя программы разсматривались и въ св. синодѣ, а по свѣтскимъ наукамъ передавались для оцѣнки даже лицамъ другихъ вѣдомствъ, напр., мнѣ удалось прочитать отзывы одного инженера путей сообщенія о программахъ по математикѣ; оцѣнка ихъ поручена была Карасевскимъ ему, какъ спеціалисту по математикѣ. Но сколько мнѣ извѣстно, труды составителей программъ не принесли той пользы, которой отъ нихъ можно было ожидать.

XVII.

Сужденіе о реформахъ гр. Пратасова въ петербургской духовной академіи.

Въ заключеніе этой статьи позвольте нѣсколько поговорить о томъ, насколько гр. Пратасовъ былъ полезенъ петербургской духовной академіи? Неблагопріятствовавшая ему партія въ духовенствѣ и прежде доказывала,—да и теперь еще не отказывается отъ мысли, что его дѣятельность, можетъ быть, была болѣе вредна, нежели полезна. Вѣдь она, будто бы, ограничивалась одною экономическою частью академіи, да и въ этомъ отношеніи обращалось вниманіе на то только, чтобы внѣшней обстановкѣ студенческой жизни придать тотъ чисто-наружный лоскъ, которымъ тогда отличались или, лучше, страдали свѣтскія учебныя заведенія. Нравственное же настроеніе и основательное умственное образованіе остались въ прежнемъ неудовлетворительномъ состояніи, даже отодвинуты на второй планъ. Одѣли студентовъ въ плотное, здоровое сукно, требовали, чтобы они свои сюртуки очищали отъ пуха, перьевъ и всякой всячины

и застегивались на всѣ шесть пуговицъ, чтобы книги стояли въ шкафѣ въ порядкѣ, чтобы нигдѣ не валялось ни перьевъ, ни клочковъ бумаги. Выучили студентовъ быстро выстраиваться въ ряды, ходить попарно, чуть не въ тактъ, въ церковь и въ столовую, приглаживать свои волосы или, лучше, такъ ихъ остригли, что даже нечего было и приглаживать, сдѣлали какими-то полусолдатами, полу-кадетами, подчинили людей взрослыхъ, солидныхъ почти ребяческой дисциплинѣ. Развѣ много придало ума студентамъ и улучшило ихъ нравственность то, что они теперь сидѣли на стульяхъ изъ ясеневаго, отполированнаго дерева, писали на столахъ и конторкахъ, днемъ отдыхали на диванахъ, ночью клали свою одежду на табуреты изъ того же дерева, и проч.—Много можно бы набрать подобныхъ: *развѣ и неужели.* Но и сказаннаго довольно, чтобы понять, въ чемъ преимущественно обвиняли гр. Пратасова, когда дѣло шло о петербургской академіи. Изъ настоящей статьи читатель можетъ видѣть, что я далеко не принадлежу къ безусловнымъ почитателямъ гр. Пратасова; настоящіе его поклонники, которыхъ еще очень много въ живыхъ, по всей вѣроятности, обвинятъ меня въ неуваженіи къ его особѣ, въ дерзости, осмѣлившейся выставить на видъ нѣкоторые изъ его недостатковъ. Но я все-таки скажу, что онъ очень, очень много принесъ пользы академіи, если даже ограничиться тѣми его распоряженіями и реформами, о которыхъ сказано въ этой статьѣ.

Я уже выше описалъ, въ какомъ полубурсацкомъ состояніи находилась петербургская духовная академія въ то время, какъ гр. Пратасовъ сдѣлался синодальнымъ оберъ-прокуроромъ. Вопросъ состоитъ въ томъ, нужно ли было ее оставлять въ томъ же самомъ видѣ, или слѣдовало превратить изъ бурсы въ приличное времени учебное заведеніе? Конечно, даже и нынѣ еще «нѣцыи ханжи, причудники твердятъ», что опрятность въ комнатахъ, блестящая ихъ меблировка, постели съ чистымъ бѣльемъ, спальни съ свѣжимъ воздухомъ излишни для духовныхъ воспитанниковъ, которыхъ назначеніе состоитъ въ томъ, чтобы быть смиренными пастырями, проповѣдывать о самоуниженіи, о самоумерщвленіи и пр. Теперь нѣтъ надобности доказывать несовременность бурсы и полубурсы, когда само духовное начальство, конечно, подъ вліяніемъ свѣтскаго элемента, устраиваетъ и семинаріи, и даже низшія училища на тотъ же манеръ, на который устраивалъ петербургскую академію гр. Пратасовъ; но можно съ несомнѣнною увѣренностью утверждать, что само духовное начальство долго бы не взялось за необходимыя пре-

образованія экономической части въ академіи. Развѣ можно было ожидать этого отъ митр. Серафима, который думалъ исправить всѣ замѣченные гр. Пратасовымъ недостатки въ академіи, употребивъ на это 200 или 300 руб. ассигнаціями, который сбросилъ со стола дряхлою своею рукою первое предложенное ему для подписи представленіе объ улучшеніи одежды студентовъ? Развѣ даже бѣлое духовенство не вооружалось противъ реформъ гр. Пратасова? А развѣ, безъ сомнѣнія самый умный изъ тогдашнихъ іерарховъ, московскій митрополитъ Филаретъ Дроздовъ скоро позволилъ сдѣлать хоть нѣкоторыя улучшенія въ московской духовной академіи, въ московской и виѳанской семинаріяхъ? Повѣрьте, не начни, и даже, извините за слово, *не налягъ* гр. Пратасовъ, петербургская академія до нынѣшняго царствованія немного развѣ измѣнила бы свой полубурсацкій характеръ.

На научное развитіе студентовъ гр. Пратасовъ, повидимому, не имѣлъ вліянія, даже мало какъ будто бы и обращалъ вниманія. Послѣ того, какъ въ первый свой визитъ выказалъ свои свѣдѣнія въ катихизисѣ Петра Могилы и не нашелъ ихъ въ студентахъ, а во второй визитъ отнялъ возможность у архимандрита Климента читать лекцію о «Кормчей книгѣ», онъ бывалъ много разъ въ классахъ при наставникахъ, слушалъ, какъ они говорили лекціи, но едва ли не болѣе смотрѣлъ на то, все ли опрятно въ классѣ и хорошо ли одѣты студенты. Однажды въ послѣ-обѣденный классъ въ высшемъ отдѣленіи въ то время, какъ наставникъ по нравственному богословію изъ всѣхъ силъ старался удивить его своею лекціей, онъ занимался почти однимъ выговоромъ ректору за то, что на первой партѣ сидѣлъ только одинъ студентъ Горскій, тогда какъ задніе столы были *биткомъ набиты;* притомъ у студента курчавые волосы оказались въ пуху и неподстриженными подъ гребенку, а спинка сюртука—выбѣленною и выкрашенною о стѣны; такимъ образомъ студентамъ пришлось слушать вдругъ двѣ лекціи; одна касалась богословско-нравственнаго предмета, а другая опрятности одежды и стрижки волосъ. На публичныхъ экзаменахъ графъ, бывши оберъ-прокуроромъ, присутствовалъ, кажется, только однажды; по живому своему характеру онъ не любилъ слушать, какъ на этихъ экзаменахъ студенты часто монотонно и скучновато читали не менѣе скучные какіе-либо схоластическіе трактаты о томъ или о другомъ предметѣ; ему нравилось давать краткіе вопросы и получать такіе же на нихъ отвѣты. Поэтому бывали примѣры, что по окончаніи публичныхъ экзаменовъ, когда бы уже должны были наступить каникулы, студентовъ задерживали на нѣсколько времени

по приказанію графа, чтобы ему самому поэкзаменовать ихъ по своей собственной методѣ. Эти экзамены также, какъ и экзаменъ при первомъ визитѣ графа, выражали желаніе не только людей посмотрѣть, но и себя показать. За всѣмъ тѣмъ визиты и реформы его по академіи были полезны и въ научномъ отношеніи.

Хотя на каждую лекцію тогда назначалось по два часа, но нѣкоторые наставники приходили на часъ, а иногда и поменѣе. Нѣсколько чудаковъ между ними очень усердно готовили свои лекціи и увлекали ими своихъ слушателей, но другіе, по поговоркѣ, пробавлялись такъ кое-чѣмъ, перебирали старый хламъ изъ пустого въ порожнее. Да и къ чему обременять себя излишними хлопотами?—ни надзора, ни одобреній, ни замѣчаній никогда почти не было; все шло по старинѣ. Теперь съ новыми порядками держаться ея сдѣлалось неудобнымъ. Понадобилось ходить на $1^1/_2$—$1^3/_4$ часа. Часъ мучить студентовъ дурною лекціей еще какъ-нибудь можно было; народъ молодой, неприхотливый,—выдержали бы. Но пустѣйшая лекція въ $1^1/_2$—$1^3/_4$ часа выведетъ изъ терпѣнія самаго хладнокровнаго и апатичнаго человѣка; вѣдь сразу, пожалуй, сочинится какая-нибудь исторія. Ну, а какъ еще придетъ на лекцію графъ или Карасевскій? Вѣдь сразу попросятъ подать въ отставку. Даже, чего прежде почти никогда не бывало, сами ректора, какъ непосредственные наблюдатели учебной части, начали похаживать на лекціи къ наставникамъ; и отъ нихъ можно было получить выговоръ; да и стыдно предъ ними собирать и перебирать всякую всячину. Такимъ образомъ гр. Пратасовъ, безъ всякихъ приказаній, заставилъ наставниковъ быть исправнѣе прежняго.

И студенты вынуждены были оставлять старыя свои привычки и усвоять новыя. Въ былое время иной посмѣлѣе и полѣнивѣе опускалъ большую часть классовъ; даже у ректора на лекціи иногда сидѣло менѣе половины студентовъ. Теперь дѣла приняли другой оборотъ; студенты, конечно, находили еще возможность скрываться отъ классовъ въ разныхъ уголкахъ, но на это рѣшались отважнѣйшіе между ними; большинство же волею-неволею приходило на лекціи. Разумѣется, тутъ не всѣ слушали *глаголющаго* наставника,—многіе приносили свои книжки и читали ихъ, держа въ партѣ; и въ то время, какъ наставникъ толковалъ о возвышенныхъ, небесныхъ, догматическихъ, нравственныхъ и философскихъ истинахъ, иной проказникъ читалъ Вальтеръ-Скотта, стихи Пушкина, даже Сѣверную Пчелу или Сынъ Отечества. Но все-таки иногда отъ нечего дѣлать прислушивались къ словамъ наставника, а потомъ и слушали уже со

вниманіемъ тѣхъ, которые удовлетворительно говорили; вѣдь сидѣть безъ дѣла $1^1/_2$—$1^3/_4$ часа еще скучнѣе, нежели слушать не слишкомъ скучную лекцію.

Особенно же улучшились комнатныя домашнія занятія студентовъ. Прежде каждая комната составляла, такъ сказать, нѣчто въ родѣ независимаго царства. Двери въ сосѣднія комнаты затворены; можемъ у себя дѣлать, что́ намъ ни вздумается, и побалагуримъ, и пошалимъ, и посмѣемся, даже пошумимъ. Конечно, все слышно у сосѣдей, но не черезъ-чуръ; въ самой же комнатѣ уже никому нельзя серьёзно заняться. Теперь это блаженное время миновало. Двери въ сосѣднія комнаты стоятъ отворенными; даже не громкій говоръ слышенъ далеко; сейчасъ попросятъ помолчать. И потому во время часовъ для занятія въ комнатахъ была большею частью тишина. Значитъ, кому охота припадала заниматься, препятствій не было. А приходилось заниматься почти по неволѣ. Сидѣть сложа руки надоѣдало, да и совѣстно, когда другіе чѣмъ-либо да занимались. А тутъ того и смотри, войдетъ инспекторъ или его помощникъ, а то, пожалуй, и ректоръ. Дѣйствительно, не шутя, можно сказать, что студенты отъ вліянія введенной дисциплины стали заниматься гораздо лучше прежняго. Назначавшіеся ревизорами члены св. синода—архіереи, не очень мирволившіе къ гр. Пратасову, сознавались впрочемъ, что въ научномъ отношеніи академія сдѣлала большой шагъ впередъ.

Даже нравственная сторона студентовъ при гр. Пратасовѣ улучшилась. Смѣшно было бы говорить, что хожденіе по два въ рядъ, застегиваніе сюртуковъ на всѣ пуговицы, отдѣльныя спальни и пр. тому подобное улучшали нравственное развитіе воспитанниковъ. Но съ другой стороны нельзя не сказать, что если не улучшится нравственность, то, по крайней мѣрѣ, не станетъ развиваться безнравственность, когда будетъ поменьше соблазновъ къ послѣдней. Конечно, чрезъ это безнравственный человѣкъ не исправится, но за то слабохарактерные люди будутъ имѣть гораздо меньше случаевъ къ тому, чтобы сбиться съ дороги. Я уже выше сказалъ, что гр. Пратасовъ въ первый свой визитъ въ академію могъ бы натолкнуться на порядочную попойку; такія попойки и даже оргіи и вакханаліи были тогда не рѣдкость; этому помогали разныя обстоятельства. Каждая комната составляла отдѣльное царство, жители котораго, сговорившись между собою, могли дѣлать почти все, что́ имъ приходило въ голову. Въ каждой комнатѣ, до устройства отдѣльныхъ спаленъ, можно было удобно заготовить и припрятать и бутылочки, и пол-

штофчики, и закусочку и пр.; тутъ оказывали услугу не только комоды и сундуки, но и особенно кровати, въ которыхъ все пространство ниже матраца, закрывалось чехлами; ставь туда, что угодно; никто бы не увидалъ. Начальство не очень часто ходило по комнатамъ, даже инспекторъ не каждую недѣлю; помощниковъ у него не было; а ректоръ иногда и въ годъ не заглядывалъ въ комнаты. Послѣ десяти часовъ вечера студенты могли себя считать безопасными отъ визитацій начальства и потому, сговорившись, разумѣется, со старшимъ, тоже студентомъ, и дома дѣлали, что̀ вздумалось, и отправлялись въ городъ, конечно, не всегда въ ворота, но черезъ стѣну. Отъ пратасовскихъ реформъ подобное пріятное время-препровожденіе очень позатруднилось. Сундуки отобраны; комоды поставлены въ общую гардеробную; кровати находились въ особыхъ комнатахъ и подъ ними ничего уже нельзя было припрятать; въ комнатахъ для занятій только въ одномъ почти книжномъ шкафѣ за рядомъ книгъ можно помѣстить что-либо запрещенное,—дѣлали по нуждѣ и это отчаянные люди, но уже съ большимъ рискомъ и слишкомъ рѣдко. Затѣмъ каждая комната перестала быть отдѣльнымъ царствомъ; что̀ въ ней ни задумай сдѣлать, могли не только услышать, но и увидать изъ сосѣднихъ комнатъ. Визитаціи начальства повторялись чаще прежняго. Даже послѣ десяти часовъ ночи нельзя было надолго уйти куда-либо и тамъ повеселиться, потому что инспекторъ или его помощникъ, посѣщая спальни, легко замѣтили бы отсутствующаго. Я не говорю, чтобы не было кутежей, чтобы пьянство совсѣмъ прекратилось. Но его придерживались только тѣ, которые уже пріобрѣли наклонность къ нему въ семинаріяхъ; другіе же, не имѣвшіе ея, или имѣвшіе, но въ слабой степени, мало имѣли случаевъ развить ее. Прежде трезвые студенты составляли меньшинство, но съ пратасовскими реформами они мало-по-малу составили большинство.

Но едва ли не болѣе всего пратасовскія реформы имѣли благодѣтельное вліяніе на гигіеническое состояніе студентовъ. При прежнихъ порядкахъ или, лучше, безпорядкахъ студенты, составлявшіе одно какое-либо царство, часто чуть не цѣлый вечеръ проводили въ разговорахъ. Потерянное такимъ образомъ время примѣрные между ними старались вознаградить тѣмъ, что или сидѣли часовъ до двухъ и далѣе, или вставали слишкомъ рано. Отъ этого въ одну ночь приходилось спать восемь и болѣе часовъ, а въ другую не оставалось для этого и четырехъ. Подобная нерегулярность дурно отражается на организмѣ. Прибавьте сюда тяжелый воздухъ въ комнатахъ, которыя трудно было про-

вѣтривать, потому что жильцы оставались въ нихъ безпрерывно цѣлые сутки. Не забывайте возможности устроять попойки и даже оргіи и разстраивать свое здоровье послѣ десяти часовъ ночи внѣ академическихъ стѣнъ. Тогда поймете, что при прежнихъ порядкахъ безпорядочная жизнь во многихъ отношеніяхъ разстраивала здоровье студентовъ. Съ реформами гр. Пратасова дѣла приняли другой оборотъ. Каждому студенту волею или неволею приходилось спать никакъ не менѣе шести часовъ. И между тѣмъ онъ успѣвалъ сдѣлать гораздо болѣе, нежели въ былое время, когда просиживалъ цѣлыя ночи. Зная, что ему нельзя будетъ сидѣть за дѣломъ далѣе 11 часовъ вечера и приняться за него ранѣе 5 часовъ утра, всякій и самъ въ назначенное время для домашнихъ занятій усердно брался за нихъ, да и тотъ, кому или не хотѣлось заниматься или не было дѣла, сидѣлъ смирненько; иначе сейчасъ попросили бы его замолчать, еслибы онъ сталъ разглагольствовать. Прибавьте къ этому правильный образъ жизни, уменьшеніе случаевъ къ попойкамъ и ночнымъ прогулкамъ и пр. Все это имѣло результатомъ то, что здоровье студентовъ отъ устройства спаленъ не только не разстроилось, но и улучшилось.

Наконецъ преобразованія, происходящія въ настоящее время въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, были бы слишкомъ затруднительны, если бы въ нимъ не проложена была дорога гр. Пратасовымъ. Ректоры семинарій, которые почему-либо при немъ бывали въ Петербургѣ, получали отъ него приказаніе непремѣнно съѣздить въ тамошнюю духовную академію, а съ 1843 г. и въ новую семинарію и, какъ тогда говорили, *поучиться*, какъ управлять своими семинаріями. Казанская академія и вновь возводимые семинарскіе корпуса уже устраивались по образцу петербургской академіи или семинаріи. Потомъ мало-по-малу начали появляться инспекторы и ректоры, воспитавшіеся въ петербургской академіи; эти уже сами собою старались въ управляемыхъ ими семинаріяхъ вводить новые порядки, сколько позволяли ограниченныя тогдашнія средства; нѣкоторыя семинаріи не имѣли бурсацкаго характера; напр., кажется, болѣе десяти лѣтъ тому назадъ нынѣшній Государь Императоръ изъявилъ благодарность начальству ярославской семинаріи за найденные въ ней порядки [1]).

Потомъ до гр. Пратасова ученое монашество считало себя какою-то отдѣльною общиною, куда міряне не имѣли права за-

---

[1]) Писано въ прошлое царствованіе.—*Ред.*

глядывать,—единственнымъ компетентнымъ сословіемъ, способнымъ управлять духовно-учебными заведеніями. Занимая всѣ ректорскія и почти всѣ инспекторскія мѣста въ семинаріяхъ, монашество царило въ нихъ и даже начало проникать въ низшія училища. Поколебать это царство еще было невозможно; укрѣпленія, защищавшія его, считались, по крайней мѣрѣ, почти-что неприступными. Но гр. Пратасовъ, такъ сказать, пробилъ въ нихъ бреши, чрезъ которыя можно уже было и не монашествующимъ лицамъ проникать въ завѣтное царство. Фактическимъ, нагляднымъ образомъ онъ доказалъ, что государство чрезъ синодальнаго оберъ-прокурора имѣетъ право дирижировать духовными училищами, что монашество въ училищныхъ дѣлахъ должно руководствоваться не монашескими правилами Василія Великаго и Іоанна Лѣствичника, а новыми педагогическими идеями. Въ противность господствовавшей системѣ онъ назначалъ свѣтскихъ студентовъ инспекторами важнѣйшихъ семинарій, напр. петербургской, московской, казанской и пр.

Почти все, разсказанное въ этихъ запискахъ о петербургской духовной академіи и о гр. Пратасовѣ, относится ко второй половинѣ тридцатыхъ годовъ, кромѣ немногихъ частностей. Этимъ пока и заканчиваю я свои записки, впрочемъ вовсе не потому, что недостаетъ матеріала для продолженія ихъ. Въ сороковыхъ годахъ вліяніе гр. Пратасова на духовно-учебное вѣдомство не прекратилось, а еще болѣе прежняго усилилось. Въ самой петербургской духовной академіи, особенно при преемникѣ Доброхотова, происходило множество очень интересныхъ событій. Но откровенно говорить о нихъ пока невозможно: *не убо пріиде часъ*.

Д. И. Ростиславовъ

Издательство православной богословской литературы
“АКСИОН ЭСТИН”
(Санкт-Петербург)

Книги издательства “Аксион эстин” — это православные исследования, удачно сочетающие высокий научно-академический уровень и доступную форму изложения. Они будут интересны и полезны преподавателям и студентам богословских и гуманитарных ВУЗов, православных духовных академий и семинарий, всем верующим, желающим лучше понять христианское вероучение.

Посетите наш сайт в интернете по адресу:
www.axion-estin.ru

На сайте:

- подробная информация о новоизданных книгах;
- возможность бесплатной загрузки большого количества электронных книг по богословию, библеистике, патрологии, которые легко читать на компьютере или распечатать на принтере;
- возможность заказать книги для доставки по почте (в том числе и электронные книги, которые высылаются на компакт-дисках).

Ваши вопросы и пожелания направляйте, пожалуйста,
по электронной почте: **info@axion-estin.ru**